

Департамент образования и молодёжной политики
Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

Обско-угорский институт
прикладных исследований и разработок

Е. В. Косинцева

**МЕТАТЕКСТ
В ХАНТЫЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ:
УРБАНИСТИЧЕСКИЙ КОД**

Ханты-Мансийск, 2020

УДК 82-9
ББК 83.3 (=665.1)
К 69

Рецензенты:

Гудкова С. П., д. филол. н., профессор кафедры русской и зарубежной литературы ФГБОУ ВО «Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва»;

Семёнов А. Н., д. пед. н., заведующий научно-исследовательским отделом обско-угорских литератур БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок».

Косинцева Е. В.

Метатекст в хантыйской литературе: урбанистический код. Монография. – Ханты-Мансийск: ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск», 2020. – 168 с.

Монография представляет собой опыт литературоведческого осмысления проблемы метатекста на материале произведений хантыйских писателей. Автор рассматривает процесс формирования урбанистического кода в художественной словесности ханты, раскрывает образ города, анализирует рецепцию топоса, функционирование городского текста в хантыйской литературе.

Книга адресована литературоведам, педагогам, студентам и всем, кто интересуется обско-угорской литературой.

*Рекомендовано к публикации Научно-методическим советом
Обско-угорского института прикладных исследований и разработок*

© Обско-угорский институт прикладных
исследований и разработок, 2020

© Косинцева Е. В., текст, 2020

© Жеманская Н. А., художественное
оформление, 2020

ISBN 978-5-6044084-4-5

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
-----------------------	----------

ГЛАВА I.

ОБРАЗ РОССИИ В ХАНТЫЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: УРБАНИСТИЧЕСКИЙ КОД

1. О хантыйской литературе.....	14
2. Образ России и русского человека в хантыйской литературе.....	20
3. Образы российских городов-мегаполисов в хантыйской поэзии.....	43
4. Города Западной Сибири в хантыйской поэзии	52
5. Атрибуция безымянного города в рассказе Е. Д. Айпина «Осень в твоём городе»	66

ГЛАВА II.

ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ В ХАНТЫЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОБРАЗЫ ЕВРОПЕЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ГОРОДОВ

1. Парижский текст в прозе Е. Д. Айпина	76
2. Северная Европа и её презентация в хантыйской прозе...	92
3. Образ Рио-де-Жанейро в творчестве Е. Д. Айпина	105
4. Презентация городов Канады в прозе и публицистике Е. Д. Айпина.....	119
5. Рецепция США в прозе Е. Д. Айпина	134
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	152

ВВЕДЕНИЕ

Книга – великая вещь,
пока человек умеет ею пользоваться.

Александр Блок

Моим лучшим другом является тот,
кто дал мне книгу, которую я ещё не читал.

Авраам Линкольн

В современном литературоведении одним из востребованных направлений является изучение метатекстов. Первые попытки теоретического осмысления явлений, близких к современному пониманию метатекстуальности, относятся к началу XIX века, когда теоретик йенского романтизма Фридрих Шлегель впервые предложил термин «поэзия поэзии» («Die Poesie der Poesie»). Так он охарактеризовал «трансцендентальную поэзию». Термин Ф. Шлегеля использовал В. М. Жирмунский при анализе поэзии О. Мандельштама, который назвал стихи поэта не поэзией жизни, а поэзией поэзии. Французский философ-постмодернист и теоретик литературы Жан-Франсуа Лиотар и американский литературовед Фредрик Джеймисон в середине XX века разработали теорию «нарратива», «метатекста», под которым понимаются любые «объяснительные системы», организующие общество (религия, история, наука, психология, искусство).

В отечественной науке понятие метатекста возникло во второй половине XX века, когда тексты изучались лингвистами в качестве конкретных знаковых систем (Р. О. Jakobson, М. М. Бахтин, Ю. М. Лотман и др.). Исследователи уделяли большое внимание проблеме «смысл – текст», когда под текстом понималась некая конструкция, созданная для передачи представлений о предметной области. Метатекстовая функция

как одна из основных функций успешной речевой коммуникации была выделена Р. О. Якобсоном, который подчеркнул, что метаязык является структурным образованием, не имеющим аналогов в других языковых системах.

В современной науке границы этого понятия варьируются у разных учёных от «текстов о тексте», «текстов в тексте» до «авторского повествования об авторском повествовании». Как отмечает японский исследователь Ким Хюн Еун, следует отличать литературоведческий смысл этого термина от понимания метатекста, сложившегося в лингвистике и семиотике. Отметим, что в лингвистике понятие «метатекста» стало широко использоваться после исследования А. Вежбицкой «Метатекст в тексте» (1978).

В литературоведении метатекст – это «текст, обращённый не только к предмету, но и к авторскому слову о нём», в котором, по определению Ю. М. Лотмана, «объектом изображения становится само литературное изображение». При таком подходе в качестве метатекста рассматриваются название произведения, структурное членение текста на главы, эпиграфы и авторские примечания к произведению, не включённые в основной текст, разного рода лирические отступления и рассуждения о произведении в самом произведении.

Чаще всего, рассматривая метатекст, исследователи говорят о городском тексте. В современной науке дискуссионность понятия «городской текст» рождает многообразие подходов к его осмыслению. Вместе с тем первые попытки теоретического осмысления своеобразных текстов, отражающих специфику локуса, восходят к работам Н. П. Анциферова о Петербурге, к трудам участников тартуско-московской семиотической школы. Важными для осмысления городского текста стали работы В. Н. Топорова, М. Ю. Лотмана, М. М. Бахтина, Н. Е. Меднис.

В. Н. Топоров в статье «Петербургские тексты и Петербургские мифы» определяет городской текст как то, что «город

говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки. <...> Срок жизни этих текстов короток. Но скоротечность жизни <...> уравнивается тем, что время не только стирает тексты, но и создаёт и репродуцирует новые, <...> или же эти тексты успевают быть схвачены на лету литературой <...>. Невнимание и тем более пренебрежение к таким текстам – ничем не оправданное расточительство и сужение объёма самого понятия культуры»¹. Учёный понимал под текстом города «совокупность сообщений, отправляемых зданиями и памятниками, улицами и площадями, садами и парками... Семиотика текста города является неким субстратом, на основе анализа которого может быть реконструирована система знаков, реализуемая в тексте»².

Художественная реализация образа города, в зависимости от номинации топоса, получила в науке соответствующее определение, распространяющееся по аналогии, так существуют «московский», «петербургский», «римский», «венецианский», «лондонский», «дублинский», «парижский» и другие тексты, чаще рассматриваемые в науке как свертхтекст. Н. Е. Меднис пишет, что «свертхтекст представляет собой сложную систему интегрированных текстов, имеющих общую внетекстовую ориентацию, образующих незамкнутое единство, отмеченное смысловой и языковой цельностью»³. Городской текст относится к числу свертхтекстов, поскольку «отвечает главному требованию свертхтекста – имеет чётко обозначенный локус – Лон-

¹ Топоров В. Н. Петербургские тексты и Петербургские мифы (Заметки из серии) / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 368–369.

² Там же. С. 227.

³ Меднис Н. Е. Свертхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rassvet.websib.ru/chapter.htm?1835>.

дон, Петербург, Москва, Рим, – который предстаёт как единый концепт «сверхтекста»⁴, замечает Н. А. Белова. Французский историк, культуролог и социальный философ Мишель де Серто считает, что понятие «город» как текст возникает тогда, когда город может быть «прочитан». В этом случае город как крупный населённый пункт с системой составляющих и его жителями представляет собой некое единство, которое может читаться и создаваться каждым из жителей. Город как текст включает в себя пространственные локусы, топонимы и архитектурные сооружения и проч. и, являясь мощным хранителем информации, включает в себя городские тексты каждого из его жителей⁵.

Е. В. Кузнецова пишет: «Особенность создания в литературе «городских текстов» заключается в перекодировке символических текстов города, воплощенных в его архитектурном, культурно-историческом, природном планах, в литературный текст. <...> Создание образов реальных географических пространств в литературе запускает механизм перекодировки пространственных образов на литературный язык. На писателя, обратившегося к созданию какого-либо «городского текста», большое влияние оказывает мифология города, складывавшаяся на протяжении столетий, и индивидуальные, созданные предшественниками «городские тексты», которые отчасти вбирают в себя эту мифологию и в то же время становятся основой для последующего её слоя»⁶.

Ещё Ю. М. Лотман подчеркивал, что «погружённый в культурное пространство человек неизбежно создаёт вокруг себя организованную пространственную сферу. Сфера эта,

⁴ Белова Н. А. «Парижский текст» в русской литературе первой половины XIX века (к постановке проблемы) / Н. А. Белова // Вестник Югорского государственного университета. 2011. Вып. 1 (20). С. 71.

⁵ Серто де М., Космарский А. По городу пешком / М. де Серто, А. Космарский // Социологическое обозрение. 2008. № 2. Том 7. С. 24–38.

⁶ Кузнецова Е. В. Парижский текст Гайто Газданова / Е. В. Кузнецова // Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (42). С. 224.

с одной стороны, включает в себя идейные представления, семиотические модели, а с другой – воссоздающую деятельность человека, так как мир, искусственно создаваемый людьми, – агрокультурный, архитектурный и технический – коррелирует с их семиотическими моделями <...> Важной особенностью пространственных моделей, создаваемых культурой, является то, что в отличие от других основных форм семиотического моделирования они строятся не на словесно-дискретной, а на иконически-континуальной основе⁷. Н. А. Белова, осмысляя проблему «Парижского текста» в русской литературе первой половины XIX века, указывает: «Ю. М. Лотман выделяет две конститутивные сферы городской семиотики: город как пространство и город как имя. Термин «городской текст» возник на стыке таких взаимосвязанных понятий, как текст и пространство. <...> Таким образом, вычленение локального городского текста, имеющего определённую семантическую маркированность в сознании нации, позволяет выявить через анализ особенностей рецепции этого текста своеобразие национального менталитета, определить сущность ментального концепта, порожденного локусом. Ю. М. Лотман дифференцирует два типа городов, способных порождать городские тексты, опираясь на положение города в семиотическом пространстве: концентрический и эксцентрический город. Под концентрическим городом он понимает топоним, образующийся по вертикали, – это город на горе, город, не имеющий границ, прообразом которого является небесный град. Эксцентрическое положение города характеризуется его расположением на краю культурного пространства. Доминантой эксцентрического города обычно становится идея противоборства природы и человека, порождающая городскую мифологию, пронизанную мотивами обреченности. Если примером концентрического города может служить Моск-

⁷ Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб., 2000. С. 334.

ва, то образ Петербурга в русской литературе имеет ярко выраженную эксцентрическую природу»⁸.

Э. В. Щербакова в диссертационном исследовании, посвящённом лондонскому тексту, заключает: «Городской текст – это особый тип текста, который имеет мозаичную структуру и состоит из произведений авторов, различающихся по поводу связей города и человека, где основным контекстом служит история города и его предания, а отличительной особенностью является символика, единая для всех произведений, входящих в городской текст. Когда мы говорим о городе как тексте, то имеем в виду текст, созданный путём прочтения реального города, тогда как городской текст – это текст, в основе которого лежит субъективный образ города»⁹.

Городской текст неизменно привлекает внимание учёных. В современном литературоведении к осмыслению проблемы городского текста обратились В. В. Абашев, Н. А. Белова, Е. Г. Бураго, Л. В. Гаврилина, Е. Ш. Галимова, С. В. Галян, О. С. Голуб, Н. Ю. Деткова, Т. В. Ефимова, Е. В. Кузнецова, А. Г. Лошаков, Л. С. Прохорова, Л. С. Скепнер, Е. Г. Трубецкова, В. И. Тюпа, О. В. Шиндина, О. С. Шурупова, Э. В. Щербакова и многие другие исследователи. В финно-угорском литературоведении городской образ вызвал интерес у А. А. Арзамасова, С. П. Гудковой, С. С. Динисламовой, С. А. Ивановой, Е. В. Косинцевой. Среди зарубежных исследователей можно назвать Малицу Баньяни, Сильвию Бурины, Эмили Джонсон, Розанну Казари, Ким Хюн Еун, Джорджа Е. Манро, авторов сборника «Pietroburgo Capitale Della Cultura Russa» и других.

⁸ Белова Н. А. «Парижский текст» в русской литературе первой половины XIX века (к постановке проблемы) / Н. А. Белова // Вестник Югорского государственного университета. 2011. Вып. 1 (20). С. 72.

⁹ Щербакова Э. В. Лондон как текст в романах У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», «Записки Барри Линдона», «Ньюкомы»: дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Щербакова. Воронеж, 2016. С. 12.

Чтобы определиться с понятием «городской текст», следует уточнить определение «город». В «Современном толковом словаре русского языка» Т. Ф. Ефремовой город – это «Крупный населённый пункт, являющийся административным, промышленным, торговым и культурным центром района, области, округа и т. п.»¹⁰, в «Толковом словаре русского языка» Д. Н. Ушакова – «Крупный населённый пункт, управляемый по особому положению, административный, промышленный и торговый центр»¹¹, в «Толковом словаре русского языка» В. И. Даля – «Город, городьба, ограда около жилья, населения // крепость, укрепленное место внутри селения. Кремль // населённое место, признанное за город; городом, которому правительство дало городское управление. Город употребляется также в значении всего общества или всех обывателей города»¹². «Большая советская энциклопедия» даёт такое определение города: «крупный населённый пункт, жители которого заняты главным образом в промышленности и торговле, а также в сферах обслуживания, управления, науки, культуры. Город обычно административный и культурный центр окружающего района. Основными критериями отнесения населённого пункта к категории Город служат: численность его населения и функции, которые он выполняет (одну или несколько – в различных сочетаниях): промышленного производства, организационно-хозяйственные, культурно-политические и административные, функции организации отдыха и лечения. В современном

¹⁰ Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://slovarus.ru/index.php?ID=16910&pg=0&w=%C3%CE%D0%CE%C4&s=%E3%EE%F0%EE%E4&a=>.

¹¹ Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков [электронный ресурс] // Режим доступа: <http://slovarus.ru/index.php?ID=16910&pg=0&w=%C3%CE%D0%CE%C4&s=%E3%EE%F0%EE%E4&a=>.

¹² Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия / В. И. Даль. М.: Эксмо-Пресс, 2003. 736 с.

городе – в отличие от деревни – лишь небольшая часть населения бывает занята в сельском хозяйстве. Для города характерны повышенная плотность заселения и компактность застройки (часто многоэтажной). Отнесение населённого пункта к категории Город обычно оформляется в определённом законом порядке и сопровождается установлением его городской черты (границы города как административно-территориальные единицы) и городских земель. Выделение города в переписях и др. формах учёта в разных странах мира проводится по-разному: в одних странах на основании численного критерия (городом считаются населённые пункты определённого размера: 3–5–10 тысяч жителей; в некоторых странах минимальное число жителей города составляет лишь несколько сот человек), в других – по совокупности признаков»¹³.

Как видим, в понятии города заложена мысль о том, что городское пространство играет важную роль в развитии таких сфер, как управление, промышленность и торговля, наука и искусство. Следовательно, без этих составляющих город не будет выполнять свои основные функции. Французский философ и писатель Жан-Поль Сартр пишет: «Город – это материальная и социальная организация, обретающая свою реальность в повсеместности своего отсутствия: он присутствует в каждой из своих улиц в той мере, в какой он всегда в другом месте, и миф о столице с ее тайнами ясно показывает, что непрозрачность непосредственных человеческих отношений проистекает здесь из того, что они всегда обусловлены всеми прочими отношениями»¹⁴. К. Маркс считал, что город – это «своего рода самостоятельный организм»¹⁵.

¹³ Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс.] // Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article011905.html>.

¹⁴ Сартр Ж.-П. Проблемы метода / Ж.-П. Сартр. М.: Прогресс, 1993. 240 с.

¹⁵ Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1968. Т. 46. Ч. 1. 656 с.

Этнограф М. Г. Рабинович предлагает своё определение: «город – местный экономический и культурный центр, относительно крупное поселение, с более сложным, чем у сельских поселений, социальным и этническим составом жителей, большинство из которых занято в производстве для обмена и в обмене, что порождает совокупность особенностей домашнего и общественного быта, отличающих городской образ жизни»¹⁶. Как видим, город представляет собой сложное целое, развивающееся по своим законам, затрагивая разные стороны жизни и отражая основные политические и культурные события, происходящие в истории.

Город является предметом научного осмысления не только литературоведов, но и культурологов, философов, социологов, историков, антропологов и других специалистов. Такая палитра научных областей объясняется многомерностью процессов, протекающих в городской среде.

Осмысляя основные вопросы урбанистики, учёные выделяют следующие составляющие топоса: культурологическая, историческая, социологическая, территориальная, экономическая, психологическая, демографическая, архитектурная и другие. Э. В. Щербакова, анализируя работы, посвященные исследованию и прочтению города как текста, приходит к выводу о том, что «алгоритм анализа города как текста очень схож с алгоритмом анализа художественного текста»¹⁷.

Таким образом, в современной науке дискуссионность городского текста рождает новые подходы к его пониманию и изучению, при этом в фокус внимания учёных попадают не только большие топосы, но и небольшие провинциальные города.

¹⁶ Рабинович М. Г. К определению понятия «город» (в целях этнографического изучения) / М. Г. Рабинович // Советская этнография. 1983. № 3. С. 19–24.

¹⁷ Щербакова Э. В. Лондон как текст в романах У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», «Записки Барри Линдона», «Ньюкомы»: дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Щербакова. Воронеж, 2016. С. 54.

В хантыйской литературе городской текст – понятие, не становившееся до сих пор предметом пристального изучения. Отчасти, возможно, потому, что истории хантыйской литературы нет ещё и столетия (зарождение этой национальной литературы относится к 30-м годам XX века), как молодо и обско-угорское литературоведение, а серьёзную научную проблему увидели только литературоведы; возможно, потому, что город не является традиционным местом проживания этносов (хотя в фольклорных источниках, особенно часто в сказках, фиксируется городское пространство).

Обратившись к городскому тексту в хантыйской литературе, видим, что сложно и многопланово он представлен в прозе Еремея Даниловича Айпина, отдельные топосы видим в прозе Романа Прокопьевича Ругина, Татьяны Александровны Молдановой, Юлии Николаевны Наковой; в хантыйской поэзии он менее ярок: городской образ зафиксирован в поэтическом наследии Микуля Ивановича Шульгина, Романа Прокопьевича Ругина, Марии Кузьминичны Вагатовой (Волдиной), Матвея Ивановича Новьюхова, Владимира Алексеевича Мазина, Валентины Петровны Лонгоровой, Елены Николаевны Ермаковой.

ГЛАВА I. ОБРАЗ РОССИИ В ХАНТЫЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: УРБАНИСТИЧЕСКИЙ КОД

1. О хантыйской литературе

Литература – это руководство
человеческого разума человеческим ростом.

Виктор Гюго

Хантыйская литература – явление сложное, интересное, малоизученное. История хантыйской литературы подходит к своему первому вековому юбилею (зарождение художественной словесности ханты относят к 30-м годам XX века). У её истоков стояли Г. Лазарев, Д. Тебетев, Д. Тарлин, братья Вайветкины. Известность ей принесли произведения В. С. Волдина, М. И. Шульгина, М. К. Вагатовой, Р. П. Ругина, Е. Д. Айпина, Т. А. Молдановой и других авторов. Хантыйская литература на протяжении всей своей истории развивается на двух языках – хантыйском и русском. При этом языковой признак никак не влияет на этническую специфику произведения автора (яркий пример этого – романы Е. Д. Айпина).

В XX веке сформировались родовые предпочтения национальной литературы ханты: преобладают эпос и лирика. Драма не получила развития в истории хантыйской литературы. Единственной попыткой развития драматических жанров во всей истории национальной литературы можно считать пьесу Е. Д. Айпина «Красная нарта». Эпические жанры в творчестве хантыйских писателей представлены традиционно рассказом, повестью, романом. Не остаются без внимания и такие фольклорные эпические жанры, как сказка и легенда. Лирические жанры более многообразны: есть элегия, послание, эпиграмма, песня, хокку и другие. Получили развитие в хантыйской литературе и такие жанры, как баллада и басня. Вместе с тем серьёз-

ного детального изучения хантыйской поэтической системы, как и родо-жанровой, нет. А ведь попытку описать базисную метрическую систему хантыгского стихосложения предпринял немецкий учёный В. Штейниц. Заслуживает внимания исследователей и традиционное хантыгское стихосложение, построенное на параллелизмах и повторах.

Сформировав систему собственных художественных, стилевых и образных предпочтений в XX – первом десятилетии XXI века, хантыгские писатели обратились к традициям анималистической прозы, русской деревенской литературы, которые они успешно развивают. На страницах произведений нашли отражение события не только российской, но и региональной истории, национальный культурный код этноса зафиксировался в художественном тексте. Чётко видна при анализе всего корпуса художественных текстов отличительная особенность национальной литературы ханты – её тесная связь с фольклорной традицией и трансляция мировоззренческих и сакральных кодов через художественное слово.

Самобытная литература северного этноса привлекает внимание зарубежных и отечественных исследователей, которые обращают внимание как на проблему становления и развития литературы ханты, так и на изучение творчества поэтов или прозаиков. Здесь нельзя не назвать работы П. Домокоша, А. В. Шаррен, Е. Тулуз, Д. С. Норманн де Шамбурга, К. Надь, М. Чепреги, которые вводят художественную словесность ханты в систему финно-угорских литератур России и мира. Невозможно обойти вниманием и имена отечественных учёных, которые обозначили основные векторы развития хантыгской художественной словесности в творчестве ведущих поэтов и прозаиков, осуществляя не только историко-культурный, но и сравнительно-сопоставительный анализ художественных текстов: Е. С. Роговер, Н. В. Цымбалистенко, О. К. Лагунова. Не менее интересны работы Л. Аннинского, А. Ваченко, А. Ве-

тер, В. Виноградова, В. Ганюшкиной, В. Горчакова, Г. Данилиной, А. Жулёвой, Н. Зинченко, В. Иванова, Е. П. Каргаполова, Н. Качмазовой, Ю. Козлова, Б. Л. Комановского, С. Комарова, Т. Комиссаровой, Т. Кунык, В. Курбатова, Н. В. Куренковой, М. Лаврентьева, К. Я. Лагунова, Л. Либова, Л. Липатовой, О. Лобызовой, Р. Ляшевой, В. Мартынова, Т.А. Молдановой, Ю. Морозова, С. Н. Нестеровой, В. В. Огрызко, Н. Петровой, В. Петушкова, Ю. Попова, А. В. Пошатаевой, Н. Рогачёвой, О. Рычковой, В. Л. Сязи, П. Ткаченко, А. Трапезникова, А. Туркова, М. Умновой, А. Урванцева, Ю. Г. Хазанкович, В. Чукреева, Р. Штильмарка, Ф. Штильмарка и других авторов.

С молодостью и недостаточной изученностью литературы связан ряд проблем. Одна из них – вопрос периодизации. Исследователи национальной литературы ханты расходятся во мнениях относительно временных границ периодов, их количества и, главное, принципов, основ, по которым эти периоды следует выделять. Другая проблема стала предметом исследования в нашей монографии. Это метатекстуальность хантыйского художественного текста, его урбанистический код.

Городской текст хантыйской литературы – явление, не попадавшее в фокус внимания учёных. Вместе с тем интересно, как он формируется и каковы его особенности, если учесть, что для ханты город не является традиционным местом проживания. Проанализировав произведения 44 авторов, убедились, что к городу обратились семь хантыйских поэтов (М. И. Шульгин, М. К. Вагатова, Р. П. Ругин, М. И. Новыхов, В. А. Мазин, В. П. Лонгтортова, Е. Н. Ермакова) и четыре хантыйских прозаика (Е. Д. Айпин, Р. П. Ругин, Т. А. Молданова, Ю. Н. Накова). И если в творчестве поэтов мы видим преимущественно образ города, и здесь фиксируются как российские города-мегаполисы, так и топосы Западной Сибири, то в прозе Е. Д. Айпина мы смело можем говорить о городском тексте во всем его многообразии. Что и постарались показать в главах монографии.

В третьем тысячелетии художественная словесность этноса, пережившая период замедленного развития, связанный с поисками нового в последнем десятилетии XX века, вновь стала активно развиваться. В современную хантыйскую литературу вошла группа молодых самобытных авторов, вновь национальные поэты и прозаики стали писать на хантыйском языке, смелее стали представлять свои произведения на суд читателей те, кто ранее, в силу разных обстоятельств, этого не делал. И здесь следует назвать Е. Д. Каксину, Р. К. Слепенкову, З. В. Лонгортову, Ю. Н. Накову, Л. Я. Шульгину, В. Е. Енова, А. Р. Иштимирову-Посохову, Г. П. Лаптеву, В. В. Молданова, А. А. Молданову, Д. И. Озелову-Чугаевскую, Е. Е. Серасхову, В. Н. Соловар и других авторов.

Стоит отметить и ещё одну важную тенденцию нового тысячелетия: формирующийся тандем «писатель – критик – учёный (исследователь)», ведь это та первооснова, которая определяет и задаёт алгоритм развития национальной литературы, поэтому так важно сохранить и развить это единство. И если в XX веке центром изучения хантыйской литературы был Ленинград, ныне Санкт-Петербург (Институт народов Севера Российского государственного педагогического института им. А. И. Герцена, сегодня университет), то с конца XX века этот центр переместился в Ханты-Мансийск (сначала в Югорский государственный университет, затем в Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок).

Вполне закономерно, что научная школа изучения хантыйской литературы начала складываться на территории исконного проживания хантыйского этноса. Результатом этой работы стали монографии, раскрывающие систему образов хантыйской поэзии в гендерном аспекте, осмысляющие роман ведущего хантыйского прозаика Е. Д. Айпина, том «Литературное наследие обских угров», представляющий всю историю хантыйской литературы в персоналиях.

Данная монография – это очередной результат изучения хантыйской литературы, её урбанистического кода, это ещё один вклад в исследование проблемы городского текста, которая вызывает интерес учёных уже не одно десятилетие.

2. Образ России и русского человека в хантыйской литературе

Умом Россию не понять,
Аршином общим не измерить:
У ней особенная стать —
В Россию можно только верить.
Ф. И. Тютчев

Русский не тот, кто носит русскую фамилию,
а тот, кто любит Россию и считает её
своим отечеством.
А. И. Деникин

Образ России и русского человека не становился предметом самостоятельного рассмотрения исследователей хантыйской литературы. Учёные в статьях упоминали о России, когда речь шла о теме родины, или представляли интерпретацию художественного текста (в разных аспектах) и чаще всего на примере поэзии Р. П. Ругина и прозы Е. Д. Айпина. Исключения составляют работы В. Л. Сязи¹⁸, которая предприняла первую попытку системно раскрыть авторскую рецепцию России в прозе Е. Д. Айпина.

Образ России один из самых ярких в хантыйской прозе, но и способы его презентации у разных авторов разные. Так, Е. Д. Айпин в рассказах, повестях и романах представляет про-

¹⁸ См.: Сязи В. Л. Образ Советской России в повестях и рассказах Е. Д. Айпина / В. Л. Сязи // В мире научных открытий. 2015. № 7.5. С. 1978–1989; Сязи В. Л. Образ России в рассказах Е. Д. Айпина / В. Л. Сязи // Финно-угорские языки народов России в условиях взаимодействия с языками разных систем: материалы Междунар. симп., посвящ. юбилеям финно-угроведов Хейкки Паасонена (150 лет), Пауля Аристэ (110 лет) и Б. А. Серебренникова (100 лет) (Саранск, 21–22 мая 2015 г.). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 160–165; Сязи В. Л. Концепция любви в прозе Е. Д. Айпина: национальное своеобразие, система образов: дис. ... канд. филол. наук / В. Л. Сязи. Ханты-Мансийск, 2017. 189 с.

тиворечивые суждения о русском человеке и показывает Россию в её историческом развитии в XX веке, Р. П. Ругин говорит о знаковых событиях истории XX века, которые внесли изменения и в жизнь аборигенного населения Севера, Ю. Н. Накова в своих произведениях воспроизводит Россию через галерею образов современников и проч. В хантыйской поэзии этот образ видим в творчестве Г. Д. Лазарева, М. И. Шульгина, В. С. Волдина, Р. П. Ругина, М. К. Вагатовой, М. И. Новьюхова и первых поэтов, чьи произведения представлены в издании «Ханты-мансийская поэзия».

Стоит отметить, что редко кто из поэтов использует номинацию «Россия», отдавая предпочтение объёмному «Родина». М. И. Новьюхов в стихотворении «Родина» утверждал:

Для меня ты не просто большое понятие,
для меня ты не просто торжественный тост.
Для меня ты – я сам! И не раз умирать я
Шел за счастье твое в свой несогнутый рост.

Твои думы, мечты мне близки и понятны,
Как понятен и близок голос рек и полей...
В каждом творческом взлёте,
в каждом подвиге ратном
я тебя узнаю в гордой силе твоей¹⁹.

М. И. Новьюхов – едва ли не единственный поэт в истории хантыйской литературы, кто обращается к прямой номинации России. Среди его поэтического наследия есть отрывок из поэмы «Россия», в котором обозначены основные маркеры страны:

О, как тебя мне не любить,
моя отчизна дорогая!
Здесь получил я право жить
и пить вино из чаши мая.

¹⁹ Новьюхов М. И. С надеждой на счастье. Лирика / М. И. Новьюхов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. С. 24.

Здесь я увидел небосвод
в его чудесном разноцветье.
Здесь мать моя и мой народ,
Любовь моя и мои дети.
Я здесь родился и умру.
Я врос в Россию, как береза,
что льёт невидимые слёзы
на беспечальную траву²⁰.

Когда поэт пишет о России, то сравнивает: «словно в сказку вошёл». Эмоциональный фон героя характеризуется радостью, лёгкостью дыхания, «на душе хорошо». При этом ключевой характеристикой России становится доброта. Даже новогодние огоньки в окнах «<...> добрым взглядом России / улыбаются мне». Не случайно поэт в завершении стихотворения «С Новым годом, Россия!» употребляет обращение «родная мать-Россия моя». То же обращение «Россия-мать» присутствует и в стихотворении поэта «Слепой». Как видим, это ещё одна авторская вариация устоявшегося обращения Мать-земля. Образ Матери-земли в восприятии поэта – это основа единства, сплочённости, силы и патриотизма. В стихотворении «Раздумье» он пишет:

Мать-земля одна и едина,
как одна и едина луна.
Каждый, будь земли гражданином,
чтоб откинула хвост война!²¹

Хантыйский поэт в своих произведениях славит красоту России, её широкий размах, простор и раздолье, чистое небо. И всё это сопровождается признанием в любви к стране. В разных стихотворениях появляются номинации «Россия», «Русь», «русская держава», герой М. И. Новыхов уверен, что «Эх, ты, Русь, просторная, зелёная, / для большой ты создана любви»²².

²⁰ Новыхов М. И. С надеждой на счастье. Лирика / М. И. Новыхов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. С. 172.

²¹ Там же. С. 137.

²² Там же. С. 132.

Даже стихи поэта влюблены в Россию, о чем он заявляет в произведении «Ни хореев, ни ямбов не знаю...».

Стихотворение «До свиданья, милая округа...» объясняет интерес поэта к России, яркость красок и чёткую детализацию образа, его многоплановость в поэтическом наследии хантыйского стихотворца:

Ждут меня дороги кочевые,
Неизвестность манит и зовет.
Я хочу узнать мою Россию,
Чем она красива, как живёт;

Исходить её и вдоль и косо,
всю её прослушать, просмотреть,
на былинных нивах и откосах
о раздолье богатырском петь²³.

Россия – страна, которая, имея многовековую историю, бережно хранит прошлое. К исторической памяти обращаются хантыйские поэты и прозаики в своих произведениях. Почти все писатели презентуют Россию через важные события истории государства XX столетия, вводят в текст имена известных деятелей разных эпох: Пётр Первый, Меншиков, императрица Екатерина, император Николай II, В. И. Ленин, Л. Д. Троцкий, А. В. Колчак, М. Н. Тухачевский, И. В. Сталин, К. Е. Ворошилов, Б. Н. Ельцин (здесь можно назвать стихотворения Г. Д. Лазарева, К. Посохова, Д. Тебетева, повесть Р. П. Ругина «Необычный день», роман Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» и другие). Например, в стихотворении Г. Д. Лазарева «Звонкоголосой птице Сулейману» читаем:

Ленин с Сталиным открыли
Светлый путь к социализму,
Угнетённые ожили <...>

²³ Новьюхов М. И. С надеждой на счастье. Лирика / М. И. Новьюхов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. С. 21.

Ты, старик, учил народы,
Как за Сталиным идти.
К солнцу, к счастью и к свободе,
Как прокладывать пути²⁴.

В романе Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» Белый рассуждает о последнем российском императоре: «Ведь Николай Александрович был не просто государем императором. Для истинного русского он был больше, чем просто царь.

Государь – это символ России, символ нации, символ веры. Это Божий наместник на земле. И тот, кто замахнулся на государя, замахнулся на русский народ и на Бога, на российскую государственность. <...> От исхода дела зависела не только его, русского офицера, судьба, но прежде всего судьба России, всего русского народа. А свой народ он хорошо знал. Русский не может жить без царя в голове и без Бога в душе: в нем просыпаются самые низменные страсти, он становится разбойником, бандитом, вором, начинает все крушить на своём пути и, в конце концов, уничтожает самого себя»²⁵.

Наряду с общероссийскими историческими лицами в произведениях фиксируются и региональные знаковые фигуры: «ссылный большевик» Тихон Данилович Сенькин, «легендарный» Ваули, который «поднял северян против царька» и другие. В комментариях к поэме «Макар Осьмаров» М. И. Шульгин поясняет: «Т. Д. Сенькин – большевик, организатор революционного комитета и Красной гвардии в Березове 1905–1917 гг. Ваули Пиеттомин – предводитель восстания в 1830–1840 гг. Национальный герой ненцев и хантов»²⁶.

²⁴ Лазарев Г. Д. Мы дети одной семьи / Г. Д. Лазарев // Остяко-Вогульская правда. 28.01.1938. С. 2.

²⁵ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 4: Божья Матерь в кровавых снегах. С. 124–125.

²⁶ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм

Известный венгерский учёный Петр Домокош утверждает: «История малочисленных народов является частью русской истории. Даты больших исторических событий и в их жизни и культуре являются рубежными (например, взятие Казани, сибирские походы Ермака, восстания Разина и Пугачёва, революции 1905 и 1917 годов, Первая и Вторая мировые войны и т. д.). Но помимо их следует <...> принять во внимание <...> те специфические обстоятельства, местные события, войны, восстания, деятельность значительных личностей, создание институтов, выход в свет изданий <...> которые являются собственностью истории народа, её этапами, узловыми событиями»²⁷.

Октябрьская революция 1917 года, Первая мировая война, Великая Отечественная война представлены через мотивы памяти и плача в стихотворениях и поэмах: достаточно вспомнить поэму «Макар Осьмаров» М. И. Шульгина, поэму «Так Молупси» В. С. Волдина, цикл «Память о войне» Р. П. Ругина, стихотворения М. К. Вагатовой «Я ушел на военную дорогу», «Солдат из камня», лирику М. И. Новыхова и проч. В прозе эти события отражаются через судьбу героя, народа, через изменения, которые происходят в сложившемся порядке жизни. Здесь можно назвать рассказы Е. Д. Айпина «Клятвопреступник», «В окопах, или Явление Екатерины Великой», его повесть «У гаснущего очага» и роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари», рассказы и повести Р. П. Ругина «Три шкуры», «Солнце над снегами» и другие. События начала XX века отражены и в пьесе Е. Д. Айпина «Красная нарта».

Региональная история включается хантыйскими писателями в общероссийский исторический контекст. Показателен вэтом отношении роман Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кро-

на хантыйском и русском языках / сост. Величко Н. И. / М.И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 206.

²⁷ Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / П. Домокош. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993. С. 90–91.

вавых снегах». В статье Каталин Надь «Светская языческая Пьета, или Матерь Детей в романе «Божья Матерь в кровавых снегах» есть воспоминания автора произведения: «Мне кажется, что свой новый роман «Божья Матерь в кровавых снегах» я начал писать с того мгновения, как стал помнить себя. Потому что в детстве я много рассказов слышал о Казымском восстании, о Казымской войне от моих родителей и от бабушки Дарьи. Времена тогда были строгие, жёсткие, можно сказать, жестокие. Поэтому говорили о той войне шёпотом. Те рассказы, те картинки настолько были трагичными и в своей трагичности яркими, что я их запомнил на всю свою жизнь. Но тема была закрытой при советской власти. Архивы были закрыты. После перестройки, после падения советской власти, я начал писать свой роман»²⁸.

Испокон веков опорой власти и славы России составляет её армия. Это утверждает и герой романа Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» Белый: «<...> была опора у государства, была опора у России – русская армия»²⁹.

В стихотворениях о войне лирическим героем нередко становится труженик тыла, часто ребёнок, чьё детство выпало на годы войны. Не случайно Р. П. Ругин в стихотворении «Память о войне» написал:

Память о войне во мне осталась,
И ничем её не отскрести.
Все при мне, что в детстве мне досталось
Перевидеть и перенести³⁰.

История страны и народа представлена в поэзии через деталь, которая выступает отправной точкой в изложении (здесь

²⁸ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 4: Божья Матерь в кровавых снегах. С. 274.

²⁹ Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах / Е. Д. Айпин. Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 235.

³⁰ Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. С. 254.

не единожды поэты прибегают к модели «герой – семья – народ»). Показательно в этом отношении стихотворение Р. П. Ругина «Зарубки»:

Вот палочка – она в зарубках вся,
Её отец, сквозь годы пронеся,
Мне передал и так сказал при этом:
«Она расскажет лучше всяких слов
Тебе, твоим сынам, сынам сынов,
Как мне жилось в былом, зимой и летом. <...>»³¹.

Ту же модель «герой – семья – род – народ» используют Е. Д. Айпин в романах и Р. П. Ругин в повестях.

О военных конфликтах XX века пишет М. И. Новьухов. В пяти строфах произведения «Не по военному уставу...» видим стремление поэта отдать дань уважения всем, кто погиб или получил увечье на войне, кто пережил горечь потерь (и здесь поэт обращается к образу матери и мотиву горя-стона), кто нелегким трудом помогал победе:

Не по военному уставу.
По зову всех душевных сил
честь отдаю тебе по праву,
солдат, отдавший жизнь за мир³².

В стихотворении автор совмещает мотив благодарности с повествованием о тяжёлых испытаниях войны. Здесь же появляется в творчестве хантыйского поэта образ калеки (получивший развитие в стихотворении «Слепой») – «войны минувшей инвалид», – которого приветствует автор «Всем гуманизмом человека / всем светлым, что душа хранит...». Видим образ матери, поседевшей от горя, которая свои переживания, страдания, выливающиеся в стон, прячет внутри. Последняя строфа

³¹ Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. С. 175.

³² Новьухов М. И. С надеждой на счастье. Лирика / М. И. Новьухов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. С. 77.

произведения содержит два главных напутствия поэта: мира и социальной справедливости / равенства:

Я всей душой хочу безмерно,
чтоб больше не было калек,
и чтоб всегда нелицемерно
простой ценился человек³³.

Тема войны и мира получает развитие в восьмистишии М. И. Новьихова «Люди, умом богатые...». Автор говорит о развитии научной мысли, достижения которой не способствуют сохранению мира. Таким открытием в произведении выступает атомная бомба. Создание оружия массового поражения рождает призыв задуматься над своими действиями в четвёртом стихе, обозначенный глаголами с умолчанием. Вопрос, заданный автором в последнем стихе, логически возникает из желания сохранить мир:

Люди, умом богатые,
над чертежами гнулись
догнулись до бомбы атомной
взорвали... и ужаснулись...
На форумах и в эфире
нажали на все педали,
чтоб мир сохранился в мире.
Зачем же вы расщепляли?!³⁴

Обеспокоенность поэта вопросами войны и мира находит эмоциональное разрешение в коротком четверостишии «Спокойнее сердце, спокойнее...». Все метания и побуждения сердца выражаются в констатации факта – «не образумишь людей». Именно разум выступает гарантом мира в стихотворении поэта:

Спокойнее сердце, спокойней,
Ровнее стучи, ровней,

³³ Новьихов М. И. С надеждой на счастье. Лирика / М. И. Новьихов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. С. 77.

³⁴ Там же. С. 99.

Были и будут войны,
Не образумишь людей³⁵.

Концепция жизни и смерти, напрямую связанная с военной темой в лирике М. И. Новьихова, реализуется поэтом в русско-христианских представлениях в стихотворении «Я умирал сто двадцать раз».

Россия – страна многонациональная. О дружеских отношениях народов пишут хантыйские поэты. Так, в стихотворении Г. Д. Лазарева «Дети одной семьи» в основную тему вплетается мотив дружбы между народами. Поэт использует сравнение «как одна семья», уподобляя отношения между народами отношениям в семье. В этом же произведении видим, как Г. Д. Лазарев трансформирует фольклорную формулу «Мать-земля» в «Мать-страна»³⁶.

Интересно, что в этом стихотворении (относится к раннему творчеству поэта), включённом во многие сборники и антологии, пропущено семь строк, весьма знаковых для определения позиции и героя, и молодого поэта. Приведём это стихотворение полностью:

Солнцем счастья и свободы
Наша родина полна.
Русский, ханты – все народы
Дружны, как одна семья.
Все мы вместе счастье строим
И рабов меж нами нет.
Вписан в Сталинском законе
Ряд прекраснейших побед!
Города, леса, заводы – мы владеем ими все,
В нашей радостной, свободной,

³⁵ Новьихов М. И. С надеждой на счастье. Лирика / М. И. Новьихов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. С. 134.

³⁶ Литература Югры. 1930–2000. Поэзия. Антология / сост. Н. И. Конаев. Люберцы: Унисерв, 2001. С. 22.

В нашей солнечной стране.

Русский, хантэ, ненец – братья,

Мы в правах своих равны.

Все мы счастливы в объятьях

Нашей матери-страны³⁷. (выделено мной. – К. Е.)

Это объясняет и постановку Г. Д. Лазаревым рядом двух понятий: «счастье» и «свобода», дополненных утверждением: «Мы в правах своих равны».

Аналогичную формулу использует В. С. Волдин в стихотворении «Ханты»:

Всех людей мы называем – ханты,

Ханты – русский, ненец и узбек,

Потому что это слово – ханты

В переводе значит человек. <...>

Помни наше мудрое названье,

Ханты – все народы на Земле³⁸.

Россия – страна, в которой вера – важная часть духовного кластера нации. Не случайно герой М. И. Новыхова в стихотворении «Не приводи косматые примеры...» утверждает: «Я просто не могу, мир сердцем принимая, / Жить ни во что не веря, не любя»³⁹. Как вера помогает человеку, спасает его, показал Е. Д. Айпин в романе «Божья Матерь в кровавых снегах»⁴⁰. Ведь не зря прозаик утверждает на страницах романа: «Все в этом мире от Бога...». В романе соединяются две веры: языческая и христианская. Христианские мотивы реализуют-

³⁷ Лазарев Г. Д. Мы дети одной семьи / Г. Д. Лазарев // Остяко-Вогульская правда. 28.01.1938. С. 2.

³⁸ Волдин В. С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках / В. С. Волдин. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1998. С. 26.

³⁹ Новыхов М. И. С надеждой на счастье. Лирика / М. И. Новыхов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. С. 80.

⁴⁰ См.: Косинцева Е. В., Куренкова Н. В. «Все в этом мире от Бога...»: роман Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» / Е. В. Косинцева, Н. В. Куренкова. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 143 с.

ся в романе через икону Божьей Матери и образ Богородицы, они связаны в основном с образами Белого офицера и Матери Детей, языческие мотивы – в обычаях, обрядах, описываемых в романе, в мифологической картине мира народа ханты. Через образ главной героини романа, Матери Детей, транслирует автор двоеверие народа. В романе появляются три православных образа, знакомых любому человеку: образ Богоматери, образ Христа, образ Иуды. Черты Ирода – библейского кровавого царя, заложены автором романа в Чухновского и его окружение, обобщённо палачом выступает в произведении «Красное время». Русский человек не может без веры, особенно в трудную минуту: «Пробуждаясь, каждый раз он поднимал глаза и крестился на икону, а потом долго и молча смотрел на неё. Ежеутренне он словно проходил по трём мирам: из мира сновидений перебирался в мир Божьей Матери, а оттуда – в мир людей. И в Божьем мире пребывал ровно столько, чтобы получить необходимые силы для продолжения жизни на земле...»⁴¹.

Е. С. Роговер и С. Н. Нестерова в монографии «Творчество Еремея Айпина» пишут: «Еремей Айпин раскрывает не только обычаи и нравы, но и верования. Он показывает причудливое соединение у остяков двух религий – христианства и остатков язычества. Так, его земляки считают, что православная икона оберегает человека в доме и во дворе, а за их пределами вступают в силу их остяцкие боги и богини, например, боги земля и вод. Эта особенность имеет исторические корни: в своё время русские священники окрестили всех остяков, и в каждом доме была православная икона. Но и древние языческие представления у них чудесным образом сохранились»⁴².

Вера составляет духовный жизненный стержень человека. Герой романа Е. Д. Айпина «Ханты, или Звезда Утрен-

⁴¹ Айпин Е. Д. Божья Мать в кровавых снегах / Е. Д. Айпин. Екатеринбург: Пакрус, 2002. С. 90.

⁴² Роговер Е. С., Нестерова С. Н. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. С. 116.

ней Зари» рассуждает: «Вы верите в учение, в книги, в коммунизм. Верите людям, которые написали эти книги, придумали эти слова и идеи. Это – ваши боги. <...> Главное – вы верите. С их помощью ищите Высшую Истину Жизни...»⁴³. Простая вера, по мнению Демьяна, «вера тех, кто не сможет постичь учение <...>. С помощью этой веры они ищут Высшую Истину Жизни»⁴⁴. Герой убеждён, что у всякого человека должна присутствовать эта вера. А Высшая истина Жизни заключается в смысле жизни человека и искании: «Главное, это чтобы пустоты не было...»⁴⁵.

Это же понимание веры видим и в поэзии. Так, у М. И. Новьихова есть такие строки:

Я не молюсь Христу и Будде,
Не чту звезду и полукруг.
Мой дом – весь мир,
Родня – все люди,
А солнце – самый лучший друг⁴⁶.

Россия – страна, в которой семейные ценности выступают частью духовного бытия народа. Связь поколений тоже транслируется через семью. Поэтому и семья с её радостями и трагедиями оказывается в центре внимания хантыйских писателей. Здесь достаточно вспомнить повести Р. П. Ругина «Сорок северных ветров», «В ожидании сына», Т. А. Молдановой «В гнездышке одиноком», «Касания Цивилизации», Е. Д. Айпин «Я слушаю землю», «У гаснущего очага» и его романы. Не случайно прозаики часто используют в произведениях формулу «семья = народ». Образ отца и матери, проникнутый трепетным чувством любви, гордостью, есть в стихотворе-

⁴³ Айпин Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари / Е. Д. Айпин. М.: Молодая гвардия, 1990. С. 132.

⁴⁴ Там же. С. 133.

⁴⁵ Там же. С. 133.

⁴⁶ Новьихов М. И. С надеждой на счастье. Лирика / М. И. Новьихов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. С. 77.

ниях почти у всех хантыйских поэтов. Вот как пишет о маме М. К. Вагатова в стихотворении «Сердце матери» (перевод на русский язык Н. Шамсутдинова):

Сердце матери!

Скажите, в чём его простой секрет? –

Сколько в нём тепла! – у солнца и десятой доли нет.

Красный свет светлей и крашен кровью красной матерей,

Не с чем сравнивать на свете сердце матери моей:

Коль с дорогой – то дорога бесконечно широка,

Если с силой – сила эта необъятно велика.

Коль с ценой – то нет дороже той цены на всей Земле,

Если с честью, без корысти, – не найти и слова мне.

Ну, а коль с ценою жизни сердце матери сравню,

То достоинства и чести сердца я не уроню.

В него старость не заходит, в нём упрека не найти,

И усталости в то сердце путь заказан. Нет пути!

В нём – мы первое дыханье, долгожданные, берём,

Открывая в жизни двери незабвенно белым днём.

Сердце матери!

Достойно, в счастье – жить оно велит.

Сердце матери!

Ты – совесть, и моя, и всей Земли!⁴⁷

У М. И. Шульгина есть два стихотворения с общим названием «Отец». В первом стихотворении ощущаем гордость сына отцом-снайпером, выстоявшем в тяжелом 1942 году под Ленинградом:

Я так горжусь своим отцом –

Охотником и рыболовом.

Он у Невы в сорок втором

Стоял в равнении суровом... <...>

Отец мой лютого врага

⁴⁷ Литература Югры. 1930–2000. Поэзия. Антология / сост. Н. И. Коняев. Ханты-Мансийск: Унисерв, 2001. С. 123.

Держал на снайперском прицеле!
Он бил врагов не в бровь, а в глаз <...>
Недаром помнят и сейчас
Его товарищи по роте...⁴⁸

Второе стихотворение – это отражение сыновней благодарности отцу-фронтовику: «Как хочется мне сегодня / Спасибо сказать отцу / За эту простую науку – / Всегда оставаться в строю»⁴⁹.

Признание России принесла и русская литература. На страницах произведений хантыйских писателей появляются имена А. С. Пушкина, Л. Н. Толстого, С. А. Есенина, В. В. Маяковского, цитируются их строки. Так, М. И. Новыхов в стихотворении «На лирику С. Есенина» признается: «Милые понятные, / Чуткие стихи. / Слёзы благодатные / Вызвали они <...>»,⁵⁰ строки из поэмы «Анна Снегина» С. Есенина вспоминает герой в рассказе Е. Д. Айпина «Парижанка»: «Вспомнились ему есенинские строки об этом: «...Прогнали царя – так вот / Посыпались все напасти / На наш неразумный народ»,⁵¹ и здесь же цитирует слова солнца русской поэзии: «Два чувства дивно близки нам – В них обретает сердце пищу – Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам»⁵², а в рассказе «Осень в твоём городе» герой Е. Д. Айпина вновь цитирует А. С. Пушкина: «Порою наплывали искажённые пушкинские строки: «...ходила маленькая ножка, вился локон золотой...». Хотя у Пуш-

⁴⁸ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / И. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 127.

⁴⁹ Там же. С. 260.

⁵⁰ Новыхов М. И. С надеждой на счастье. Лирика / М. И. Новыхов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. С. 37.

⁵¹ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 192.

⁵² Там же. С. 191.

кина всё это, кажется, было в настоящем времени»⁵³. М. И. Новыхов, осознавая важную миссию поэзии и русской литературы в целом, даёт совет братьям по перу: «Пойми настойчивую просьбу зорь: / – Плохим стихом Россию не позорь...»⁵⁴.

Почти все хантыйские поэты и писатели обращались к природе, так как природа входит в число важных маркеров России. У Р. П. Ругина есть стихотворение «Мольба природы», в котором поэт говорит о необходимости хранить отчее достояние:

Вода молчит. И рыбы в ней – молчат.
И солнце с высоты не скажет слова.
Молчит листва, глотая синий чад.
А вместе – молят грозно и сурово:
– Мы, человек, друзья, а не враги!
Ты свой прогресс всего превыше ценишь.
Но все-таки и нас побереги,
Ведь нас ничем на свете не заменишь⁵⁵.

В восприятии поэта природа – это дивное сказочное творение. Вот и лес стал местом чудесного, необычного: «Пойдем со мной в наш тихий лес, / Там есть черника и морошка, / Там всевозможнейших чудес / Сто тысяч – и ещё немножко!»⁵⁶

Берёза – это не только символ страны, но и знаковый образ в творчестве хантыйских поэтов. У В. С. Волдина есть стихотворение «Мой друг и я», в котором берёза выступает символом русского народа:

На берегу реки – сосна,
Берёза рядом с нею.

⁵³ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 16.

⁵⁴ Новыхов М. И. С надеждой на счастье. Лирика / М. И. Новыхов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. С. 148.

⁵⁵ Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред-Урал. кн. изд-во, 2004. С. 239.

⁵⁶ Ругин Р. П. Звон летящего аркана: стихи / Р. П. Ругин. М.: Совет. писатель, 1987. С. 40.

И, кажется мне, что она
И старше, и сильнее. <...>
Стоят два дерева.
Весна.
И, кажется мне: я – сосна,
Мой русский друг – берёза⁵⁷.

Почти аналогичное утверждение находим в стихотворении М. К. Вагатовой «В моём сердце вся природа...». Лирическая героиня М. К. Вагатовой сроднилась с деревом, отсюда и сравнение: «Как берёзка золотая, / Я свечусь на склоне лета <...>»⁵⁸. Есть у хантыйской поэтессы стихотворение «Моя берёзонька», которое построено как диалог с деревом, символизирующим жизнь:

Я смотрю на свое дерево,
Так ему говорю:
«Стой, живи, мое дерево,
Мое сердце светится тобой,
Твоей силой!
Живи, живи, моя берёзонька,
Тепло твоё греет мое тело, мою душу,
Ты их делаешь сильными и живыми».
Светлое дерево с живым сердцем,
Бесценное дерево с белым сахаром...
Моя берёзонька!
Ты даешь мне живое дыхание жизни⁵⁹.

Н. В. Полякова, говоря о почитании деревьев у разных народов, пишет: «<...> символизм дерева проходит через веро-

⁵⁷ Волдин В. С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках / В. С. Волдин. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1998. С. 20.

⁵⁸ Вагатова М. К. Моя песня, моя песня: стихотворения, легенды, сказки / М. К. Вагатова. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во. Новое время, 2002. С. 16.

⁵⁹ Там же. С. 59.

вания и традиции <...>. Берёза, например, выделяется ослепительной белизной, а насечки на её стволе символизируют этапы шаманского вознесения богов, духов и душ, осуществляя, таким образом, связь между небом и землёй»⁶⁰.

Этот древесный символ появляется в лирике В. С. Волдина, М. И. Шульгина, Р. П. Ругина, М. К. Вагатовой, Е. Е. Серасховой и других хантыйских поэтов. Чаще всего создаётся волшебный образ с помощью олицетворений, сравнений и эпитетов. Иногда поэты используют мифологические параллели. Вот как представила берёзу в разные времена года Е. Е. Серасхова в стихотворении «Берёза», перевод на русский язык выполнил К. Куksин:

Берёзонька-красавица глядится в воды чистые,
В ягушке белой в пятнышках – строга, мила, тиха.
По осени укроется платками золотистыми,
Осыпет алым бисером подол из трав и мха.
Зимой морозной, вьюжною накинёт шаль узорную,
Ручной работы кружево из ниток серебра.
А с первым птичьим щебетом стряхнёт дремоту томную –
Косыночку девчоночью весной вязать пора!
Коротким летом северным наряд набросит шелковый –
С кистями и оборками, зелёный, расписной.
Звенят серёжки лёгкие чудесными метёлками –
Невестою на выданье пришла в шатёр лесной!⁶¹

В поэтическом наследии Р. П. Ругина тоже есть стихотворение «Берёза» (перевод на русский язык выполнил И. Фоняков), в котором поэт прибегает к сравнению, уподобляя её мо-

⁶⁰ Полякова Н. В. Концепт Пространство и средства его репрезентации в селькупском и русском языках / Н. В. Полякова. Томск: ТГПУ, 2006. С. 95.

⁶¹ Литературное наследие обских угров. В 2-х т. / сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: Принт-2, 2016. Т. 2. Хантыйская литература. С. 647.

лодой, красивой девушке. С этим же деревом лирический герой устанавливает своё родство, именуя её сестрой:

Всех деревьев ты нарядней
В шали нежно-золотой,
Всех красивей, всех приглядней –
На ветру шумишь листвою. <...>
Ведь недаром даже грозы,
Радуюсь красе такой,
Редко-редко ствол берёзы
Тронут огненной рукой!⁶²

Берёзками же исчисляет лирический герой Р. П. Ругина годы. Образ дерева обретает количественную семантику: «Дорогой жизни мчусь. Хорей в руке. / Летят навстречу годы, как берёзки. / А за спиной в далёком-далеке / Ребячьих игр не молкнут отголоски»⁶³. Интересно сравнение берёзок с невестами, которые вступили в брачную пору весной, как и вся природа: «И кажется: с пришествием весны / Со всей природы снят обет безбрачия. / Берёзки, словно девушки, стройны, / И светится сквозь кожу кровь горячая»⁶⁴.

Трудолюбие, милосердие, следование божьим заповедям с древних времён было в характере русского человека. О широте русской души, щедрости, самоотверженности, негибаемой воле и терпении неоднократно говорили писатели на страницах своих произведений. Да и вся история русского государства подтверждает это. Не случайно М. И. Новыхов в стихотворении «12.IV.1961» утверждает: «Не знаю патриотичнее / русского человека».

Об изменениях характера жителя России пишет Р. П. Ругин в стихотворениях, когда с болью говорит о погубленных

⁶² Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред-Урал. кн. изд-во, 2004. С. 285.

⁶³ Ругин Р. П. Звон летящего аркана: стихи / Р. П. Ругин. М.: Совет. писатель, 1987. С. 7.

⁶⁴ Там же. С. 47.

реках, заброшенных селениях, о бездомных собаках. Здесь поэт понимает экологию шире, не только как качественный маркер пространства, но и как состояние души. Показательно в этом отношении стихотворение «Бродячие собаки».

Современный взгляд на общество представлен поэтом через образ глаз. У Р. П. Ругина есть несколько стихотворений с этим образом. Остановимся только на одном. Стихотворение «Глаза» входит в цикл «Радуга в сердце» книги избранных стихотворений поэта. Перевод на русский язык выполнил И. Фоняков. Его строфы с седьмой по десятую – это диалог, который ведет с глазами лирический герой, много лет изучавший их. На поставленный вопрос: «О глаза людские, / Не лучше ль быть прозрачными всегда, / К чему скажите, сложности такие?» он получает ответ, подтверждающий, что глаза – это отражение миропорядка, дуализма мира. Мечта же самих глаз – оставаться всегда прозрачными. Значение прозрачности усиливается семантикой голубого цвета, символизирующего спокойствие, одухотворенность, умиротворенность. Ведь мечта воплощается под «голубеющими небесами»:

И неизменно приходил ответ:

«Ты в нас находишь то же, что и в мире!

Есть в мире солнца благодатный свет

И ветер ледяной в осенней шири.

Есть в мире чистота и глубина,

Но есть и чернота, и страх, и муки,

Гнильё и темень илистого дна,

Налимья скользкость, жадность хищной щуки.

Освободясь, как реки, ото льда,

Под голубеющими небесами,

О, быть бы нам прозрачными всегда!
Об этом, брат, мечтаем мы и сами»⁶⁵.

Повествуя о глазах, Р. П. Ругин часто прибегает к прямым сравнениям с миром природы, проводит параллели, вмещаая в глаза все грани мироустройства и характера человека. Аналогичный приём использует хантыйский поэт и в стихотворении «Скажу вам без обиняков...».

Оценку современному человеку дал Е. Д. Айпин на страницах книги «Река-в-Январе». Здесь же он определил и роль России в мировом сообществе (рассказ «Ночь Маэстро»): «Согласитесь, всё-таки в жизни землян России уготована роль духовника...»⁶⁶. Глубоким чувством патриотизма, болью за страну и народ проникнуты строки рассказов «Ночь Маэстро», «Парижанка».

Как видим, Россия – важная составляющая урбанистического кода хантыйской литературы. В её представлении хантыйские поэты и прозаики используют устоявшиеся символы: история страны, семейные ценности, религиозность, русская литература, природа (особенно берёза). Характеризуя страну, авторы часто подменяют номинацию «Россия» понятиями «родина», «земля». Мотивы памяти, ностальгии, возвращения тоже связаны в хантыйской литературе с Россией. Не случайно герой рассказа Е. Д. Айпина «Ночь Маэстро» говорит: «Всё, возвращаюсь домой <...>. На свой Север. В Россию. Растаскиваемую, разоряемую, терзаемую, но – Россию!»⁶⁷

Всеми авторами родная земля (страна) расценивается как достояние, которое нужно сохранять от поколения к поколению, как основа разума и силы. Об этом написал и Р. П. Ругин в стихотворении «С той поры, когда в родном селенье...»:

⁶⁵ Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. С. 282.

⁶⁶ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 92.

⁶⁷ Там же. С. 96.

С той поры, когда в родном селенье
Стал я понимать людскую речь,
Врезалось мне в память наставленье:
Нашу землю вечную беречь. <...>
Как она добра, щедра, красива –
Достоянье отчее твоё!
И не только мускульная сила,
Ум и сердце – тоже от неё⁶⁸.

⁶⁸ Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. С. 20.

3. Образы российских городов-мегаполисов в хантыйской поэзии

Самый чудесный город это тот,
где человек счастлив.
Эрих Мария Ремарк

Анализ корпуса художественных текстов показывает, что городское пространство (городской пейзаж не характерен для литературы ханты в силу традиционных для этноса условий проживания вне городской среды), средства воссоздания города в произведениях формируют урбанистический код хантыйской литературы в XX–XXI веках.

Метод сплошной выборки произведений хантыйских поэтов показал, что они обращаются к образу города. Так, в их произведениях встречаются топонимы России (Москва, Ленинград / Санкт-Петербург, Новосибирск) и Европы (Берлин), но больше всего фиксируется городов, расположенных на территориях Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов (Салехард, Лабытнанги, Нижневартовск, Мегион, Ханты-Мансийск, Сургут) – местах исконного проживания ханты. В данном параграфе мы остановимся только на крупных российских городах, которые вошли в образный ряд хантыйской поэзии.

Москва – один из главных городов России. Номинацию его видим в творчестве четырёх хантыйских поэтов: М. И. Шульгина, Р. П. Ругина, М. К. Вагатовой, М. И. Новыхова. И если в стихотворении «Благодарность» М. И. Шульгин напрямую связывает столицу государства с древесным символом русского народа – берёзой, наполняя строки любовью и признательностью к стране:

Всем, что в мире светло и прекрасно,
Тем, что люди вокруг хороши,
Я обязан России, России –
И любовью, и силой души...

...Обниму под Москвою берёзку,
И, раздвинув рассветную тьму,
Я земли твоей тёплую горстку
К благодарному сердцу прижму⁶⁹,

то в поэзии Р. П. Ругина Москва обозначается в цикле «Память о войне». В двух стихотворениях город связан с трагическими событиями Великой Отечественной войны. В произведении «Старик Кириллыч» речь идёт о герое, который перед самой войной впервые попал в город, и не просто в город, а в столицу государства. Вернувшись домой, он делится впечатлениями, которые вызывают интерес и у других жителей древней земли:

Каждый послушать хотел, как старик
Нарты свои не спеша разгружает,
Как – по словам его – город велик,
Сколько машин по нему разъезжает.
Как на глазах его ярко зажглись
Звёзды Кремлевские в небе высоком,
Как молодая по улицам жизнь
Двигется неудержимым потоком⁷⁰.

И в этих впечатлениях фиксируется и Московский Кремль, и величие мегаполиса, и темп жизни в нем. Красота города заворожила старика, поэтому он с улыбкой утверждает, что «Эту красу покорить-победить – / В мире отыщется сила едва ли». И люди соглашаются с ним. Уверенность героя не пошатнула и личная трагедия: «Сын его старший под самой Москвой / Пал, защищая свободу и счастье»⁷¹. Последняя строфа произведения звучит рефреном, утверждая союз великой красоты и великой силы:

⁶⁹ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 239.

⁷⁰ Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. С. 253–254.

⁷¹ Там же. С. 254.

Я по Москве побродил неспроста,
Знаю: стоять ей незыблемо, вечно.
Там, где великая есть красота,
Есть и великая сила, конечно!⁷²

Связь трагических событий с городом повторяется и в стихотворении Р. П. Ругина «Дети войны». От лица детей, чьё детство совпало с годами войны, звучит упоминание двух главных городов воюющих держав: «Нас было много – юных, чьи отцы / Остались под Москвой и под Берлином»⁷³.

В поэтическом наследии М. К. Вагатовой есть стихотворение «Москва», в котором город выступает маркером России: «Я живу в Москве» если услышишь – / Знай: ты в России живёшь». Характеризуя город, поэтесса использует эпитеты «золотая», «железная». Указание на роль топоса в пределах страны обозначено в первых же стихах произведения:

Многих царей, многих духов святых
Золотая Москва!
Многих людей, многих святых
Железная... Москва!⁷⁴

Город выделяется обилием «золотых голов» церквей. Слава его разносится по земле. Москва ассоциируется в сознании поэтессы с отчим домом, поэтому и возникают эпитеты «дорогой», «бесценный», «золотой»: «Как ты мне дорог, / Мой город бесценный / Мой город золотой»⁷⁵. Есть в стихотворении и отсылка к историческим событиям, которые помнят стены древнего города:

Торум тебе разные дни посылал:
И побоища страшные,

⁷² Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. С. 254.

⁷³ Там же. С. 255.

⁷⁴ Вагатова М. К. Моя песня, моя песня: Стихотворения, легенды, сказки / М. К. Вагатова. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во. Новое время, 2002. С. 89.

⁷⁵ Там же. С. 89.

И радости большие дни –
Было всё на твоём пути.
Многое стало сказкой теперь.
Ты жила и живёшь в сказочные, песенные дни,
Много их было, сменилось... <...>
Век камня, век железа
Прожила Москва,
Сказочные века
Знавала Москва⁷⁶.

Для поэтессы топос связан со сказкой, не случайно в произведении дважды встречается эпитет «сказочные», всё овеяно ощущением чуда рукотворного и нерукотворного, поэтому и соединяются в стихотворении две религии – православие и язычество, соседствуют христианские храмы с Торумом, одним из главных почитаемых богов в культуре ханты, а живут в ней святые Ворт и Лонгх. Финальные строки стихотворения утверждают охранительную функцию топоса, звучат молитвой-обращением к главному городу страны:

Много святых Ворт теперь в тебе живут,
Много святых Лонгх в тебя впитались теперь,
Поэтому, Москва, высоко подними свою золотую святую
голову,
Сбереги, сохрани нас – своих дочерей и сыновей...⁷⁷

Москва М. И. Новыхова – это город поэтической славы и признания, это образовательный центр, чье название не раз звучало на страницах литературных произведений, что подтверждают строки стихотворения «В шутку и всерьёз...».

Северная столица страны – Ленинград (ныне Санкт-Петербург) – в хантыйской поэзии связывается с именами М. И. Шульгина и Е. Н. Ермаковой. М. И. Шульгин в поэме «Ма-

⁷⁶ Вагатова М. К. Моя песня, моя песня: Стихотворения, легенды, сказки / М. К. Вагатова. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во. Новое время, 2002. С. 89.

⁷⁷ Там же. С. 89.

кар Осьмаров» дважды упоминает этот город, повествуя о жизни героя, а вместе с ним и о судьбе народа и страны. Первое упоминание встречается в шестой главе и связано оно с событиями Великой Отечественной войны. Герой поэмы представлен как «доблестный защитник Ленинграда», для которого город-герой стал почти родным, с которым он сроднился кровью, когда был ранен. Второй раз город появляется в седьмой главе поэмы и связан уже с сыном главного героя, который получает новые знания в Ленинграде:

...Он вспоминает с нежностью сына,
Который на учёбе в Ленинграде.
И в письмах к сыну он приветы шлёт
Почти родному городу-герою,
Где ранен был, на зимний брошен лёд,
Но выжил, чтобы встать за мир горою!⁷⁸

Среди поэтических творений Е. Н. Ермаковой есть стихотворение «Я причину не забыла моей грусти и тоски...», созданное в 1997 году. В нем лирическая героиня прощается с лучшим другом – городом, хранимым духом Петра. Всем известно, что второй по численности город в России был основан 16 (27) мая 1703 года Петром I. Расставание с городом стало причиной грусти, тоски и бессонницы героини. Она олицетворяет город, и в этом олицетворении воссоздаёт пространственные, исторические и географические атрибуты мегаполиса – автодороги с бесконечным потоком машин, старинную архитектуру, ветер со стороны Финского залива, дождливую погоду, скамеечки в аллее, парки, фонари:

И вздыхает тяжело город шелестом летящих шин.
Знаю, ты уже не молод, и всю жизнь свою один.
Ты в годах, но ты мне дорог в шуме ветра и дождя,

⁷⁸ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 205.

Мой безумно страстный город, ностальгиюшка моя⁷⁹.

Город на Неве – это крупный транспортный центр страны, вот и в стихотворении находим подтверждение этого: перрон, расправленные мосты, ползущие в ночь дороги. В стихотворении городское пространство контрастно: рядом с историческими сооружениями и современными центрами находятся трущобы. Атрибуция города ярко переплетается с эмоциональным состоянием героини: это и грусть, и тоска, и слёзы, и ностальгия. Она открыто признаётся в любви городу, которому оставляет на хранение своё сердце:

Я люблю тебя, а значит, буду по тебе скучать.

По твоим хмельным трущобам, по расправленным мостам,

По ползущим в ночь дорогам, обожаемым местам <...>

Здесь я сердце оставляю, ты его оберегай⁸⁰.

Завершает стихотворение обещание новой встречи с лучшим другом.

Есть среди поэтического наследия М. И. Шульгина стихотворение «Городу на Оби», которое посвящено Новосибирску. Оно состоит из двух частей, и в первой части сибирский город уподобляется кораблю, что существует в древних легендах:

Легенда есть, я точно помню это:

Там, на реке, что с детства я люблю,

Огромный город бросил якорь где-то,

Подобно великану-кораблю!..⁸¹

Вторая часть утверждает существование легендарного города на большой сибирской реке. Автор рисует городскую панораму, перечисляя всё, что видит, – проспекты, площади,

⁷⁹ Литературное наследие обских угров. В 2-х т. / сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: Принт-2, 2016. Т. 2. Хантыйская литература. С. 215.

⁸⁰ Там же. С. 215.

⁸¹ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 268.

мосты, театры, набережную с причалами. И в этом восприятии города восторг открытия. В планировке города выделяются прямые линии (дома рядами, ширь проспектов). Видим олицетворение топоса, поэтому даже афиши улыбаются. Значимость города подчёркивается утверждением «достойные столиц»:

Сказители! Вы правы, он стоит,
Гигантский город посреди Сибири:
Проспектов ослепительные шири
И площади, достойные столиц.
Дома рядами встали по-над Обью,
Вся в пароходах мощная река,
И, радуг исполинских наподобье,
Гудят мосты, вонзившись в берега.
Вздывает к небу сотни новых крыш,
Зовёт меня и в оперу, и в драму
Широкими улыбками афиш.
И с кораблем он схож – о том не спорю!
Особенно теперь, при нас, когда
Обского новорожденного моря
В его причалы плещется вода⁸².

Показательно, что автор использует сравнение Новосибирска с кораблём, в то время как сам помещает певца, увидевшего город, в лодочку-долблёнку. Правда, тут же противоречит сам себе во втором стихе произведения, утверждая: «Мала, как море, лодочка-долблёнка». Последние строки произведения пророчат городу золотое будущее, и певец шлёт ему доброе пожелание:

В грядущее плывёт он. В золотое
Свеченье зорь, зовущих впереди!

⁸² Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 268.

И я, певец, в своей долблёнке стоя,
Кричу ему: «Счастливого пути!...»⁸³

В хантыйской поэзии образ города строится на эмоциональном восприятии и впечатлении. Пространство города воссоздаётся через те атрибуты, которые не привычны взгляду северянина: высокие дома, широкие площади, купола храмов. Даже темп жизни меняется в городе. Город становится сказкой, отсюда и употребление эпитета «золотой» и ощущение ожившей легенды, озвученной сказителями.

Поэты обращают внимание на вертикальное пространство города, поэтому и звёзды Московского Кремля, и сотни новых крыш вздымаются в небо. Горизонталь пространства усиливает сравнение города с кораблём, плывущим в грядущее. Временной вектор определяется моделями настоящее – будущее и настоящее – прошлое. Город входит в образный ряд хантыйской поэзии и поддерживает развитие городского текста в хантыйской литературе.

⁸³ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвящённое 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 268.

4. Города Западной Сибири в хантыйской поэзии

Югория... Тайги органный шум
И рек твоих неспешное течение
Рождают в сердце свет высоких дум
О жизни, о земном предназначенье.

Люблю твои просторы без границ,
Люблю твои протоки и озёра,
Люблю улыбки просветлённых лиц,
Державность и конкретность разговора.

Гостеприимен древний твой порог.
Отбрасывая суетность и тленность,
Хранишь ты мудрость пройденных дорог
И с трепетом вникаешь в современность...

М. К. Антохин

Как мы говорили в предыдущем параграфе, анализ корпуса текстов хантыйских поэтов показал, что достаточно часто в произведениях встречаются города, расположенные на территориях Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов (Салехард, Лабытнанги, Нижневартовск, Мегион, Ханты-Мансийск, Сургут). И если в предыдущем параграфе мы говорили о городах России, то здесь остановимся на городах Западной Сибири, которые вошли в образный ряд хантыйской поэзии.

В ходе анализа было выявлено 6 топосов Западной Сибири, которые встречаются в творчестве четырех хантыйских поэтов: М. И. Шульгина, Р. П. Ругина, В. А. Мазина, В. П. Лонгоровой. Из шести городов четыре географически располагаются на территории Ханты-Мансийского автономного округа и два на сопредельной территории Ямало-Ненецкого автономного округа. Один топос фиксируется в произведениях двух разных поэтов (М. И. Шульгина и В. П. Лонгоровой) – это город Лабытнанги. В творчестве трех поэтов (М. И. Шульгина, Р. П. Ру-

гина, В. А. Мазина) появляются города Ханты-Мансийск и Салехард, которые признаны административными центрами автономных округов. Больше всего топонимов Западной Сибири обозначено в поэзии М. И. Шульгина – их пять.

В поэтическом наследии известного хантыйского поэта Микуля Ивановича Шульгина есть стихотворение «Горы у Ханты-Мансийска» в переводе на русский язык С. Мнацканяна. В первых же двух строках стихотворения автор признается в любви к городу: «Я люблю Самаровские горы / Всей душой»⁸⁴. Этими же строками практически и завершается произведение. Такое двойное утверждение словно передаёт силу любви к родному краю. Те, кто знаком с историей города, знают, что в стихотворении речь идет о южной его части – Самарово, расположенной непосредственно у реки Иртыш, с которой и начиналось когда-то поселение, ставшее впоследствии городом. С холмов (а город расположен на семи холмах) открывается красивый панорамный вид на город и реку, которая огибает, словно обнимает, город, стремясь к соединению с Обью. Этот же вид привлекает и поэта: «Вижу я, как утром солнце всходит / Вдалеке. / Как плывут красавцы-теплоходы / По реке»⁸⁵. Поэт признает город своим, не случайно в его стихотворении появляются эпитеты «родной», «близкий».

Югра – это нефтяной центр России, поэтому и в стихотворении мы видим и нефтяные вышки, и героя, который слышит пульс земли: «На горах на этих будто слышу / Пульс земли: / Ведь не даром нефтяные вышки / Вдаль пошли»⁸⁶. Более того, в произведении встречается антитеза, определяющая размер города «небольшой» – «большой». Именно вера и любовь поз-

⁸⁴ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 240.

⁸⁵ Там же. С. 240.

⁸⁶ Там же. С. 240.

воляют автору завершить творение строками, утверждающими перспективное будущее топоса, его трансформацию в красивый большой город: «Я люблю Самаровские горы / Всею душой / Верю: будет здесь красивый город / И – большой!»⁸⁷

Свой взгляд на югорскую столицу представил и Владимир Алексеевич Мазин в посвящении «Ханты-Мансийску», написанном в 1997 году и вошедшем в сборник «Ларьякский голос». В. А. Мазин открыто признается в любви к Ханты-Мансийску, в который легко возвращаться «рыбаку по рождению» и которому хочется дарить «звуки вахской души». Город в восприятии поэта славен своим многонациональным многоголосьем, не случайно дважды в тексте он упоминает разговоры на хантыйском, мансийском и русском языках:

Я люблю тебя, маленький город –
Простодушный, родной, безыскусный,
Где привычно ведут разговоры
На хантыйском, мансийском и русском⁸⁸.

Создавая облик топоса, поэт соединяет географические особенности местоположения столицы Югры с природным ландшафтом (город расположен в заповедной кедрово-парковой зоне). Видим, что автор пространственно пытается определить границы топоса в проекции вертикаль – горизонталь (холмы – река):

Ты, ничьих говорков не стесняясь,
Щедро даришь свой скромный уют.
Объ-иртышской струёй умываясь,
Добротой твои люди живут.
В хвойных зарослях дышится легче,

⁸⁷ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 240.

⁸⁸ Мазин В. А. Ларьякский голос. Стихотворения / В. А. Мазин. Нижневартовск: Приобье, 1998. С. 51.

Над холмами летят ветерки.
Призываешь судьбу не нашедших
Бескорытием щедрой руки⁸⁹.

Дополняя повествование о городе экскурсом в историческое прошлое, поэт говорит о тех качествах, которые отличают его жителей:

Белоствольные в парке берёзы
Обесцветили пятна невзгод.
Ты кандалные принял извозы –
Вышей пробы российский народ. <...>
Старики обучили безусых
Братолюбием сердца гордиться.
На хантыйском, мансийском и русском
Пой, Югории древней столица!⁹⁰

Ещё один сибирский город представлен в стихотворении М. И. Шульгина «Город, которому год». Перевод на русский язык осуществил М. Лецкин. В этом стихотворении появляется Нижневартовск, известный на всю Россию Саянск (не случайно в произведении поэт называет его сердцем Нижневартовска). Произведение отсылает к истории становления города:

Город, которому год,
Встал среди гиблых болот,
Вытянув вверх журавлиные шеи,
Краны над толью ведут хоровод.
Помню: запел теплоход,
Край мой проснулся – и вот
В небо взметнул этажи, хорошея,
Город, которому от роду год⁹¹.

⁸⁹ Мазин В. А. Ларьякский голос. Стихотворения / В. А. Мазин. Нижневартовск: Приобье, 1998. С. 51.

⁹⁰ Там же. С. 51.

⁹¹ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 243.

В произведении появляется классификация городов по временному / возрастному признаку: «Есть «старики-города», / Ими Отчизна горда. / Но ведь и мой городок подрастает, / Опережая намного года»⁹². Повествует автор и о жителях нарождающегося города, в котором «Здесь что ни парень – герой / Девушки – цвет полевой», а человек славится трудом.

Темп развития города совпадает с пульсом века. Устремленность пространства ввысь поддерживают не только многоэтажные здания и башни строительных кранов, но и буровые. Горизонтальное пространство продолжает река. В пространство топоса автор вписывает и расположенные в округе месторождения («Пусть буровая не в близнем соседстве – / Их вертолёты несут к буровой»), и железную дорогу:

Нефть из Югры – это новая вежа.

Новый пейзаж за Уралом седым.

Тянутся Обью суда,

Грузы подвозят сюда.

Вот и «железка» спешит из Тюмени...

От глухомани здесь нет и следа!⁹³

Последние строки произведения определяют его жанр – песня, которую слагает поэт новому строящемуся городу:

Пусть же до дальних широт

Песня поэта дойдет –

Песня про город, что стройкой вспенен,

Песня про город, которому год⁹⁴.

У В. А. Мазина есть тоже посвящение «Нижевартовску», написанное в 1997 году. В нём представлен молодой город (25 лет), который меняет свой облик. И в этой смене видно

⁹² Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 243.

⁹³ Там же. С. 244.

⁹⁴ Там же. С. 243–244.

стремление изменить пространство топоса, устремив его вверх. Сложность вертикального пространства подчёркивает многоярусность и витражность. Характеризуя город, поэт прибегает к антитезе:

Ты слишком молод, город наш –
Задиристый,
 шальной
 и нежный,
Твой многоярусный витраж
Несет надёжно край таёжный.
И деревяшки износив,
Ты привыкаешь возноситься –
Порывом мужества красив,
Добротолюбый,
 разнолицый⁹⁵.

Олицетворяя город, сравнивая его то с женихом, то со школяром, поэт знакомит с городским ландшафтом:

Ты слишком молод – двадцать пять,
Тебе бы только жениться,
На людном пляже загорать,
В Оби-кормилице купаться.
Многоэтажный, свысока
Вернуться памятью непросто
К могиле тихой земляка
На старовартовском погосте⁹⁶.

Упоминает В. А. Мазин и об истории становления города из поселка. Так, в одном произведении автор использует разные способы презентации топоса. При этом стоит отметить, что повторяющаяся фраза в начале каждой строфы произведения «Ты слишком молод», помогает поэту раскрыть новую грань в северном городе.

⁹⁵ Мазин В. А. Ларьякский голос. Стихотворения / В. А. Мазин. Нижневартовск: Приобье, 1998. С. 20.

⁹⁶ Там же. С. 20.

Есть в поэтическом наследии М. И. Шульгина и «Стихи о Сургуте», переведённые на русский язык С. Мнацаканяном. Начиная повествование о городе, поэт сразу вводит параллель «прошлое – настоящее», поэтому и в населённом пункте стоят не дома, а сказочные терема, он наполнен светом и добром:

Там, где встарь шумели сосны,

Встали новые дома:

Спозаранок входит солнце

В сказочные терема...

Город древний, город новый,

Полный света, доброты,

Вопреки зиме суровой,

Тверди вечной мерзлоты!

Не забытый и далёкий

От больших путей разъезд –

А центральная дорога

Наших мыслей и надежд!⁹⁷

Поэт утверждает Сургут столицей нефтяного промысла, которая расцветает от года к году. Эту нефтяную столицу принимает в свои объятия таежный край. Город строится и растёт на радость людям, которые следуют простому обычаю: «Как решили – так и будет! / Встанет город в полный рост...». Атрибутом нефтяной столицы выступают в стихотворении нефтяные вышки, переступающие сквозь тайгу.

Ещё одно «дитя природы и прогрессов» воссоздаётся в одноимённом стихотворении хантыйского поэта «Мегион», также переведённом на русский язык С. Мнацаканяном. Душевную песню слагает поэт городу Мегиону. Обращаясь к истории города, к периоду его становления, М. И. Шульгин замечает, что о нём часто пишут в прессе, но на карту он не внесён.

⁹⁷ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 242.

Действительно, Мегион получил статус города только в 1980 году. Поэтому молодой город предстаёт в стихотворении через атрибуцию: деревянный тротуар, новая школа и больница, многонациональное население топоса, где каждый занят своим делом: и потомственный оленевод, и нефтяник-бакинец. Меняющемуся городу вторит речка Мега, на которой он расположен. Мегион продолжил череду нефтяных городов Югры, которым посвятил стихотворения М. И. Шульгин. Поэтому и присутствие вышек буровых вполне закономерно:

О чём немало пишут в прессе,
Хоть не внесён на карту он,
Мой край родимый Мегион,
Дитя природы и прогрессов...
Над ним взвываются в поднебесье
Слова моей душевной песни!
А деревянный тротуар
Прогнётся под ногой впервые, –
Застыли вышки буровые,
А дизели окутал пар...
Не зря с нефтяником-бакинцем
Неспешный разговор ведёт
О новой школе и больнице
Потомственный оленевод,
И речка Мега вторит им...⁹⁸

Есть в череде городских произведений М. И. Шульгина и стихотворение «Лабытнанги», что в переводе с хантыйского «семь лиственниц». «Такое имя город получил не случайно, а благодаря строящимся лиственницам на южной его окраине. Интересно, что город Лабытнанги расположен на восточных склонах Полярного Урала и при том ещё на левом берегу

⁹⁸ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 241.

великой сибирской реки Обь, при впадении в неё протоки Выл-Посл»⁹⁹. Лабытнанги получил статус города только в 1975 году, этим и объясняется именование его посёлком в стихотворении поэтом. Используя в первой строфе созвучие слов и обыгрывая номинацию населенного пункта на хантыйском языке, поэт во второй строфе устанавливает границы поселения – от Урала до Оби:

Здравствуй, наш посёлок Лабытнанги!
Раньше тут над тундровым ковром,
Где водились только белки-ланги,
Лиственницы мёрзли всемером.
Горб осетрового Урала
Возвышался айсбергом вдали,
Да волной студёною плескалась
Обь-река за кормою земли¹⁰⁰.

Третья строфа устанавливает типичную уже для поэта модель «прошлое» – «настоящее», когда на смену природе пришла цивилизация, атрибутами которой выступили самолёт, паром, теплоход.

Город Лабытнанги привлёк внимание и хантыйской поэтессы Валентины Петровны Лонгоровой. У неё есть стихотворение «Ляпэт нанк вош», состоящее из пяти четверостиший с разными видами рифмовки. Есть и авторский перевод этого произведения на русский язык – «Город Лабытнанги», который включает прозаическое начало и поэтическую концовку, состоящую из восьмистишия. Прозаическое повествование отсылает к истории поселения и этимологии его названия, указываются и

⁹⁹ Малания Георгий. Город Лабытнанги / Г. Малания [Электронный ресурс] // URL: <https://uraloved.ru/goroda-i-sela/tumenskaya-obl/labitnangi>.

¹⁰⁰ Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. С. 41.

географические особенности расположения города. Повествует автор и об изменениях, которые произошли с поселением, ставшим городом (появились многоэтажные дома, железная дорога). Топос изменил окружающий ландшафт (вместо оленей по тундре бегут поезда): «Давным-давно ханты у берега протоки поставили чумы. С тех пор здесь возникло поселение, получившее название в честь стоящих на священном месте деревьев: «лапэт» – семь, «напк» – лиственница. В настоящее время это – город Лабытнанги. Рядом река Обь, кормящая людей свежей рыбой: муксуном, нельмой. Ешь, сколько хочешь, но только не забывай трижды поклониться «духам» реки Обь и похвалить город, в котором живёшь:

«Лабытнанги – город мой, город семи лиственниц, с одной стороны – Уральские горы, с другой – река Обь».

В тех местах, где когда-то стояли лиственницы, теперь стоят двухэтажные и трёхэтажные дома. А по тундре, где бегали дикие животные, нынче проходит железная дорога, и мчат по ним поезда»¹⁰¹. Повествование о реке, на берегу которой расположился город, позволяет автору напомнить об обряде поклонения духам Оби и о чувстве благодарности, которое забывает человек, пользуясь дарами реки-кормилицы. Сочетание «...не забывай <...> похвалить город, в котором живёшь» звучит представлением, апеллирующим к чувству патриотизма.

Поэтическая часть русскоязычного перевода произведения В. П. Лонгортовой воссоздаёт чудо-город из сказки. Поэтическую речь поддерживает перекрёстная рифмовка, мужская и женская рифма:

Здесь была когда-то глушь,
Среди лиственниц – три чума.
А теперь, ты не поверишь,
Как из сказки, встало чудо.

¹⁰¹ Литературное наследие обских угров. В 2-х т. / сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: Принт-2, 2016. Т. 2. Хантыйская литература. С. 273.

Лабытнанги – город наш
У Полярного Урала.
Лабытнанги – город наш
Белоснежного Ямала¹⁰².

На другом берегу Оби напротив города Лабытнанги расположен административный центр Ямало-Ненецкого автономного округа – город Салехард, которому посвятил одноименное стихотворение хантыйский поэт Роман Прокопьевич Ругин. Перевёл его на русский язык И. Фонаков. Стихотворение состоит из восьми строф по четыре стиха. Используется перекрёстная рифмовка, мужская рифма, чередование трёх и четырёхстопного анапеста.

Начинается оно определением географического местоположения города, название которого с ненецкого языка переводится как «поселение на мысу». Для этого поэт использует карту и сообщает, что размером Салехард меньше Москвы, а следовательно, это не город-мегаполис. Утверждение, что тоπος расположен у северной границы страны, и даже на карте до него можно с трудом дотянуться, подтверждает тот факт, что он находится на широте Северного полярного круга:

Еле-еле на карте достанешь рукой:
Возле северной кромки страны,
У Ангальского мыса, Шайтанкой-рекой
Разделённый на две стороны.

Встал мой город, раскинув два сильных крыла.
Он, конечно, поменьше Москвы.
Если я вам скажу: «Он похож на орла»,
Улыбнётесь, наверное, вы¹⁰³.

¹⁰² Литературное наследие обских угров. В 2-х т. / сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: Принт-2, 2016. Т. 2. Хантыйская литература. С. 273.

¹⁰³ Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. С. 127–128.

Далее поэт рисует облик деревянного города, у которого за плечами вековая история. И действительно, «Салехард (ранее Обдорск, что в переводе с языка коми означает место при Оби) был основан как казачья крепость в 1595 году. В то время это был самый северный форпост Российского государства. <...> В годы советской власти Обдорск стал столицей новообразованного Ямало-Ненецкого национального округа, а в 1933 г. получил новое имя – Салехард. Преобразован в город 20 июня 1938 г.»¹⁰⁴. Поэтому не удивительно, что в стихотворении поэта город, который обрёл новый статус менее века назад, скромен и невелик: «Он пока еще скромен на вид и на взгляд, / Весь почти деревянный пока, / Но старинные книги не зря говорят: / У него за плечами – века»¹⁰⁵. В суровых климатических условиях он выступает символом жизни и надежды, тепла и помощи. Не случайно поэт сравнивает земные огни города со спелой морошкой, солнечной ягодой:

Здесь, конечно, не теплый и благодостный юг,
Здесь мороз беспощадно суров,
И Полярный порой прогибается круг
От жестокой атаки ветров.

Но и в самую выюжную пору взгляни:
В непроглядную зимнюю ночь
Светят спелой морошкой земные огни,
Обещая согреть и помочь¹⁰⁶.

В произведении Р. П. Ругина Салехард представлен многонациональным развитым городом, у которого есть воздушные и водные ворота. И здесь поэт употребляет интересное сравнение летящего самолета с плывущей нельмой. Город совместными

¹⁰⁴ История города Салехард [Электронный ресурс] // URL: <http://www.r89.ru/ab/>.

¹⁰⁵ Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. С. 128.

¹⁰⁶ Там же. С. 128.

усилиями ханты, ненцев, коми и русских обретает современный облик, прокладывает дорогу сквозь время.

Последняя строфа произведения звучит пожеланием счастья, превращает город в путеводную звезду, светящую на карте и зовущую к себе:

Будь же счастлив мой город на этом пути –
Переживший века, молодой,
И отважных зови, и на карте свети
Негасимой Полярной звездой!¹⁰⁷

Как видим, топосы Западной Сибири прочно вошли в творчество хантыйских поэтов, что вполне логично, поскольку сами поэты живут на территориях, где находятся эти города. Восприятие городов Югры в поэтическом наследии М. И. Шульгина связано с историко-культурным контекстом эпохи освоения территории, поэтому и атрибуция городов представлена нефтяными вышками, открытыми пространствами и стройками. По-иному показаны города Ямала в поэтическом наследии Р. П. Ругина, М. И. Шульгина, В. П. Лонгоровой. Поэты обращаются к истории поселений, поэтизируют этимологию названий топосов, акцентируют внимание на их географических особенностях. Но как бы не представляли города Западной Сибири хантыйские поэты в своих произведениях, в их словах слышатся любовь и вера в светлое будущее территории, на которой они расположены.

¹⁰⁷ Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. С. 128.

5. Атрибуция безымянного города в рассказе Е. Д. Айпина «Осень в твоём городе»

Любовь к тому или иному городу
обусловлена чувствами, которые в нём
пришлось испытать, а не самим городом.

Марлен Дитрих

Женщина – самое могущественное
в мире существо, и от неё зависит
направлять мужчину туда,
куда его хочет повести Господь Бог.

Генрик Ибсен

Придя к заключению, что сильное влияние на формирование урбанистического кода в хантыйской литературе оказал своим творчеством Е. Д. Айпин, продолжим изучение поставленной проблемы и проследим, как формируется образ безымянного города в его прозе на примере рассказа «Осень в твоём городе». Это произведение датируется 1993 годом, более того, автор уточнил число и месяц его создания, а также место – 27 января, Барвиха. Стоит отметить, что этим произведением писатель завершил подборку рассказов в книге избранных произведений «Клятвопреступник» (1995 год) и с него же начал сборник рассказов «Река-в-Январе» (2007 год). Более того, обращает на себя внимание лирический комментарий, который сопровождает заглавие рассказа – «осенняя грусть» – и задаёт общую тональность произведению, объясняет грустно-ностальгические настроения главного героя.

Уже номинация рассказа отсылает нас к образу города и времени года – осени, которое рождает ассоциативный ряд в памяти героя. Город не имеет названия, зато определена его принадлежность «Твой». И мы понимаем, что герой рассказа вспоминает возлюбленную через атрибуцию города, в котором пережил светлое чувство.

Начинается воссоздание топоса с набережной реки. Падающий «огромными хлопьями» снег, закрывающий небо, создаёт идеальную сказочную картинку, размывает границы времени и пространства.

Набережная реки показана автором через антитезу, создающую цветовой контраст (белый снег между мрачным небом и свинцовой водой), раскрывающую противопоставление тревоги и праздничного настроения (резкие порывы ветра и праздничная суeta на кораблях); через контекстную антитезу «праздник – смерть»: «И мы пошли на реку. Точнее, на набережную Твоей реки.

У реки, где с моря налетал резкий ветер, хлопья снега как бы взрывались и бешено неслись неведомо куда.

На реке стояли на якорях корабли с грозно торчащими стволами пушек. Над ними – низкое тяжелое небо, а под ними свинцово-ледяная вода. И корабли тоже отливали свинцом.

Был праздник.

И на кораблях была праздничная суeta. Матросы в чёрных бушлатах, подобно муравьям, сновали по палубам. Мы тогда гордились этими кораблями. Вот какие мы сильные! Вот какие мы могучие! Вот какие мы великие!.. В то время я ещё не понимал, что любой подобный корабль – это смерть»¹⁰⁸.

Лирический герой Е. Д. Айпина, подобно средневековому рыцарю, защищает возлюбленную, правда, от непогоды, её рассказ о городе напоминает ему сагу. И эта сага с каждым шагом открывает новое чудо: «Мы шли по снегу под ударами ветра в спину. Я шёл со стороны реки, как бы прикрывая Тебя от ледяного холода воды. Мы шли медленно, не спеша. Я шёл и молчал. Я молча слушал тебя. Слушал твой изумительный голос. Ты сказывала мне сагу о своем городе. Сказывала с любовью.

¹⁰⁸ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 11.

С любовью к своему городу, где на каждом шагу возникало чудо»¹⁰⁹.

Интересно, что любовь, которую испытывает героиня к своему городу, вызывает чувство ревности в героя. Город становится его соперником в борьбе за любовь: «Я слушал ревниво. Я ревновал тебя к твоему городу. И, ревнуя, наслаждался твоим изумительным голосом»¹¹⁰.

Расширяя цветовую палитру, Е. Д. Айпин передаёт хрупкое состояние счастья героя через атрибуты города: «И казалось мне, этим ощущением счастья было заполнено всё вокруг нас. И падающие снега, и холодные воды. И чёрное железо мостов, и тусклый гранит набережных, и строгая бронза памятников, и ягельно-зеленоватая медь церквей и храмов, и буро-песчаные стены домов. И сумрачное небо, и мокрая земля. <...>

По набережной сновала не очень весёлая, принудительно-добровольно выведенная на улицы, прозрачная толпа. Она казалась серо-тёмной на фоне падающего снега»¹¹¹. Но выбранные им цвета отнюдь не усиливают состояние счастья героя.

Писатель знакомит нас с планировкой города, его достопримечательностями через маршруты, которыми следуют герои. Более того, он вводит внутренне личное пространство двоих в топосе, границы которого очерчиваются всем, на что падает взгляд героини: «С набережной, свернув направо, мы вышли на знаменитую Главную площадь Твоего города. Шли медленно, не спеша. Ты говорила, как сказку сказывала, как песню напевала. А я слушал и смотрел. Конечно же, больше смотрел на Тебя, нежели на достопримечательности города. Вернее, всматривался в Твои глаза. Ты всё показывала глазами. И я спешил за твоим взглядом, очерчивающим пространство вокруг нас»¹¹².

¹⁰⁹ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 11–12.

¹¹⁰ Там же. С. 12.

¹¹¹ Там же. С. 12–13.

¹¹² Там же. С. 13.

Создавая образ города, герой осознанно утаивает знаки, которые помогут его идентифицировать: не называет улиц, площадей, вместо этого использует определение «Главная» при их номинации; не произносит название кинотеатра, который кодифицируется личными переживаниями: «Потом мы повернули под арку и прошли на Главную улицу Твоего города, тоже знаменитую. Впрочем, тут всё, к чему ни прикоснешь, чем-нибудь да памятно. Хотя каждый город по-своему примечателен. Но это Твой город!.. Город, как и Ты, не был похож ни на какой другой...

Мы перешли Главную улицу напротив кинотеатра.

Помнишь ли, как назывался тот кинотеатр? Я помню. Но мне не хочется, чтобы кто-то узнал Твой город. Он принадлежит только Тебе – и никому больше. И кинотеатр тоже принадлежит только Тебе и мне.

Город был наполнен твоим дыханием.

Город дышал Тобой»¹¹³. Город обретает дыхание, поскольку в нём живет возлюбленная.

Вводит писатель и внутреннее пространство кинотеатра: в фойе можно выпить не очень горячий, но приятный кофе, зал, экран, описывает соседей по кинозалу.

Город рождает в сознании героя и контрастные температурные ощущения: пронизывающий ветер и слякоть под ногами сменяются теплом, переходящим в огонь, который вписывает воспоминания в память, подобно тому, как выжигают клеймо. «На улице пронизывающий ветер с моря бил в наши спины. Падающий снег сразу же превращался в мокрую слякоть под ногами. Прохожие, съжившись, спешили по своим делам. Зябко, сыро. Но мне рядом с Тобой было тепло. Никто ещё в этом мире не излучал такое тепло. Ровное, всепроникающее тепло. Оно согревало меня, стены домов, деревья. Камень ближайших

¹¹³ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 13.

дворцов и храмов. Казалось, всю землю и небо. Я не чувствовал ни холода, ни ветра, ни слякоти.

В зале я сидел слева от Тебя и слушал Твоё сердце. <...> Не помню, как назывался фильм. Наверное, ни разу не глянул на экран. Не помню ни одного кадра. Но я помню Твоё тепло. Ты излучала тепло, и я улавливал это тепло, начиная с колена. И чем выше, тем теплее, тем горячее ты становилась, постепенно превращаясь в испепеляющий огонь. И я горел в этом сладостном огне... Ты согревала Вселенную. Всю. <...> Я горел в Твоём огне. И эта огненная строчка все вписала в мою память»¹¹⁴. Более того, слушая сердцебиение возлюбленной, герой ощущает, как оно отзывается в снегах Севера, устанавливая горизонтальную пространственную связь между двумя географическими точками, которую тут же переводит в вертикальную плоскость через сравнение любимой женщины с богиней. Ханты верят, что мир вокруг человека делится на три мира: Верхний, Средний, Нижний. Верхний мир, в свою очередь, состоит из нескольких слоёв, которые являются местами обитания богов. Боги способны спускаться на землю и являться людям. Вот и герой Е. Д. Айпина, словно прозревая, задаётся вопросом: «<...> я сидел <...> и слушал Твоё сердце. Его биение отзывалось во льдах и снегах моего Севера, и я улавливал эти милые звуки... <...> Ты согревала и дом моего отца на далеком Севере, и наш сосновый белоягельный бор, и наши озера, и нашу реку, и нашу Богиню...

Я вздрогнул от неожиданности. Нашу богиню!.. Может быть, Ты сама богиня?! Возможно ли такое?!»¹¹⁵

Сумерки осеннего дня усиливают состояние счастья героя, его ощущение опаляющего жара. Пограничность временного интервала рождает предчувствия: «Я был невыразимо счастлив. И думал, что буду вечно счастливым рядом с Тобой.

¹¹⁴ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 14.

¹¹⁵ Там же. С. 14.

Хотя и предчувствовал, что слишком большое и неожиданное счастье не может быть вечным и непоколебимым. Наоборот, оно очень хрупкое и ранимое»¹¹⁶. Предчувствия героя оправдались: то, что представлялось недолгой разлукой, оказалось расставанием навсегда: «...А потом мы расстались. Думали – ненадолго.

Оказалось – навсегда.

Расстались навсегда.

Расстались.

Разъехались»¹¹⁷.

Скрывая название города, автор не упоминает и время, через которое герой вновь возвращается в него. Только констатирует: «Я снова в твоём городе»¹¹⁸. Он использует номинацию «след», говоря о тех дорогах-путях, достопамятных местах, которыми когда-то герои шли вместе, познавая город. Выстраивая маршрут памяти, Е. Д. Айпин характеризует состояние героя «как в сомнамбулическом сне»: «Потом я приехал в твой город. И уже один бродил по нашим следам. Вернее, по Твоим следам. Набережная реки, Главная площадь, арка, короткий проезд, Главная улица, кинотеатр, Твоя улица, Твой дом»¹¹⁹. Погружённое состояние героя помогает ему видеть «горящие тихим огнем» следы возлюбленной, слышать её голос, улавливать запахи: «Удивительно четко отпечатались на камне мостовых Твои следы. Я находил и всматривался в них необъяснимым внутренним зрением»¹²⁰. Погружение в прошлое рождает в памяти героя «искаженные» строки А. С. Пушкина: «...ходила маленькая ножка, / вился локон золотой...»¹²¹.

¹¹⁶ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 15.

¹¹⁷ Там же. С. 15.

¹¹⁸ Там же. С. 16.

¹¹⁹ Там же. С. 15.

¹²⁰ Там же. С. 16.

¹²¹ Там же. С. 16.

Блуждание по городу заставляет героя констатировать, используя одинаковый способ построения синтаксических конструкций, усиленных анафорой:

«Город без тебя опустел.

Город без тебя осиротел.

Город без тебя помертвел»¹²².

Попытка возродить утраченные чувства и ощущения направляет героя рассказа в памятный кинотеатр, в котором он снова попадает в забытие, словно пытаясь перемещаться во времени, подобно тому, что, по описаниям исследователей, практиковали шаманы Севера. «Вот и кинотеатр. В кино я безошибочно нашел место, где Ты сидела в тот счастливый осенний день. Замерев, я долго стоял над Твоим креслом. Стоял, ждал, когда Ты явишься ко мне. Я был уверен, что Ты придёшь. Я все ждал и ждал тебя. Наконец, тихо и осторожно опустился в кресло. Осмотрелся, возможно, вздохнул незаметно для себя. Руки сами собой крест-накрест обхватили мои плечи, голова упала на грудь, глаза зажмурились, и все тело мое непроизвольно, до хруста в костях, сжалось в один единый бесформенный ком. Весь я оцепенел и впал в забытие, будто провалился куда-то. А время как бы остановилось.

Сколько это длилось – не знаю. Но потом я очнулся. В изнеможении. Голова с трудом откинулась назад. Я закрыл глаза. И стал поджидать тебя. <...> И наконец, почувствовал твое тепло. <...> Сейчас ты была рядом со мной. Я вернулся в прошлое. Или ты пришла ко мне из ушедшего времени»¹²³.

Именно в кинотеатре к герою приходит понимание, что такое «уже не повторится никогда», что это «в последний раз». И если в начале рассказа пространство Вселенной автор связывал с героиней, то в конце рассказа соотносит его с героем. «Вместе со мной подходила к концу, заканчивалась, обрывалась

¹²² Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 16.

¹²³ Там же. С. 16.

жизнь вселенская. Вне моей жизни, как и у каждого человека, ничего не существует – ни солнца, ни луны, ни земли, ни Вселенной, ни Тебя. Ничего»¹²⁴.

Потеря возлюбленной, уход свидетелей «таинственного осеннего свидания» героев сближает город и человека, соединяя их пространства в целое, интимное, вычеркивая из него посторонних, а ведь ещё в начале рассказа город принадлежал не только героине, но и был наполнен жителями и гостями: «Теперь <...> в твоём городе остались мы вдвоем. Нас двое. Ты и я – и больше никого»¹²⁵.

В финале произведения герой, чья жизнь, «как Солнце в полдень, уже поворачивает в сторону заката», надеется, что проведёт ещё один день в «Твоём осеннем городе», испытает миг наивысшего счастья, но уже в Нижнем мире, в котором человек проживает ещё «одну жизнь, но только в обратном направлении», доверяя словам своей языческой бабушки. Так плавно автор предпринимает попытку зеркально отразить топос в пространстве миров: Средний мир – Нижний мир, вновь возвращаясь к антитезе, которая была озвучена в начале рассказа: жизнь – смерть, дополняя эту модель: жизнь – смерть – жизнь после смерти.

Как видим, в небольшом по объёму произведении Е. Д. Айпин переплёл лирическое и урбанистическое, атрибуция последнего позволила автору создать образ города, утаив его номинацию. Можно говорить о том, что писатель создал образ безымянного города. Городской текст, наслоенный на лирическое повествование, создаёт сложно организованное пространство. Анализируя рассказ, мы предприняли попытку показать, как автор работает с пространством, то концентрируя его, сужая (город, кинотеатр, возлюбленная), то детализируя его горизонтальные границы (площадь, улица, дворец, кино-

¹²⁴ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 17.

¹²⁵ Там же. С. 18.

театр, дом возлюбленной), то расширяя его до космических масштабов Вселенной. Апеллирование к традиционным представлениям ханты помогает Е. Д. Айпину пространственно организовать топос, смещая и его временные границы (настоящее – прошлое). Несмотря на то, что атрибуция города скупа и схематизирована, тем не менее всё, что связано с личными переживаниями героя, достаточно детализировано не только на визуальном уровне, но и на уровне интуитивно-чувственного восприятия. Рассказ Е. Д. Айпина «Осень в твоём городе» – это ещё один шаг к формированию урбанистического кода в хантыйской литературе и образец бытования городского текста не только в творчестве хантыйского прозаика, но и национальной художественной словесности ханты в целом.

ГЛАВА II. ГОРОДСКОЙ ТЕКСТ В ХАНТЫЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ: ОБРАЗЫ ЕВРОПЕЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ГОРОДОВ

1. Парижский текст в прозе Е. Д. Айпина

Всякий, кто погружается в пучину Парижа,
испытывает головокружение.
Нет ничего более фантастического, более трагического,
более величественного.
Виктор Гюго

В литературоведении понятие «парижский текст» появилось сравнительно недавно, оно вошло в обобщённое понятие «городской текст» и рассматривается сегодня как метатекст. Вот и хантыйский прозаик Е. Д. Айпин обратился к Парижу в рассказе «Парижанка», продолжая формировать урбанистический код хантыйской литературы. Уже самим названием произведения автор отсылает нас к конкретному топосу – Париж.

Н. Берберова пишет: «Париж – не город, Париж – образ, знак, символ Франции, её сегодня и её вчера, образ её истории, её географии и её скрытой сути. Этот город насыщен смыслом больше, чем Лондон, Мадрид, Стокгольм и Москва, почти так же, как Петербург и Рим. Он сквозит этими значениями, он многомыслен, он многозначен, он говорит о будущем, о прошлом, он перегружен обертонами настоящего, тяжелой, богатой, густой аурой сегодняшнего дня. В нём нельзя жить, как будто его нет, законопатиться от него, запереться – он всё равно войдет в дом, в комнату, в нас самих, станет менять нас, заставит нас вырасти, состарит нас, искалечит или вознесет, может быть – убьёт. Он есть, он постоянен, он вокруг нас, живущих в нём, и он в нас. Любим мы его или ненавидим, мы его не

можем избежать. Он – круг ассоциаций, в котором человек существует, будучи сам – кругом ассоциаций. Раз попав в него и выйдя – мы уже не те, что были: он поглотил нас, мы поглотили его, вопрос не в том, хотели мы этого или не хотели: мы съели друг друга. Он бежит у нас в крови»¹²⁶.

В 2007 году хантыйский прозаик Е. Д. Айпин представил читателям новую книгу «Река-в-Январе». В сборнике рассказов, объединённых общей темой любви, выделяется рассказ «Парижанка», датированный 8 мая 2006 года и написанный автором в Ханты-Мансийске. Рассказ нетипичен для хантыйской литературы и тем, что в нём автор создал городское пространство европейского мегаполиса. Изображение городской среды – это редкое явление в произведениях хантыйских прозаиков и поэтов, так как авторы транслируют культурную традицию этноса, то закономерно, что и на страницах их произведений читатель познаёт мир народа. В хантыйской культуре традиционными являются небольшие поселения, типа стойбищ, летних домов, заимок и проч., все то, что ближе к небольшому, компактному сельскому поселению. Поэтому созданное Е. Д. Айпиным пространство города можно рассматривать как нетрадиционное для национальной литературы ханты явление.

Начинается рассказ цитатой из «Журнала путешественника» русского поэта XVIII–XIX веков Ивана Дмитриева «Я в Париже: / Я начал жить, а не дышать». Именно сочетание глаголов «жить – дышать» определяет ключевую мысль произведения, которую осознаёт главный герой рассказа, приехавший в Париж по делам почти на две недели. Ощущение духовной и телесной свободы, выход из типичных рамочных границ бытия становится синонимом жизни.

Главный герой рассказа – Джереми – личность творческая, писатель, который решает вопросы с переводом своей

¹²⁶ Берберова Н. Н. Курсив мой / Н. Н. Берберова [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://modernlib.ru/books/berberova_nina_nikolaevna/kursiv_moy_glavi_14/read.

новой книги на французский язык. Переводчицу зовут Вирджиния. Встреча писателя с переводчицей состоялась, но позвонил он, приехав в Париж, не сразу, только на четвёртый день, под вечер. Он набрал её номер и услышал весёлый звенящий голос. Как вежливый человек, она интересовалась его дорогой, отелем и пригласила домой на ужин. Диктуя гостю свой адрес, Вирджиния детально разъяснила, как пройти от отеля до дома. Такая схема движения определила микропространство, соединяющее двух творческих людей, занятых общим делом, и эта схема лишь часть паутины улиц и проспектов Парижа: «Тогда она продиктовала адрес и потом обстоятельно объяснила, как разыскать её дом. Он выйдет из отеля и пойдёт по площади направо. На первой же улице повернёт направо. Пройдет два квартала и по небольшому переулку повернёт налево. И по ходу, с левой стороны, пройдёт немного и увидит номер её дома. Можно, конечно, заказать такси. А можно прогуляться пешком»¹²⁷. При всей масштабности европейского мегаполиса автор указывает на сжатость уличного пространства старого города.

Такая горизонтальная компактность пространственной организации Парижа дополняется вертикальной суженностью пространства топоса. В осеннем Париже сырым сентябрьским вечером «низко над городом висели облака. Казалось, если взобраться на крышу отеля, то можно к ним прикоснуться. <...> Небо лежало прямо на крыше дома»¹²⁸.

Детализирует Е. Д. Айпин и описание дома, в котором живет героиня. Сравнивая внутренний дворик со средневековым замком, с пещерой, автор вводит в мир древности и тайн, усиливая эффект сумеречными полутонами: «Он остановился у высокой ажурной ограды из железных прутьев. Постоял у калитки, огляделся, как бы запоминая все вокруг, потом открыл легкую железную калитку и вошёл во двор.

¹²⁷ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 182.

¹²⁸ Там же. С. 182–183.

Перед ним возвышались три высокие внутренние стены П-образного дома, похожего скорее на замок позднего средневековья. Он напоминал тёмно-бурые своды древней пещеры, где жили наши предки на заре человеческой цивилизации. В слабом отблеске уличных фонарей и бледного света из немногих светящихся окон он казался особенно древним и таинственным»¹²⁹. Так Е. Д. Айпин передаёт дух времён, воплощенный в городе.

Столь же детально дано в рассказе и описание подъезда дома, в котором живёт героиня. Торжественность и стыдливость, компактность и ухоженность – это то, что замечает сразу иностранец внутри дома. «Ноги его ступили на красный ковёр, который привел к лифту. Он остановился у лифта и огляделся. Такой же красный узкий ковёр, извиваясь змейкой на ступеньках, уходил по лестнице на верхние этажи. Подъезд чистый, ухоженный. Ни соринки, ни пылинки. Небольшая электрическая лампочка под высоким потолком матово-бледным, неярким светом стыдливо освещала все пространство перед лифтом. <...> Лифт оказался очень маленьким. Человека на два-три. Ну, от силы на четыре. И он понял, что дом старинный. Он был спланирован и построен без лифта. А потом уже в лестничные пролеты втиснули это более позднее, чем сами многоэтажные строения, изобретение человечества. Он нажал на кнопку шестого этажа. Лифт бесшумно тронулся»¹³⁰.

Внутреннее убранство квартиры дано весьма скупо в сочетании с традициями европейского гостеприимства, где главное – хорошая беседа за бокалом вина: «Он снял плащ и его провели в гостиную. Два окна, между ними чёрный кожаный диван. Перед ним низкий столик. По краям два глубоких кресла, тоже обтянутых чёрной кожей. Картины на стенах. Большой книжный шкаф, в котором золотом отсвечивали кожаные коричневые переплёты толстых книг и, судя по виду, старин-

¹²⁹ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 183.

¹³⁰ Там же. С. 183.

ных фолиантов. Тумба с напитками для аперитива и двумя или тремя тарелочками с орехами. <...> Он встал и его провели в другую комнату, в столовую. Почти всю столовую, от двери до окна занимал довольно длинный стол под белой скатертью. Вирджиния расположилась у окна, на торце стола. Её муж, стоя за её спиной, придвинул стул с высокой спинкой, и она, плавно и мягко, словно королева, опустилась на сиденье. А гостя она усадила по левую руку от себя. Джулиан занял место на другом конце стола, у двери»¹³¹. Как видим, автор постепенно погружает во внутренние круги пространственной организации города, концентрируя его в точке: Париж с его проспектами и улочками, внутренний дворик дома, подъезд, квартира Вирджинии.

Герой заказывает «что-нибудь типично французское». И гостю предложили вино старинной марки. Интересно, что расположение героев за овальным столиком гостинной напоминает треугольник, Вирджиния – слева, Джулиан – справа от гостя. Такая аналогия не случайна. Да и в столовой Джереми сидит рядом с хозяйкой дома, а супругов разделяет стол. Читая рассказ, наблюдая за поведением героини, всё больше убеждаемся в том, что она испытывает нежные чувства к гостю с Севера. Но они безответны.

Муж Вирджинии, Джулиан, типичный француз. «Из-за её плеча выступил светловолосый мужчина, церемонно поклонился, затем с доброжелательной улыбкой протянул гостю руку»¹³². Его отличают аристократизм манер, воспитанность, образованность. В характеристике Джулиана употребляются эпитеты «тихий», «незаметный», «медленно-задумчивый», «смирный», «степенный». Он близок творческим кругам и его мнение авторитетно. Не случайно его приглашают в жюри кинематографического конкурса. Как и все французы, ценит хорошее вино и еду. Умеет поддержать беседу (читал книги гостя), восприни-

¹³¹ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. Там же. С. 184–186.

¹³² Там же. С. 184.

мает супругу как музу. Но в восприятии Джереми остаётся нетипичным французом, не попадающим под стереотипный образ жителя Франции, созданный иностранцем: «Он искоса взглянул на Джулиана. Тот совсем не был похож на типичного, в его представлении, француза. Все они, как это принято считать, экспрессивные, легкомысленные и любвеобильные. Все они, любящие только шампанское, лягушек и женщин, с завидной легкостью проходят по жизни. Но застенчивый и добродушный Джулиан, похоже, был совсем из другого теста»¹³³.

Для Джулиана брак с Верджинией второй. Он вдвое старше своей супруги, поэтому, вероятно, такая сдержанность и степенность поступков и характера, возможно, отсюда и восприятие супруги как музы:

«— Это моя муза.

— С такой музой надо создавать только шедевры <...> Может, она и в самом деле нужна Джулиану как муза. Не жена, а муза. Муза вдохновляющая. Без музыки в творчестве совершенно нечего делать. Уж шедевра без музыки точно никогда не сотворить»¹³⁴.

Контрастом мрачному, темному городу и «нетипичному французу» Джулиану выступает улыбающаяся веселая жительница культурной столицы Вирджиния. Е. Д. Айпин неоднократно упоминает об улыбке на её устах и весёлом голосе. Эта весёлость рождает мысль, что с героиней что-то происходит. В рассказе есть портрет героини: «Вирджинию нельзя назвать красавицей, но на неё приятно было смотреть. Стройная, высокая, тонкая. Почти прозрачная, словно капелька воды из родника. Волосы такие длинные и чёрные, кажется, чернее не бывает. И брови чёрные, тонкие, длинные и очень подвижные, реагирующие на каждое его слово и малейшее движение. Но самыми выразительными на её лице оставались глаза. Это два,

¹³³ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 189.

¹³⁴ Там же. С. 189.

опять с очень чёрной водой, огромных округлых озера, мечущие искры чёрного огня. Несомненно, в ней было что-то такое, необъяснимое, мистическое, мифическое, колдовское. Но, однако, при всем при этом она не вызывала у него тревоги. В ней теплое и завораживающее было сильнее, чем непонятное и непостижимое»¹³⁵. Видим, что автор активно работает с цветовым кодом, создавая образ героини. Четыре раза употребляет он прилагательное «чёрный», описывая её внешность. Вирджиния и Джулиан по цветовой организации образа противопоставлены как светлое и тёмное. Точна такая же противоречивость цветового решения есть и в образе главной героини: прозрачность и чернота сосуществуют в ней. Она прозрачна, как капля воды, на ней прозрачные одежды, сквозь которые видно тело. Все это рождает ассоциации с мистическим, мифическим, колдовским, открывает границу в другой мир.

Создавая образ француженки, Е. Д. Айпин начинает с речи: «Она всё говорила и говорила и никак не могла остановиться. <...> Она говорила так быстро, что он не мог уловить паузу и вставить слово»¹³⁶. Темп речи не мешает царственности манер героини, не случайно несколько раз в тексте её сравнивают с королевой. Вирджиния эмоциональна, порывиста, эрудированна, задаёт тон беседе гостей за столом. В стремлении управлять и доминировать она в сознании гостя соотносится с Наполеоном Бонапартом. Она же знакомит гостя с Парижем, рассказывает об общих знакомых и о литературе.

Джереми воплощает традиционный образ художника, автор даже в одежде подчеркивает это, надев на него плащ на пуговицах и берет. Герой как бы спрятался в этот кокон одежды, типичной для стиля художника. И только в конце рассказа, после поцелуя Вирджинии, выйдя из подъезда дома, он снимает берет и расстёгивает плащ, впервые за всё время ощущая

¹³⁵ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 189.

¹³⁶ Там же. С. 181.

«влажный, приятно освежающий воздух осеннего города». Все эти символы (расстёгнутый плащ, снятый берет, употребление эпитета «приятный» в адрес города) указывают на изменения, произошедшие в герое, и он сам осознает, что с ним «что-то происходит».

В беседе Джереми признаётся, что его всегда интересовал Париж, что «хотелось бы посмотреть на Париж глазами Хемингуэя. Он с большой любовью писал о Париже»¹³⁷. В диалоге всплывает и прозвище основоположника современной американской литературы, Нобелевского лауреата Эрнеста Хемингуэя «Папа», чаще употребляемое в разных кругах как «Папа Хэм». Стремление познать Париж через Хемингуэя обосновывает и выбор первой достопримечательности города, места, которое в первый же вечер посещает гость столицы: «– В первый же вечер мы с приятелем пошли в кафе Дё Магу, где часто он бывал. На стене там есть ещё его фотография времён Второй мировой войны. С дамой в униформе. Знаете, конечно, это кафе. Поговорили с официантом. Совсем молоденький парень. Папу, конечно, никто не помнит. <...> Словом, выпили очень крепко. <...>

– И к вам явился сам Папа?

– Да, верно. <...>

– И что же сказал вам Папа? <...>

– Он сказал, что вы, ребята, в общем-то, симпатичные и умные, всё знаете, но такие скучные, такие скучные!.. Ещё сказал, что Америка сходит с ума, а старушка Европа совсем одряхла и потеряла совесть и разум. <...>

– Кто же тогда при уме и совести?

– Россия, конечно. Так он считает. <...>

– Я согласна с ним.

¹³⁷ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 185.

– С ним трудно не согласиться»¹³⁸. Здесь же горечь сожаления о том, что французы забывают свою знаменитую историю, разрушая гармонию исторического духа города.

В застольной беседе за ужином гость рассказывает, что успел посетить в Париже. И через перечисленные им известные всему миру культурные места столицы воссоздается облик города с его туристическими маршрутами: Нотр-Дам, Лувр, Версаль. «Пожалел, что познание мира начал не с Парижа, не с Франции. Ну, да ладно, всё теперь будет исправлено. Да, прав Хемингуэй: это настоящий, истинный Праздник. Праздник каждодневный. Праздник ежеминутный. Праздник ежесекундный»¹³⁹. «Праздничная» атмосфера города никак не совпадает с сумрачным, тёмным вечерним городом, который присутствует в рассказе с первых строк. Здесь же автор показывает, как по-разному воспринимают одни и те же места жители и гости города. Так, Джереми делится своим желанием побывать в Булонском лесу, и это вызывает недоумение у хозяев. Поясняя свой интерес к этому месту, он выясняет, что парижане обходят это место стороной, поскольку «там женщины... как это... не тяжёлого дела... нет, тела...»¹⁴⁰. Для русского человека с этим лесом связаны события истории, поэтому он такой же живой памятник истории, как и другие во Франции: «Да еще в школе, на уроке истории мне запомнился Булонский лес. Историк рассказывал, что там в Первую мировую войну подписали договор о мире или перемирии. Меня, помню, тогда заинтересовал вопрос: почему договор подписали не в городе, а в лесу? Чем же этот лес так знаменит?»¹⁴¹. Это доказывает, насколько отличается ценностная система координат представителей разных куль-

¹³⁸ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 186.

¹³⁹ Там же. С. 186.

¹⁴⁰ Там же. С. 189.

¹⁴¹ Там же. С. 188.

тур, которая с течением времени изменяет или смещает общечеловеческие доминанты.

Ощущение того, что герой со своим желанием попал впросак, заставляет его поделиться сводом «простых житейских правил», рождённых опытом путешествий: «Первое. Никогда не ездите в те страны, где у вас нет друзей. Второе. Не ходите туда, куда не получили приглашения. Третье. Держитесь подальше от малознакомых женщин. Четвёртое. Если вы приняли приглашение, то нужно, как это делают американцы, всюду чувствовать себя как в своём доме; ибо планета Земля одна, и она является домом для каждого её жителя»¹⁴².

Молча прогуливаясь по тускло освещённым улочкам Парижа, Вирджиния делится с Джереми впечатлениями о прочитанной книге, о том, что она глубоко тронула её, до слёз. Это была высшая степень признания таланта художника, и слёзы, приносящие боль, превратились в слёзы облегчения. Беседа сменилась весёлым щебетом Вирджинии, которая рассказывала об общих знакомых, о литературе, о том, что сейчас модно в Париже и что читают французы. Быстрый темп речи героини словно погружает собеседника в транс, и он перемещается в прошлое, встречая известных французских писателей и женщин-француенок: «И она беззаботно и весело щебетала всю дорогу до отеля. А поскольку нельзя было прервать нить разговора, они обошли, продолжая беседу, квартал вокруг отеля. Говорила в основном она. <...> она не могла остановиться. Он молча слушал ее. А она, будто перевоплощаясь во многих людей, то уходила в глубину многих столетий, то вновь возвращалась в сегодняшний вечер. И теперь, бродя по таинственным переулкам вечного города, ему показалось, что его повсюду сопровождает Наполеон Бонапарт. Но встречались и Александр Дюма, и Виктор Гюго, и Бальзак, и Мопассан. И многие другие.

¹⁴² Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 188–189.

Но больше всего было, конечно же, известных женщин-французенок. Он явственно слышал тихие, пробивающиеся из толшины времён, голоса Жанны д'Арк, Марии Антуанетты, Коко Шанель. То звучали в его ушах строки из романов Франсуазы Саган. То ему слышались мелодии Патрисии Каас. И даже двадцатичетырехлетняя Шарлотта Корде призрачной тенью промелькнула под аркой какого-то старинного дома. Возможно, с кинжалом под плащом она спешила на расправу с вождем якобинцев Жаном Маратом»¹⁴³. Названные люди помогают совершить экскурс сквозь века, показав счастливые и трагические моменты в истории Франции.

Е. Д. Айпин вновь работает с пространством, замыкая его вокруг отеля Джереми и дома Вирджинии. «Миновав череду полусумрачных, бледно освещённых переулков и улиц», герои вновь оказываются перед домом Вирджинии. Автор очередной раз помещает героев в замкнутое пространство – подъезд, лифт. Теперь цветовой код дополняется усиливающейся семантикой красного. При тишине сна, в которое погружён дом, красная ковровая дорожка, которую в начале рассказа автор сравнил со змеей, провоцирует взрыв эмоций героев, обретая черты сходства с библейским змеем-искусителем.

Говоря о Париже и парижанах, Е. Д. Айпин неоднократно констатирует факт двуязычия, но в рассказе, написанном на русском языке, только одна фраза дана на французском и без перевода, который, впрочем, и не нужен, поскольку и так понятно её значение: «*Vonne nuit*».

По эмоционально-чувственному восприятию хантыйский прозаик противопоставляет Париж и Север, и если в европейской столице сумеречно и промозгло, то на Севере светло и чисто.

¹⁴³ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 196–197.

Беседа Джереми и Джулиана открыла границы культурного пространства. Е. Д. Айпин показал не только русский взгляд на Париж, но и озвучил мнение и впечатление французов о России. Слова «Россия» и «русские» Джулиан произносит «с большим уважением и одновременно с изумлением». В своём рассказе о посещении Москвы француз говорит о теплоте и искренности русских, их гостеприимстве, хлебосольности, заботливости. Его посещение столицы России и других территорий было плодотворным. Он снял два хороших документальных фильма. Гостю приятно, что о России сложилось хорошее впечатление: «Все-таки приятно, когда хорошо говорят о твоей родине. Он давно заметил, что чем больше едешь по дальним заграницам, тем дороже становится твоя собственная страна. Чем дальше ты от своей родины, тем она тебе дороже. И он подумал, что была бы большая польза <...> хотя бы доброй половине россиян дать возможность проехать по заграницам. Что-бы вдали от отчего дома, вдали от тепла материнских рук они каждой клеточкой своего тела ощутили, как прекрасна и неповторима земля, на которой родились и выросли. <...> В любой чужой стране они никому не нужны. <...> Там не могут быть они в полной мере счастливыми. <...> Родина – это святое»¹⁴⁴. Чувство гордости дополняется безграничным чувством любви к родине, объясняя тот патриотизм, который отличает русских и формирует силу их характера. Не случайно в подтверждение правоты своих взглядов Джереми соглашается с классиком русской литературы Александром Сергеевичем Пушкиным, цитируя его: «Как все-таки прав был Пушкин, когда без малого два столетия назад написал: «Два чувства дивно близки нам – В них обретает сердце пищу – Любовь к родному пепелищу, Любовь к отеческим гробам...»¹⁴⁵. Прямое цитирование А. С. Пушкина показательно в рассказе, как одна из черт, подтверждающих

¹⁴⁴ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 190–191.

¹⁴⁵ Там же. С. 191.

разное отношение потомков к прошлому своей страны: о Хемингуэе никто не помнит во французском кафе, хотя прошло чуть больше полувека со дня его смерти, Джереми цитирует А. С. Пушкина по памяти, спустя почти два века после гибели поэта на дуэли.

Ещё одна черта к портрету европейца и россиянина, то, что формирует имидж страны и её жителей, – это этикетная, дипломатическая формула, определяющая уровень удовлетворённости жизнью, временем и дополняющая патриотизм: «Он заметил, что западные друзья никогда не ругали при иностранцах и за пределами своего отечества свою страну, руководителей и политиков своего государства. Это считалось дурным тоном. Если тебе чем-то очень досадили госчиновники, то ты можешь ругать их в хвост и в гриву. Но делай это дома, в своей стране, в кругу своих соотечественников»¹⁴⁶.

Разговор о России плавно перешел к её прошлому. Сорвавшаяся во втором десятилетии XX века страна летит в бездну, пишет автор. Размышляя об этом, вновь обращается герой рассказа к русской поэзии, цитируя Сергея Есенина и подчёркивая роль поэта-пророка: «...Прогнали царя – так вот Посыпались все напасти На наш неразумный народ»¹⁴⁷. Здесь же даётся и выход из той ситуации, в которой оказалась страна: «А напасти продолжают сыпаться по сей день. И будут сыпаться до тех пор, пока страна не восстановит вечный и непреходящий символ веры, народа, государства. Этим символом является царь, помазанник Божий»¹⁴⁸. В этой идее спасения страны из хаоса виден перефразированный и известный со времён Древней Руси призыв: «За веру, царя и отечество!». При этом идея духовного спасения первична и наиболее значима в этой системе координат возрождения. Только общенародные, общегосударствен-

¹⁴⁶ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 191.

¹⁴⁷ Там же. С. 192.

¹⁴⁸ Там же. С. 192.

ные интересы в ущерб личным – главный приоритет правителя страны.

Светлый, мирный Джулиан выступает в рассказе в роли пророка, который «видит будущее России»: «Лет через десять – пятнадцать Россию ожидает глубокий энергетический кризис»¹⁴⁹. И здесь пророчество героя совпадает с мнением учёных-экономистов на Западе. Знание и здравая оценка основ экономики России позволяют увидеть и причины, которые приводят к кризису: «Первая: ваши, как вы их называете, олигархи не заинтересованы вкладывать деньги в развитие производства, вывозят свой капитал на Запад. Вторая: по нашим данным, высокая обводнённость нефтяных скважин – до 80 процентов. Третья: основные месторождения нефти – в труднодоступных районах. Есть и другие причины»¹⁵⁰.

Достоверность предположения подтвердить сложно, точно так же, как никто не мог предположить создания «однополярного мира». Никто не мог предвидеть развал Советского Союза и воспитанный, интеллигентный Джулиан выражается весьма корректно, говоря об этом. Джереми же не столь сдержан в своих оценках: «<...> никто не мог предположить, что трое пьяных и недалёких мужика одним росчерком пера развалят великую мировую сверхдержаву – СССР?! Похоронят систему социализма и всемирную и всеильную организацию пролетариев во главе с КПСС. Такое даже самому махровому антикоммунисту и антисоветчику Бжезинскому и во сне не снилось. <...> что ж, в жизни всегда хватало недоумков. <...> А сами разрушители, никому не нужные, вскоре оказались на свалке истории, и теперь мало кто может вспомнить их имена»¹⁵¹.

Разговор двух художников, тонко и остро осознающих изменения, происходящие в мире, воссоздаёт межкультурное

¹⁴⁹ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 192.

¹⁵⁰ Там же. С. 193.

¹⁵¹ Там же. С. 192–193.

и межвременное пространство. На протяжении всего рассказа автор играет с пространством, то сужая, замыкая его, то вновь расширяя, выводя за границы города, например, через упоминания Версаля и Булонского леса.

Подводя итог, видим, что образ Парижа в рассказе Е. Д. Айпина неоднозначен. Автор создаёт образ города, структура которого строится из элементов, смысловое наполнение которых дополняет друг друга. Жители города, его здания и улицы, атмосфера тех или иных мест в разные исторические моменты – все это передаёт колорит Парижа и того отражения, которое он получает в сознании русского путешественника. Пространственная организация топоса столь же неоднозначна, как и ментальные особенности его жителей. Использование цветовой символики, ретроспекции усиливает художественную сторону текста. Рассказ «Парижанка» хантыйского прозаика – это ещё одна презентация городского текста в истории художественной словесности ханты, это произведение, включенное в ряд художественных текстов, в которых присутствует метатекст.

2. Северная Европа и её презентация в хантыйской прозе

Не стоит любить всё, что глаза видят.

Норвежская пословица

Обратившись к городскому тексту в хантыйской литературе, видим, что в творчестве Е. Д. Айпина наблюдаются наряду с Парижем другие европейские города, рецепцию которых и рассмотрим в данном параграфе.

В рассказе «Моя княжна», созданном в октябре 1993 года в норвежском Трондхейме, автор в начале произведения знакомит нас с городом в Северной Норвегии или, как он сам уточняет, в Лапландии. Знакомство со страной представлено через взгляд иностранного гостя, в данном случае – жителя Севера России. Первое восприятие места дано через слуховое ощущение. Панорамное зрительное восприятие транслируется через окно, в которое герой смотрит на мир. Городского ландшафта пока ещё нет, но его заменяет природный: «По утрам я рано просыпался. И подолгу лежал в постели, прислушиваясь к тишине. А тишина была изумительной... Потом поднимался и шел к окну, смотревшему в полдень. За окном, в низинке под горой, протекала небольшая речка. На её дне и берегах светились круглые камни-голыши, а через неё вытянулся неширокий мост, прикрытый белой известковой пылью. По нему и по петляющей на склоне дороге мы выбирались в «мир».

Дорога, уходя вдаль, связывала оба берега с белобокими валунами, обросшими оленьим мхом. Но основательно объединяла всё легкая предрассветная дымка, висевшая в небе ранней осени. Она приподнимала и камни на склонах, и вершины гор с ельником, и белый ягель, и воду горной речки, и наш дом. И я, мне кажется, был нерасторжимо связан со всем этим вечным на земле»¹⁵². Дом оленевода как бы вписан в окружающий

¹⁵² Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 21.

природный ландшафт. Повествуя о действиях героев, их рас-
порядке дня, автор вводит в текст описание дома, его внутрен-
него убранства: «Завтракали за огромным столом в углу холла
на втором этаже. Мы располагались друг против друга. Я сидел
и смотрел, как твои пальцы лёгким прикосновением согревали
ножи и вилки, тарелки, чайную ложечку и чашку»¹⁵³; «Но по-
том беседа возобновилась в холле второго этажа за столиком
с чаем и кофе. Мы удобно расположились в больших черных
креслах и на таком же диване»¹⁵⁴, «Ты жила на втором этаже,
а я на первом. И у каждого на этаже, начиная с сауны, было всё,
что нужно для нормальной жизни. Словом, это дворец, а не дом.
В первые дни я часто плутал по разным лесенкам и площадкам
в поисках своей спальни»¹⁵⁵.

Хозяин дома показывает гостям свои владения в горах и
здесь возникает сравнение с Россией (достаточно часто встре-
чающийся приём в прозе Е. Д. Айпина). Оценив возможности
оленоводов в Европе и в России, автор заключает – «нашим оле-
неводам такое и не снилось»: «В горах хозяин дома показывал
нам свои владения. И пастбища, и корали, и сборные пункты, и,
конечно, олени стада. У меня было много вопросов. Меня ин-
тересовало всё. И наш хозяин охотно всё объяснял. Ведь здесь
многое в хозяйстве было не так, как у нас в России. Оленеводы
спешили на пастбище на легковых автомобилях по асфальту.
Переговаривались между собой по радиотелефонам. В случае
надобности могли позвонить домой. Да что домой, в любую
точку планеты, где есть телефон... Стада загоняла в кораль не
быстроногая лайка, а лёгкий вертолёт...»¹⁵⁶. Даже сравнивая
осенний климат Лапландии с сибирским Севером на Оби, автор

¹⁵³ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 21–22.

¹⁵⁴ Там же. С. 26.

¹⁵⁵ Там же. С. 29.

¹⁵⁶ Там же. С. 23.

подчеркивает, что в Норвегии теплее, т. к. говорится «дыхание Гольфстрима».

Небольшой городок – это то, что объединяет норвежских оленеводов, живущих в домах, расположенных в горах. Знакомство с таким безымянным городком начинается с бара, куда вечерами после ужина заезжают жители и гости для обмена новостями: «В баре всегда было свободно, чисто и уютно. Но главное – всегда встречали нас как старых добрых друзей. Здесь всегда были рады нашему приходу. <...> К нам подсаживались друзья и приятели нашего хозяина. <...> Выпивали здесь понемножку. За весь вечер посетитель обычно обходился одной-двумя кружками пива. Или парой бокалов вина, рюмкой коньяка. Впрочем, крепкие напитки разрешались строго до определённого часа. То ли до десяти, то ли до одиннадцати. Да и приезжали сюда не выпивать, а пообщаться, обменяться новостями, взглянуть друг на друга. Ведь у каждого в доме, включая нашего хозяина, есть набор самых разнообразных вин и напитков»¹⁵⁷. Подчеркивает Е. Д. Айпин и те черты характера, которые свойственны норвежцам, – деликатность, дружелюбие и гостеприимность. Стоит отметить, что в другом рассказе хантыйского прозаика «Река-в-Январе, или в Рио-де-Жанейро» есть повествование о посещении Лапландии и о характере ее жителей – саамов, озвученное устами аргентинца Хорхе: «– Северяне-саамы – весёлые ребята, не то, что мы, южане, – говорил он. – Они позвали меня в гости. А сами тут же собрались на съезд кольских саамов, в Россию. И меня захватили с собой. Приехали мы в Мурманск, поселили всех в отеле, хорошо встретили гостей. В первый день они пели и плясали. Думаю, что они будут делать во второй день? На другой день они на руках ходили из одного женского номера в другой. Думаю. Что они будут делать на третий день? В третий ходячие погрузили

¹⁵⁷ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 24–25.

в автобус всех неходячих. И повезли домой, на норвежскую границу, в Киркенес. А вечером опять все пляшут и поют»¹⁵⁸. История Хорхе вызывает смех у жителя Лапландии, который подтверждает: «<...> наши такое могут. Дома мы не пьём, потому что много работаем. А за границей можем. И пьём, и поём, и женщин любим. <...> Один раз я летал с нашей Скандинавской делегацией в Юго-Западную Азию <...> Летели так долго и весело, что к концу полёта капитан объявил, чтобы мы больше не требовали спиртного. Говорит, всё спиртное, что было на борту, вы уже выпили. Говорит, извините, впервые такое случилось в истории авиакомпаний»¹⁵⁹.

Начав повествование о Северной Норвегии, автор отправляет героя в конце рассказа «Моя княжна» в её южную часть, сообщая, что там осень длиннее. Но это путешествие уже не приносит радости открытия, поскольку нет компании и нет женщины, которая вызвала гамму сложных чувств в душе героя: «Но ничто не радовало меня. Ни жизнь в охотничьем домике на берегу живописнейшего озера в горах. Ни удачная охота на лосей в горных распадах. Ни заманчивая ловля рыбы во фьордах. Ни теплые солнечные дни»¹⁶⁰. Так циклично завершилась природной презентацией рецепция северной страны в рассказе хантыйского прозаика. Отметим, что одну из особенностей столицы Норвежского Королевства – города Осло, основанного в 1048 году, Е. Д. Айпин указал в рассказе «Река-в-Январе, или в Рио-де-Жанейро»: «Помнится, весной, в Осло на зелёной травке в парке возле королевского Дворца девушки загорают без верха...»¹⁶¹.

Ещё одна презентация северной страны есть в рассказе Е. Д. Айпина «Ночь Маэстро», написанном 14 мая 1998 года

¹⁵⁸ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 110.

¹⁵⁹ Там же. С. 110.

¹⁶⁰ Там же. С. 29.

¹⁶¹ Там же. С. 118.

в Нижневартовске – Москве. В произведении автор не указывает на конкретную номинацию, только использует сочетание «Северная Страна». Писатель вновь обращается к повествованию о судьбе русской интеллигенции за границей. Создавая образ Маэстро, он применяет достаточно типичные атрибуты образа художника (берет, очки). Характеризуя Маэстро, гость подчёркивает, что все «мгновения жизни» он отдаёт двум делам: пишет картины и ловит рыбу. Именно в природе он находит отдохновение и черпает вдохновение для новых работ. Объясняет и причины отъезда Маэстро в чужую страну отсутствием условий для творчества. И здесь снова возникает ставшая уже традиционной для айпиновской прозы модель «здесь – там», «Россия – Европа». В этой модели возникает образ провинциального города, пространство которого концентрируется жизнью художника – квартира и Дом культуры: «Жил он на Севере, в маленьком провинциальном городке, в старой хрущёвке. В одной комнате поставил станок для печати графических работ. Тут же на стеллажах хранились картины в подрамниках. Большие полотна писал в актовом зале местного Дома культуры, ибо в квартире просто невозможно развернуть холст – не хватало места, не хватало стены. Там же в подвалах, как в хранилищах, оставлял и свои новые работы. Мастерской не было»¹⁶². Картины свои Маэстро продавал «редко и неохотно», только когда нужда заставляла, предпочитая дарить.

Маэстро – не типичный представитель богемы, он любит жизнь «тихую, уединенную, незаметную». Даже пришедшая известность и слава не изменили привычный уклад жизни. «Он жил в своём маленьком городке, в своей тесной квартирке. И всё так же избегал шумных соборщ, тяготясь вниманием толпы. <...> И по-прежнему редко и неохотно выезжал из дома»¹⁶³. Одиночество героя усиливается замкнутостью пространства,

¹⁶² Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 79.

¹⁶³ Там же. С. 79.

указанием на его небольшие размеры, подчёркнутые эпитетами «маленький», «тесный». Автор открыто говорит о предпочтениях художника северянина: «Он любил Север и одиночество»¹⁶⁴, даже предложение жить и работать на юге Франции после длительных раздумий (полгода) оказывается отвергнутым. Принятие такого решения объясняется просто: «<...> истинный северянин не особенно почитает юг»¹⁶⁵.

Рассказывая об условиях, в которых жил Маэстро в России, Е. Д. Айпин называет и причины, по которым он покинул Родину, перебравшись в Северную Страну. И окружение Маэстро понимает его решение: «А потом его выставка приехала в эту Северную Страну. Хозяева увидели картины и сказали: вот вам тихий живописный городок, вот мастерская, живите и работайте. Без всяких условий. И он, подумав, согласился: попробую. Я понимаю его. Там, дома, Север и нет мастерской. А здесь тот же Север и есть мастерская. <...> Мастерская – мечта каждого художника. Дома, в маленьком городке, в глухомани вряд у него появится своя мастерская»¹⁶⁶. За границей художника понимали и ценили больше, чем на родине. Писатель констатирует: «В тысячу первый раз оправдывается истина: нет пророков в своём Отечестве»¹⁶⁷. Так Маэстро становится пророком, и то, что это было в нём всегда, не вызывает сомнений у знакомого, ведь в картинах он создаёт свой «таинственный и малопонятный» мир. Подчёркивается это и чертами характера Маэстро: «Как человек, внешне мягкий, скромный, даже застенчивый, он ничего ни от кого не требовал»¹⁶⁸, «Он не терпел суеты. Не терпел многословия»¹⁶⁹, и образом жизни отшельника.

¹⁶⁴ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 80.

¹⁶⁵ Там же. С. 81.

¹⁶⁶ Там же. С. 80.

¹⁶⁷ Там же. С. 81.

¹⁶⁸ Там же. С. 81.

¹⁶⁹ Там же. С. 89.

Первое, что поражает при знакомстве с Маэстро, – это всепонимание и всеобъяснение всего, с чем он соприкасался. Маэстро стал для знакомого источником жизненной энергии: «Устав от беспорядочной жизни, вконец измотавшись, я приезжал к Маэстро. <...> Я слушал Маэстро. Слушал. <...> Всё шло неспешно, без суеты, без шума. Так я заряжался новой жизненной энергией. <...> Очистившись от жизненной скверны, как бы заново родившись, снова начинал работать. Потом, со временем возвращался к божественному образу жизни и постепенно опять изматывался. И ощущал острую необходимость очищения. И в такие критические минуты, на грани истощения духовных и физических сил, разыскивал Маэстро. И ехал к нему. И слушал, слушал, пока не возвращался ко мне вкус к жизни... Он мне всё чаще и чаще напоминал Иисуса Христа»¹⁷⁰. Объединяет Маэстро и гостя родная земля и река Обь, на разных берегах которой они родились (в тексте фиксируются притоки Оби – реки Салым и Аган).

Встреча героев происходит в кафе на набережной, поэтому и описание его переплетается с изображением фьорда и пирса, оживленных днём и уснувших ночью: «Мы сидели в кафе в одной Северной Стране, за столиком у окна, на втором этаже. Почти прямо под нами пирс с деревянными поручнями, покрытыми густой тёмно-коричневой пропиткой. Совсем рядом, казалось, в двух саженях, колыхалась вода задумчиво дремлющего фьорда. По нему изредка почти бесшумно проплывали небольшие белые суда с ватерлиниями, почему-то прочерченными красной краской. Напротив, в полутора-двух километрах вдоль фьорда тянулся высокий горный хребет с крутым, чуть выпуклым склоном, поросшим зелёным кустарником и лесом, у подножья омываемый водой. <...> Кафе было уютным и тихим. В глубине зала потрескивал огонь в камине, да бармен

¹⁷⁰ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 81.

изредка звякал бокалами. В приглушённую музыку вплетался тихий говор немногочисленных ранних посетителей. Когда за столом молчишь, слышно, как вода колыхнется за окном да накатывает лёгкая волна на пирс после проплывшего мимо судна. Впрочем, к ночи жизнь во фьорде почти замирает до утра. Суда одиноко дремлют у полупустого причала»¹⁷¹. Вид из кафе рождает в сознании героя ассоциацию с домом, возникает параллель вод северного фьорда со средним течением Оби: «Если бы не эта высокая гора с каменистыми залысинами наверху, можно было подумать, что тут протекает Обь в среднем течении, в районе Сургута, и мы сидим у себя на родине, любуясь обскими водами»¹⁷². Стены кафе, в котором встретились давние знакомые, украшены картинами в добротных рамах. Беседа о России, о доме, об искусстве, о знакомых проходит за бокалом французского вина. Автор вскользь, ненавязчиво рассказывает о правилах продажи алкоголя в Северной Стране, где после двенадцати часов ночи строго запрещено продавать крепкие спиртные напитки. В беседе за столиком кафе возникает вопрос об отношении к русским за границей. Как единственный выходец из России в том европейском городе, о котором идёт речь в рассказе, Маэстро чувствует это «всей шкурой» и «нутром тоже», хотя подчёркивает, что не русский, а остяк. И здесь появляется мысль о том, что «в жизни землян России уготована роль духовника». Деликатный бармен ненавязчиво даёт понять гостям, что рабочее время заведения подходит к концу (кафе работает до двух часов). Перед тем как попрощаться с барменом и покинуть заведение, старые друзья последний бокал выпили «за духовную основу своей страны и Севера».

В рассказе автор рисует ландшафт города, подчеркивая, что герой плохо в нём ориентируется, хотя городок небольшой. «На довольно узкой равнине возле фьорда располагался центр,

¹⁷¹ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 77–78.

¹⁷² Там же. С. 78.

от него террасами высоко в гору уходили улицы с разноцветными, словно игрушечными, домиками. Днём на склоне преобладали тёплые тона: коричневый, красный, оранжевый, коричневый с различными оттенками. Смотрелось хорошо. Глаз радовался необычным формам строений и обилию цветов, как-то непостижимо грациозно связанных воедино, в одно целое. Мастерская у Маэстро находилась где-то около середины горы, в конце улицы»¹⁷³. Стоит обратить внимание на пространство, горизонтальную замкнутость которого с одной стороны создаёт гора, а с другой стороны его безграничность подчёркивают воды фьорда. Та же гора определяет и вертикальное пространство города, ведь город располагается террасами на её склонах. Спонтанно принятое решение вернуться в Россию заставляет героев рассказа идти в гору, поддерживать друг друга в этом подъеме, и, заплутав среди тёмных улочек города, упереться в каменную стену, образующую тупик. Эта каменная, обтёсанная скала контрастна «игрушечно-нарядным» домикам с тёмными окнами. Не случайно возникает эпитет «игрушечно-нарядные», так как за внешней праздничностью и красотой скрывается равнодушие. Это же позволяет автору ещё раз подчеркнуть ментальные отличия русских и европейцев: «Если бы это было в России, в таком же небольшом городке или селе, постучали бы в любой дом. В ночь-заполночь. Мол, заблудились, дорогу укажите или пустите до утра. Хозяин поворчал бы и открыл. Видя, что путники продрогли, чайком бы угостил. А потом выставлял бы на стол пол-литровку для сугрева. Сам бы рюмку принял. А после, поведав о своём житье-бытье, обняв незваных гостей как лучших друзей, до утра пел бы с ними душевные русские песни. А здесь такое не принято. Мы оба понимали, что это в лучшем случае назвали бы посягательством на частную собственность и личную жизнь»¹⁷⁴.

¹⁷³ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 93.

¹⁷⁴ Там же. С. 94.

В рассказе Е. Д. Айпин даёт и панорамный вид сверху на город, перечисляя всё то, что видит Маэстро: «Маэстро начал оглядывать дома, улицы и фьорд сверху, с высоты нашей скалы»¹⁷⁵. С первыми лучами солнца художник принимает судьбоносное решение – вернуться в Россию, объясняя, что «для художника здесь слишком хорошо»: «– Всё, возвращаюсь домой <...> На свой Север. В Россию. Растаскиваемую, разоряемую, терзаемую, но – Россию! <...> И мы повернулись, и от обросшей лишайником скалы-тупика направились вниз, туда, где можно было взять машину и, не теряя времени, пуститься в путь, ведущий к нашим исконным корням»¹⁷⁶. И этот путь возвращения к корням символически подчёркивается в рассказе восхождением на гору, которое заканчивается тупиком, и спуском с неё.

В рассказе «Дона, или Последняя ночь в «Шато Лурье», написанном 3 ноября 2011 года, автор говорит о другой стране, расположенной в Северной Европе, – Швеции. Главная героиня рассказа родом из этой страны. В диалоге героев возникает Стокгольм. Атрибуцию Стокгольма составляют королевская карета, погода столицы, королевский дворец, острова и личность Карла XII. Так Е. Д. Айпин оперирует географической, социальной, культурной и исторической составляющей городского текста. Город возникает в рассказе через воспоминание героя. «И Джереми вспомнил первое утро в Стокгольме. Была поздняя осень. Снег выпадал и таял. Над островами столицы прозрачными клочьями висел серебристый туман. ОТЕЛЬ, где он жил, находился недалеко от королевского дворца, через неширокий пролив, разделявший острова.

– Утром я проснулся очень рано, – стал вспоминать Джереми. – И вышел из отеля взглянуть на утренний город. Смотрю, на другой стороне пролива, по набережной медленно движется,

¹⁷⁵ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 96.

¹⁷⁶ Там же. С. 96.

будто плывёт в белесой дымке тумана, таинственная чёрная карета. С двумя чёрными мистическими конями. Было тихо-тихо. Так тихо, что было только слышно, как стучат копыта о мостовую набережной. Я знал, что в этом городе выезды в карете делает только король Карл. Такова традиция. Было такое ощущение, что карета выплыла из глубины веков. Может быть, из династии... А возможно, из времён легендарного Карла XII, короля-полководца, последнего короля Великой Шведской империи. Смотрел и слушал стук копыт»¹⁷⁷. Ретроспекция усиливается отсылкой к образу Карла XII, который овеян не только ореолом исторических фактов, но и домыслов: «Припомнилась ему ещё одна быль или небыль про Карла XII, которую то ли прочитал где-то, то ли рассказал какой-то историк. Будто бы в период северной войны, когда Швеция стала проигрывать в сражениях русской армии, один из приближённых предложил Карлу убить русского царя Петра. План шведского царедворца был прост: царь Петр часто поздними вечерами прогуливался по окраинам строящегося Петербурга один, без охраны. Ничего не стоит нанять убийцу и уничтожить царя противоборствующей стороны. На это Карл гневно ответил: я не уголовник, что-бы убивать из-за угла»¹⁷⁸.

Вспоминает герой и «байки про шведскую семью», при этом отмечая: «Будто про эту замечательную северную страну, кроме шведского стола и шведский социализм, больше и сказать нечего...»¹⁷⁹.

Как видим, в двух рассказах «Моя княжна» и «Ночь Маэстро», созданных с интервалом в пять лет, хантыйский прозаик ввёл в художественное повествование городской текст. Обратившись к небольшим городкам Северной Европы, автор оставил их без номинации. Взгляд на город дан глазами путешественни-

¹⁷⁷ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 306.

¹⁷⁸ Там же. С. 306.

¹⁷⁹ Там же. С. 306.

ка из России. При этом в тексте определились те черты топоса, которые непривычны для жителя российского Севера. Пано-рама города даёт возможность представить его пространство. Концентрированность на деталях помогает автору проводить параллели, сравнивая два города, два государства, два народа, две культурные традиции. Писатель осознанно не обращается к мегаполисам при создании европейского городского текста. Фокус его внимания сосредоточен на маленьких провинциальных городках и их жителях. Пространство города неизменно в прозе Е. Д. Айпина связано с природным компонентом (будь то залив, фьорд, океан или горы). В рассказе «Донна, или Последняя ночь в «Шато Лурье» возникает образ столичного города Стокгольма, а через него и всей Швеции, с её культурными, природными особенностями и историческим прошлым. Всё это в комплексе усиливает урбанистический код, создаваемый Е. Д. Айпиным в хантыйской литературе.

3. Образ Рио-де-Жанейро в творчестве Е. Д. Айпина

– Я хочу уехать, товарищ Шура, уехать очень далеко, в Рио-де-Жанейро.<...> Я с детства хочу в Рио-де-Жанейро. Вы, конечно, не знаете о существовании этого города. <...>

Остап бросил на стол лист, вырванный из книги.

– Это вырезка из «Малой советской энциклопедии». Вот тут что написано про Рио-де-Жанейро: «1 360 тысяч жителей... значительное число мулатов... у обширной бухты Атлантического океана...» Вот, вот! «Главные улицы города по богатству магазинов и великолепию зданий не уступают первым городам мира». Представляете себе, Шура? Не уступают! Мулаты, бухта, экспорт кофе, так сказать, кофейный демпинг, чарльстон под названием «У моей девочки есть одна маленькая штучка» и... о чём говорить! Вы сами видите, что происходит. Полтора миллиона человек, и все поголовно в белых штанах. Я хочу отсюда уехать. У меня с советской властью возникли за последний год серьёзные разногласия. Она хочет строить социализм, а я не хочу. Мне скучно строить социализм...<...> Рио-де-Жанейро – это хрустальная мечта моего детства <...>.

И. Ильф, Е. Петров

Продолжая исследование урбанистического кода хантыйской литературы, посмотрим, как формируется образ культурной столицы Бразилии Рио-де-Жанейро в рассказе «Река-в-Январе, или в Рио-де-Жанейро» хантыйского прозаика Е. Д. Айпина. Уже название рассказа, созданного в период 1997–2000 годов в Москве и Нижневартовске, указывает нам на историю появления южноамериканской культурной столицы. Известно, что залив Гуанабара был открыт португальским мореплавателем Гашпаром ди Лемушем 1 января 1502 года, который принял залив за устье реки, – отсюда название города, в переводе

с португальского языка означающее «январская река». Е. Д. Айпин перефразирует дословный перевод и использует в заглавии своего произведения сочетание «река в январе». Более того, он в рассказе даёт и пояснение номинации топоса, правда, в переводе с французского языка: «Мы чокнулись и выпили за процветание Реки-в-Январе. Именно так переводится с французского название города Рио-де-Жанейро»¹⁸⁰. С него же автор начинает повествование: «Река в январе была просто изящной...»¹⁸¹.

События рассказа начинаются с «Рио+5», что отсылает читателя в 1997 год, когда «Генеральная Ассамблея ООН провела специальную сессию, чтобы оценить состояние «Повестки дня на 21 век» (Рио+5). Итогами конференции стали заключения о росте глобализации, расширении неравенства в доходах населения и продолжающемся ухудшении состояния глобальной окружающей среды»¹⁸². В художественном тексте писатель, не углубляясь в детали, сообщает, что на мероприятии планируется обсудить Хартию Земли и вопросы выживания в XXI веке, что одним из организаторов мероприятия выступал костариканский Совет Земли и что вся работа распланирована на две недели. Эти события и объединили героев рассказа, через которых автор и вводит городской текст в произведение.

Рио-де-Жанейро – город многонациональный. Вот и в произведении Е. Д. Айпин говорит о малом, среднем и большом кругах общения участников событий: «Мы же с переводчицей Евой, костариканкой Беатрисой и норвежским саамом Лейфом заняли четыре кресла и сидели друг против друга. Через проход от нас устроились аргентинец Хорхе и гондурасец Рой. Позади

¹⁸⁰ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 104.

¹⁸¹ Там же. С. 99.

¹⁸² Повестка дня на XXI века [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B0_%D0%B4%D0%BD%D1%8F_%D0%BD%D0%B0_XXI_%D0%B2%D0%B5%D0%BA.

них сидела Каори, бледная и молчаливая айна из японского Саппоро»¹⁸³.

Знакомство с городом начинается с путешествия на автобусе: «Автобус петлял по серпантину шоссе по-над океаном. По скалам, местами нависавшим почти над водой»¹⁸⁴. Первое впечатление от города – это слепящее яркое солнце и океан. Герой рассказа зачарован океаном, не случайно он вновь и вновь появляется в тексте: «Синий океан. Голубое небо. Золотое солнце. Ласковый ветерок. Лёгкий шелест пальмовых листьев над головой. Глухие ровные вздохи океана. Я смотрел на океан. Поразительно, никогда не устаёшь смотреть на живую бегущую воду. Особенно в океане или в море. Но и в реке, конечно»¹⁸⁵. Магия воды усиливается цветовой палитрой (синий, голубой, золотой), что и рождает в сознании героя ассоциацию с уголком Рая.

Как и в любом путешествии, знакомство с новым местом начинается с гостиницы: «Минут через пятнадцать – двадцать подъехали к высотному отелю «Шератон». Выйдя из салона, мы тотчас же попали в разноязычный гудящий муравейник отеля и растворились в нём. <...> Несомненно, «Шератон» – лучший отель Рио-де-Жанейро. Вросший в скалы, он стоял на берегу небольшой бухточки, где был пляж, над пляжем – бассейн, а вокруг бассейна амфитеатром в тени кокосовых пальм и тропических растений, под тентом-навесом, на открытом воздухе был развёрнут ресторан. Пообедав, я с чашкой кофе устроился возле бассейна за белым мраморным столиком под тентом-грибком. Толпа разошлась по этому райскому уголку Рио»¹⁸⁶.

Есть в тексте название и ещё одного отеля «Эверест Рио», расположенного в городском районе Ипанема. Автор

¹⁸³ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 100.

¹⁸⁴ Там же. С. 100.

¹⁸⁵ Там же. С. 101.

¹⁸⁶ Там же. С. 101.

не углубляется в описание гостиницы, лишь скупко сообщает о наличии бара в холле. Ужинать герои отправляются в город. «В нескольких кварталах мы нашли довольно уютное кафе с негромкой музыкой. Сели у открытой стены, на веранде, заказали ужин. Пока готовились наши заказы, мы сидели и потихоньку тянули португальское вино»¹⁸⁷. Во время ужина в разговоре рождается интересная ассоциативная параллель между Сибирью и Рио-де-Жанейро. Создавая городское пространство в рассказе, автор всё время стремится выйти за пределы топоса: «Селесте интересовалась Сибирью, той землей, где я живу.

– Снега и льды, – сказал я. – Больше ничего. Лето, правда, короткое, но такое же жаркое, как в Рио. А мой дом представить себе очень просто. Надо сесть на пляже лицом к океану. Там у меня такой же белый-белый песок, как и здесь на пляже. Вместо Атлантики – синяя река. А за спиной вместо городских высоток – сосны, зелёный-зелёный бор. И в этих соснах, на крутой-ре, – мой дом.

– Получается, у вас не хуже, чем в Рио, – улыбнулась Селесте.

– Да, – согласился я. – Своя земля всегда лучше самого райского уголка»¹⁸⁸.

Вечерний город оживлен. Бразильцы ведут активную торговлю местной продукцией, но делают это деликатно, ненавязчиво. Уличные музыканты развлекают отдыхающих. «Со стороны улицы к нашему столику подходили местные корабейники, смуглые бразильцы, и ненавязчиво предлагали свой нехитрый товар. Сувениры, южные сладости и прочее. Выяснив, что мы не говорим по-португальски, оставляли нас в покое. Только перед цветами с тропических клумб мы не смогли устоять.

А вот бродячие музыканты, не спрашивая, устремив взоры на белую девушку, сразу начинали наигрывать свои мело-

¹⁸⁷ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 105.

¹⁸⁸ Там же. С. 105–106.

дии. Тут уж мужскому полу надлежало раскошелиться и дать несколько риалов»¹⁸⁹. Любезные официанты провожают гостей, выходящих на слабо освещенные улицы, ведущие на набережную, к пляжу. Над городом висит густая «осязаемая» тьма. И здесь автор представляет визуальный ландшафт топоса, начиная со знаменитого пляжа Копакабана: «Слева, через широкую полосу знаменитого на весь мир песчаного пляжа Копакабана, по-ночному глухо что-то нашёптывает океан, да через каждые сто-двести метров светятся открытой стойкой палатки, где продавались фрукты, лёгкие напитки и закуски для отдыхающих. Справа, по основной автотрассе вдоль побережья, этот участок называется авеню Визйра Соуто, несётся многочисленная стая автомашин. За авеню, на неширокой равнине до самой горной гряды расположились отели и жилые кварталы Рио-де-Жанейро»¹⁹⁰. И если ночь осязаемо чёрная в городе, то предрасветные сумерки окрашивают всё в серый цвет. Утро неуверенно вступает в свои права.

Есть в рассказе хантыйского прозаика и повествование о знаменитом карнавале в Рио-де-Жанейро. «Оказалось, что ежегодно в феврале устраивается самый грандиозный карнавал в Рио-де-Жанейро. На самбадроме под барабанный бой вся Бразилия двое суток подряд поёт и танцует самбу. Разумеется, вместе с многочисленными гостями-туристами»¹⁹¹. Именно карнавал стал временем новой встречи, которую определил для себя герой рассказа: «Вот и встретимся через год на карнавале»¹⁹².

Мелодии самбы звучат и на дискотеках города. Автор описывает маршрут до ближайшей дискотеки и само место, где организованы танцы, передаёт атмосферу. В этом описании не всё столь благостно, не случайно на входе у гостей проверяют

¹⁸⁹ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 106–107.

¹⁹⁰ Там же. С. 108.

¹⁹¹ Там же. С. 108.

¹⁹² Там же. С. 108.

наличие холодного и огнестрельного оружия, да и сам район, где расположена дискотека, кажется менее ухоженным, хотя до него менее часа на машине по туннелям и авеню: «Ехали довольно долго, минут тридцать-сорок, если не больше. Сначала по перегруженному авеню вдоль пляжа, затем свернули влево, в городские кварталы, потом ныряли то в один, то в другой туннель. Наконец, выехали на побережье. Дискотека оказалась на берегу небольшой бухты, прижатой к океану почти отвесными скалами. Вся равнина застроена домами. Но район оказался менее ухоженным, чем наша Ипанема.

При входе секьюрити проверяли всех на наличие холодного и огнестрельного оружия. <...> Дискотека располагалась на втором этаже конусообразного приземистого здания, видно, специально выстроенного для увеселительных заведений, для туристов. Мы поднялись наверх и заняли столик напротив подиума, у самой сцены. <...> Музыканты, человек пять-шесть, всюду давили на клавиши и струны, стучали в барабаны. Грохот стоял невообразимый. И толпа в едином движении, в едином зажигательном ритме колыхалась на площадке перед оркестром. Мелькали полуголые тела белых, чёрных, жёлтых, краснокожих. Казалось, весь мир собрался здесь и с упоением отплясывал свой последний танец»¹⁹³.

Автор описывает бразильский танец, сравнивая энергетику движений с взлетом авиалайнера: «Надо встать, расслабиться, а потом так засучить ногами и руками, чтобы тряслась каждая клеточка твоего тела. Чтобы все тряслось, чтобы все было в едином порыве, как вздрагивает и взрывает авиалайнер перед самым взлётом на взлётной полосе. А в танце это мгновение вздрога и взрёва нужно продлить и сохранить до самого последнего звука музыкального ритма»¹⁹⁴.

¹⁹³ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 111.

¹⁹⁴ Там же. С. 111.

Знакомя с городской средой, автор упоминает и об особенностях пищевой культуры, которую познают гости: «Вернувшись в отель, мы «узким кругом», мужской компанией, пошли на пляж и сели под тентом у палатки. И соломинкой тянули сок из кокоса. В жару прохладный кокосовый сок хорошо взбадривал. Продавец прямо при тебе одним ловким ударом ножа отсекал «попку» кокоса, затем переворачивал его и тоже одним взмахом отрезал «головку», вставлял туда соломинку – напиток готов. Ставишь кокос на стол – и потихоньку тянешь сок. Я тянул сок и молча смотрел на Атлантику, на океан»¹⁹⁵, «Но кто-то напомнил про не менее популярную бразильскую кухню. Ведь мы вознамеривались посетить и рестораны «Шираскурии», где за один присест дают попробовать 16 сортов запеченного на углях мяса с коктейлем из тростниковой водки»¹⁹⁶.

Продолжает знакомство с городом автор в рассказе через культурную программу участников международного мероприятия. Воскресный день объявлен экскурсионным. На выбор предложено три экскурсии по Рио-де-Жанейро. «Одна едет на самый высокий пик к памятнику Иисусу Христу. Другая побывает в Ботаническом саду. И третья ознакомится с фабрикой «Надежда» – жизнью бедных районов. Точнее, трущоб»¹⁹⁷. Герой, зная, что каждая страна старается всегда показать все самое лучшее, решает увидеть «народную жизнь». Описание трущоб – это ещё один яркий мазок в палитру контрастного южного мегаполиса. Вскользь автор сообщает и о климатических особенностях страны. «Трущобы, конечно, были расположены не на пляжной зоне океана, а вдали от берега. И там стояла духота. А фабрикой «Надежда» оказался старый корпус какого-то предприятия. Там открыли мастерскую по ремонту бытовой техники и цех по

¹⁹⁵ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 108.

¹⁹⁶ Там же. С. 111.

¹⁹⁷ Там же. С. 114.

изготовлению национальных сувениров. Так власти пытаются решить проблему с рабочими местами для аборигенов.

После осмотра фабрики нас по кривым, немощёным улочкам повели вглубь бедного квартала. Слева и справа одноэтажные, прилепившиеся друг к другу строения. Как их точнее назвать – не знаю. Дома? Лачуги? Хижины? Стена до пояса, затем до кровли пустое пространство, в лучшем случае задёрнутое занавеской. Крыши крыты отчасти шифером, отчасти чем-то ещё. Может, фанерой. Может, картоном или рубероидом. Очевидно, большой потребности в закрытых стенах не было, поскольку, как меня уверяли, зимняя температура здесь плюс двадцать, а летняя – до плюс тридцати. Но изредка попадались и двухэтажные, недавно отстроенные домики с окнами и полными стенами. Наверное, это разбогатевшие представители народа. <...> Я заинтересовался строением без стен. <...> В первой комнатке – кухня. Стол, плита. Дальше – хлипкая перегородка с проемом для двери. Там вторая комнатка. В ней сидел старик, а на кушетке лежал мужчина средних лет. Они смотрели телевизор с небольшим экраном. <...> Вся мебель и обстановка убогая»¹⁹⁸. Даже тяготы жизни, бедность и нужда не в силах изменить жизнерадостный характер бразильцев, не случайно автор употребляет эпитеты «бедный, весёлый, не падающий духом», характеризуя жителей трущоб. Несмотря на жару, они на пяточке, напомиравшем площадь, под фонограмму беззаботно отплясывают самбу. При описании трущоб есть и ещё один интересный факт о жизни жителей этого квартала – это многочисленность семей, живущих в нём. В доме, который осматривают герои во время экскурсии, проживает семья из семи или восьми человек. В эпизоде, повествующем о развлечениях туристов, возникает ещё одна черта южанок – они остры на язык. Продолжая знакомить с достопримечательностями города, автор

¹⁹⁸ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 114–115.

сообщает о намерении героев посетить Национальный музей изящных искусств.

Е. Д. Айпин панорамно изображает пространство топоса, перемещая читателя в разные районы (побережье с фешенебельными отелями, Ипанема, трущобы), то концентрирует внутрь (район, улица, строение, комната). Точкой определения социальных границ города становится океан, чем дальше герои удаляются от побережья, тем беднее и непригляднее облик города, всё реалистичнее изображение жизни народа, утрачивается идеализированное восприятие города как райского уголка.

И если океан открывает безграничное горизонтальное пространство топоса, то скалы создают вертикаль его, венчает которую статуя Христа. Скалы же создают и иллюзию замкнутости, формируют мир героев. При этом скалы в рассказе хантыйского прозаика связаны с христианскими образами. «Мы повернули направо и двинулись к концу пляжа, к скалам. Там, словно языческие боги-изваяния, в океане, совсем близко к берегу, возвышались три скалы. Самая высокая – в середине. И две чуть поменьше – по бокам. Троица. Мы остановились напротив них. Сначала отыскиали на горе белого Христа. Ночью он освещался мощными прожекторами и желтоватым оттенком светился в темноте распростертыми объятиями. Мы молча стояли. Потом повернули к океану. Океан басовито вздыхал. Кажалось, он что-то пытался нам сказать. Но мы его не понимали. И он это чувствовал и, сердясь, обиженно рокотал каждым девятым валом»¹⁹⁹. В природном ландшафте меняется и восприятие южной ночи. Тьма уже не пугает, а «тёплым пуховым одеянием» накрывает героев рассказа во время ночного купания в океане. Постепенное слияние вертикали и горизонтали в пространстве рассказа приводит к мыслям о вечности: «А океан всё нашёптывал и нашёптывал какие-то прекрасные и упоительные

¹⁹⁹ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 117.

слова. И пред этой вечностью небесного и океано-земного мы сами ощутили себя вечными и непреходящими»²⁰⁰. Рассвет же безжалостно возвращает героев к земной реальности. И в этой реальности появляются известные лица современности: президент Бразилии с супругой, Михаил Горбачёв с Раисой Максимовой.

Есть в тексте и рассуждения о похожести русского и португальского языков. Здесь же встречается и формула вежливости на португальском языке: «Ночные авеню были почти свободными. И через полчаса я домчался до отеля. «О бригада!» – сказал я водителю, что значило по-португальски «спасибо». «О бригада!» – заулыбался он. Для русских португальский и испанский языки считались для усвоения довольно лёгкими. Многие слова совпадали»²⁰¹.

Все события рассказа связывают город с сессией ООН. Любое официальное мероприятие сопровождается приёмом. Вот и герой детально описывает приём для участников сессии, акцентируя внимание на месте, где он состоялся: «Вечером был устроен приём. Нас долго, минут сорок, везли куда-то на автобусах. Наконец приехали. То ли в пригород, то ли за город. Уже стемнело. Плохо видно. Распахнутые ворота. Чистые дорожки-аллеи под фонарями. В глубине парка-сада трёхэтажный особняк с колоннами и световой иллюминацией. Под сенью тропических деревьев небольшая речка и пруд»²⁰². Стоит отметить и как автор работает с пространством, измеряя его временем движения (минут пятнадцать – двадцать, минут сорок и др.), чётко не обозначая границы топоса (город, пригород, за город).

Е. Д. Айпин создаёт город через антитезу: контрастное описание богатых и бедных кварталов города, зарисовок отелей

²⁰⁰ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 119.

²⁰¹ Там же. С. 113.

²⁰² Там же. С. 103.

«Шератон» и «Эверест Рио», даже время суток даёт разное впечатление (яркое солнце и тёмная ночь). «<...> её завораживала и немного пугала южная ночь. Ночь здесь накатывала стремительно и была очень темна. Где нет фонарей – хоть глаз выколи, ничего не видно»²⁰³. Магия воды и таинственность южной ночи поддерживают волшебную ауру города. Это ощущают и герои рассказа: «И басовито вздыхающий океан, и индигово-тёмная ночь усиливают покров таинственности и ощущение непостижимости Седьмого Чуда Света – Рио-де-Жанейро. Совсем не случайно над городом возник тридцативосьмиметровый Христос с распростёртыми объятиями, днём и ночью взирающий на всё и вся с высоты горного пика»²⁰⁴. Автор именует город седьмым чудом света, хотя все знают, что в античную эпоху чудесами называли «описания самых грандиозных, самых великолепных или в техническом смысле самых поразительных построек и памятников искусства»²⁰⁵. К списку древних чудес света город не имеет никакого отношения, как и статуя Христа, но Е. Д. Айпин, следуя традиции древних авторов, создаёт свою историю чудес и главное место в ней отводит Рио-де-Жанейро. Число семь тоже возникает не случайно. «Сам выбор числа освящён древнейшими представлениями о его полноте, законченности и совершенстве, число 7 считалось священным числом бога Аполлона»²⁰⁶. В культуре обских угров это число тоже имеет сакральную семантику. В. И. Иванова пишет: «Семёрка» – это сумма 3 и 4. По В. Н. Топорову, из суммы двух основных числовых параметров (3 и 4) возникает число 7. «Магическое число 7» (по словам Дж. Миллера) характеризует общую идею

²⁰³ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 109.

²⁰⁴ Там же. С. 109.

²⁰⁵ Семь чудес света [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C_%D1%87%D1%83%D0%B4%D0%B5%D1%81_%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0.

²⁰⁶ Там же.

Вселенной, константу в описании Мирового дерева, полный состав пантеона»²⁰⁷.

Райский уголок определяет новый уклад жизни героя. Не случайно он констатирует: «Рио-де-жанейровская жизнь текла своим чередом»²⁰⁸. Алгоритм его жизни формирует последовательность действий, которые повторяются изо дня в день: он начинает и завершает свой день взглядом на белого Христа и купанием в океане.

Создавая образ Рио-де-Жанейро, автор формирует бразильский текст. Поэтому вполне закономерно, что в диалоге с Селесте возникает ещё один бразильский мегаполис Сан-Паулу. Этот город был основан иезуитами-миссионерами на месте индейского поселения в 1554 году, в день памяти святого апостола Павла. Герой рассказа Е. Д. Айпина узнает, что в нём есть русская община, занимающаяся извозом на такси, и есть православная церковь. «Русские в Бразилии? Любопытно!..»²⁰⁹. Но дальше этого утверждения повествование о русских в Бразилии не продолжается в рассказе. И это вполне объяснимо, поскольку писатель не ставит целью рассказать о русских, проживающих за границей. Писатель выходит за границы топоса и уже формирует пространственное поле страны в художественном тексте.

В завершении повествования вновь видим сочетание «Река-в-Январе», которое появляется в вопросе героя, адресованном героине: «— Как Река-в-Январе?

— Ждёт тебя!.. — сказала она»²¹⁰. И если в начале рассказа это сочетание констатирующего характера предопределяет эстетический настрой, то в конце повествования оно закладывает мотив ожидания.

²⁰⁷ Иванова В. С. О семантике чисел в духовной культуре обских угров / В. С. Иванова // Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. С. 26.

²⁰⁸ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 120.

²⁰⁹ Там же. С. 104.

²¹⁰ Там же. С. 122.

Как видим, в рассказе «Река-в-Январе, или в Рио-де-Жанейро» хантыйский прозаик действительно создаёт городской текст. Если следовать определению В. Н. Топорова, понимая городской текст как то, что «город говорит сам о себе – неофициально, негромко, не ради каких-либо амбиций, а просто в силу того, что город и люди города считали естественным выразить в слове свои мысли и чувства, свою память и желания, свои нужды и свои оценки»²¹¹, мы видим, как строится структура города из элементов, смысловое значение которых дополняет друг друга. Городской ландшафт, характер жителей мегаполиса, атмосфера, достопримечательности – всё это передаёт колорит южноамериканского города, каким его видит гость культурной столицы Бразилии. Усиливает художественное восприятие цветопись, звукопись и антитеза. Пространственная организация топоса неоднозначна: автор то концентрирует его, то, наоборот, раздвигает по горизонтали и вертикали. Этим произведением Е. Д. Айпин продолжает формировать урбанистический код хантыйской литературы.

²¹¹ Топоров В. Н. Петербургские тексты и Петербургские мифы (Заметки из серии) / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 368–369.

4. Презентация городов Канады в прозе и публицистике Е. Д. Айпина

Канада: страна, лишённая культурного единства,
языкового единства, религиозного единства,
экономического единства
и географического единства.

Всё это и составляет её единство.

Кеннет Боулдинг

Не судите книгу по обложке.

Канадская пословица

Обратившись к городскому тексту в хантыйской литературе, видим, что только Е. Д. Айпин в своих произведениях рассказывает о городах и странах, расположенных на территории материков Северной и Южной Америки. И если в Южной Америке писателя привлекает Бразилия, то в Северной Америке Канада и Соединенные Штаты Америки. В этой части книги мы рассмотрим рецепцию канадских городов в прозе писателя.

В работе постараемся проследить созданный автором образ Канады в художественных текстах. Впервые встречаемся с ним в рассказе «Река-в-Январе, или в Рио-де-Жанейро». В рассказе два канадских города, один из которых – Оттава, столица государства. В разговоре героев о Сибири возникает канадская столица, в которой проживает приятель героя, занимающийся различными сибирскими проектами и через которого можно «проторить дорожку в Сибирь». Вторым городом является Эдмонтон. В тексте, помимо упоминания о размерах страны («Канада – большая страна...»²¹²), есть указание на то, чем поражает город приезжающих. Следуя уже сложившейся традиции, Е. Д. Айпин даёт это через взгляд путешественника, который

²¹² Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 101.

делится впечатлениями от первой поездки в Канаду: «Тогда я в Эдмонтоне прожил целую неделю. Помню, меня там поразили две вещи. Во-первых, город мне показался очень маленьким. Весь центр – это несколько десятков высотных домов и отелей. Вокруг – прерии. Насколько хватает глаз, всюду чистые луга, местами небольшой кустарник и два-три дерева у берегов малых рек и одно-двухэтажные домики вдоль дорог. Где же живут шестьсот тысяч жителей города, столицы провинции Альберта, до сих пор для меня остается загадкой? Очевидно, в прериях, в небольших домиках по всей округе Эдмонта?..

Второе, что удивило меня, это самый большой в мире закрытый торговый центр. Подъезжаешь, ставишь машину на подземную стоянку, в лифте поднимаешься наверх. Попадаешь, условно говоря, на берег длинного, с извивами канала-водоёма, наполненного морской прозрачной водой. Тут есть все. Тропический пляж с искусственным солнцем и искусственными же морскими волнами. Можешь загорать. Плавают дельфины. Медленно, как бы на ощупь двигаются радиоуправляемые пластмассовые подводные лодки. У причалов на приколе стоят деревянные суда мореплавателей-конкистадоров, на которых они переплывали Атлантику, чтобы покорить американский континент. По обоим берегам, на разных уровнях, множество магазинов, кафе, ресторанов, саун, увеселительных заведений и т. д. и т. п.»²¹³. В репрезентации Эдмонта автор работает с пространством: концентрируя его в центре по вертикали (через высотные дома) и постепенно расширяя по горизонтали (через прерии с редкими деревьями и одно-двухэтажными домиками). Уточнение, что город маленький, рождает непонимание, где живут более полумиллиона жителей. Продолжая пространственный эксперимент, автор говорит о самом большом торговом центре в мире, расположенном в «маленьком городе».

²¹³ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 102.

И здесь снова используется вертикаль, поднимающая из подземных гаражей на этажи развлекательного центра. Сам торгово-развлекательный центр кажется отдельным миром, своеобразной моделью города в городе, мира в мире. Не случайно в рассказе есть упоминание о том, чем гордится центр. «Центр гордится тем, что здесь подводных лодок вдвое больше, чем в канадской армии, – четыре. И военных-то секретов у них нет <...> Все обо всём знают»²¹⁴. Видим, что автор в презентации Эдмонтона использует противопоставление большого и малого, а также разные пространственные модели, которые помогают представить природный, культурный и социальный компоненты города в художественном тексте.

Снова обращается Е. Д. Айпин к Канаде в рассказе «Дона, или Последняя ночь в “Шато Лурье”», написанном 3 ноября 2011 года в Ханты-Мансийске. Уже самим названием рассказа писатель отсылает нас в столицу Канады – город Оттаву, где расположен отель-замок в стиле французской готики «Шато Лурье». Отель расположен в самом центре города рядом с Парламентским холмом, Башней Мира и Конгресс-центром. Возведён он был в начале XX века (строительство началось в 1909 году, в 1912 году отель впервые открыл свои двери, позднее несколько раз перестраивался) и получил своё имя в честь премьер-министра страны Уилфрида Лорье.

Рассказ начинается со знакомства с героями, которые в ресторане обсуждают возможности сотрудничества. За одним столом оказываются президент Корпорации «Китавик» Джозеф Куптана, вице-президент, менеджер компании португалец Мануэль, капитан лучшего траулера корпорации Джек с супругами, и гость из России Джереми. Прощальный ужин проходит в небольшом уютном ресторане в центре Оттавы, в старой части города. За ужином обсуждаются вопросы сотрудничества

²¹⁴ Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. С. 102.

между странами и коренными народами Севера. Через этот разговор автор вводит в повествование достаточно детализированное описание расселения инуитов, поясняя некорректность перевода на русский язык этой народности как эскимосы: «Вдоль всего канадского побережья Ледовитого океана живут инуиты, арктический коренной народ. В России их называют эскимосами. Для Канады это название считается некорректным: переводится как что-то типа «замороженные». <...> По всему огромному пространству побережья, от Баффиновой земли на Атлантике до Аляски в США, расположены десяток-полтора посёлков-городков с благоустроенными коттеджами для коренных жителей. Городки напоминают наши районные центры с различными административными учреждениями. У инуитов две свои авиакомпании – «Фест эйр» и «Инуит эйр». Они обеспечивают связь между городками по всему побережью. На дальние расстояния, кроме авиации, других видов транспорта нет. Экономикой инуитов занимаются корпорации экономического развития, принадлежащие самому арктическому народу»²¹⁵. Продолжающийся за столом разговор о северных территориях Канады констатирует изменения в экономике и культуре после создания новой административной территории Нунавут для инуитов побережья. Действительно, канадская провинция Нунавут одна из самых новых в её составе. Она была образована 1 апреля 1999 года в результате отделения от Северо-Западных территорий и закреплена документально Актом о Нунавуте и Соглашением о разделе земли в Нунавуте. Это одна из наиболее крупных и наименее населённых территорий Канады. «Коренные жители возлагали на эту реформу большие надежды. Будет своё правительство, свой парламент, самостоятельный бюджет. Правда, всё это под патронажем федерального правительства.

²¹⁵ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 294–295.

Но это уже реальная автономия, когда все вопросы можно будет решать самим представителям инуитского народа»²¹⁶.

Корпорация, с президентом которой ужинал гость, занималась выловом креветок, и её привлекала возможность вести промысел на побережье Камчатки, до самой Чукотки. Биоресурс не использовался в России, но выгода от промысла была очевидна, так как рядом располагалась Япония, где эта продукция пользуется особым спросом как деликатес. «Вылови креветку и в охлажденном виде сразу доставляешь на рынок сбыта, до которого недалеко, и, значит, транспортные расходы минимальные. И выгода обоюдная для двух сторон. У корпорации флот, специалисты, технологии. Она вылавливает, транспортирует, сбывает продукцию. И платит налоги России и по соглашению процент от прибыли отчисляет непосредственно коренным народам Севера в Российской Федерации за пользование природными ресурсами»²¹⁷. Детализированное изложение выгодного сотрудничества транслирует экономическую составляющую города и территории. Вновь видим исторические параллели, к которым любит прибегать автор. Здесь Е. Д. Айпин обращается к истории России. Он вновь повествует о событиях, которые происходили в стране после распада Советского Союза. «<...> после развала Советского Союза рухнула экономика и порвались все экономические и культурные связи России, и страна по наклонной катилась вниз, в пропасть. И народ был обречён на самовывживание. Каждый самостоятельно искал способ, как выжить. И в этой ситуации каждая соломинка – это спасение для людей, особенно живущих на окраинных землях бывшей великой державы. Каждая копейка в казну – это шанс для выживания многих людей»²¹⁸. Рассказывает автор и о том, как принимались важные решения, как работала бюрократ-

²¹⁶ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 302.

²¹⁷ Там же. С. 295.

²¹⁸ Там же. С. 295–296.

тическая машина исполнительной власти в то время, подтверждая общеизвестное правило: «<...> власть портит чиновника. Абсолютная власть – портит абсолютно»²¹⁹. У власти оказалось «барахло», как определил это итальянский журналист, который столкнулся с новой системой. «Я понял, что страной, которую я любил, теперь правит барахло. Именно барахло. Я знаю, что так о людях не говорят. Но это слово застряло в моей голове»²²⁰.

Продолжая сравнивать, Е. Д. Айпин подчеркивает отличия в бизнес-сообществе Канады и России, в разной системе приоритетов, экономических и этических, при развитии предпринимательства. Для канадских предпринимателей деловая репутация важнее, чем прибыль, и они всегда в сроки выполняют свои обязательства. Именно обязательность и исполнительность являются главными критериями, по которым судят, можно ли иметь с человеком дело в этой стране: «Он уже много раз убеждался в том, что обязательность в любом деле, будь то бизнес, бытовые вопросы, любовь, здесь высоко ценится. Имеет определяющее значение. Человек обязательный или необязательный. И этим можно сказать всё. Надо с человеком иметь дело или не стоит с ним связываться»²²¹. В России бизнес строится по другой модели, являющейся полной противоположностью канадской: «Тогда он еще не знал, как тяжело вести справедливый и социально ориентированный бизнес. Особенно в России, где все ждут своей доли: чиновники от власти, представители правоохранительных органов, сборщики мзды от организованных преступных группировок. К этому ещё нужно прибавить далеко не джентльменские способы борьбы конкурентов и зависть соседей, знакомых, приятелей, родственников»²²².

²¹⁹ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 296.

²²⁰ Там же. С. 297.

²²¹ Там же. С. 298.

²²² Там же. С. 298.

Устами президента канадской корпорации дана в рассказе оценка бизнесменов из США, и в сравнении с американским бизнесом раскрываются важные составляющие ценностей канадской бизнес-модели: «— Наши не любят янки, бизнесменов из штатов. <...> В бизнесе они, мягко говоря, безжалостные <...> Если речь идёт о прибыли, они напрочь забывают про мораль, честь, совесть... <...> В Канаде мы всё-таки больше думаем о чести и достоинстве, чем наши южные соседи»²²³.

Из всех героев рассказа выделяется капитан траулера Джек. «Капитан напоминал настоящего морского волка. Могу-чего исполинского телосложения. Грубое красное обветренное лицо. Седые короткие волосы под бобрик. Его жёсткие и суровые черты указывали по возрасту на все пять или шесть десятков лет от роду»²²⁴. Брутальность героя подчёркивает выбор напитка за ужином — пьёт виски, он любит бродить по океану, читать хорошие книги, готов поделиться с Джереми историями, которых хватит на сто романов. Джереми и Джека сближают литературные предпочтения — они любят романы и рассказы Джека Лондона. «Капитан Джек с детства увлекался его книгами и поэтому стал моряком. Родители его были учителями, так же увлечёнными романтикой Севера и Джеком Лондоном. И сын их получил имя писателя, произведения которого чтили в семье»²²⁵. Капитан родом из Инувика, в котором бывал и Джереми зимой. На вопрос, понравился ли ему Инувик, он отвечает: «— Да, земля там необыкновенная, суровая, белая. На скиду ездил по Маккензи...». Родные места капитана представлены в рассказе через ретроспекцию, снова дано восприятие глазами путешественника: «Он вспомнил свою поездку на север Канады, на великую индейскую реку Маккензи. Какая-то совершенно необъяснимая, привораживающая магия была в самом

²²³ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 299.

²²⁴ Там же. С. 293.

²²⁵ Там же. С. 300.

названии реки – Мак-кен-зи. Если бы был поэтом, думал он, мог бы всю жизнь воспевать только одну реку Мак-кен-зи-и!..»²²⁶. Поэтическая река представлена как белая и чистая.

После ужина Джек с супругой Доной вызвались проводить гостя до отеля «Шато Лурье». Они поехали на такси, хотя он расположен недалеко от центра и до него можно дойти пешком. В рассказе даётся детальное описание отеля, являющегося украшением старой части города. Не случайно автор сравнивает его с дворцом: «Отель «Шато Лурье» смахивал и на дворец, и на средневековый замок одновременно. Прошлые века присутствовали здесь массивными стенами, колоннами у входа и башенками с острыми, напоминающими средневековую готику, модными вензелями и пиками. Медные украшения на крыше и башенках окислились и обрели светло-зелёный цвет, который придавал зданию особую нарядность, торжественность, неизбежность и древнюю медлительность бытия. Рядом, на взгорье, чуть повыше отеля, стояло здание парламента Канады. Оба здания были построены в едином стиле. Наверное, одним архитектором и в одно и то же время. Только здание парламента отличалось тем, что оно имело высокую башню со светло-зелёной, тоже из окислившейся меди, маковкой на вершине»²²⁷, дважды употребляя эпитет «шикарный» рядом с «высококласный». Такой же характеристики удостоены и номера отеля. Концентрируя пространство, автор перемещает героев в номер отеля, детально прорисовывая его интерьер, включающий низенький газетный столик, бар-холодильник, мягкие кресла с высокой спинкой, в одном из которых и уснул Джек «безмятежным сном непорочного младенца». Более подробно описана спальня и ванная комната. Здесь следует подчеркнуть то, как автор работает с цветом, одновременно обезличивая гостиничный номер, и размером, напрямую связанным с пространственной харак-

²²⁶ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 300.

²²⁷ Там же. С. 302–303.

теристикой: «В огромной спальне стояла огромная кровать с белоснежными простынями, белоснежными подушками и белоснежными одеялами и покрывалами. В ванной висели два белоснежных халата и дюжина белоснежных полотенец. И в этом белоснежном море услужливые горничные каждый день меняли всё, к чему гость в номере прикоснулся»²²⁸. Продолжая экспериментировать с пространством, Е. Д. Айпин начинает его менять сквозь призму полусна. Всё приходит в движение, смещается с привычных позиций, «как в волшебной сказке» беспорядочно плавает и передвигается: «Белые потолки и простенки между окнами начали двигаться и меняться местами. Двери стали искать себе места получше, поскромнее, поуютнее. А окна и вовсе начали почти незаметное глазу движение по стенам, как будто выискивая лучшее для себя место, откуда более можно охватить взором всю округу старинного замка-отеля. Только веерообразный жёлто-золотистый строгий и в то же время таинственно-рассеянный золотистый сноп света медных канделябров уличного фонаря на подъёме к дворцу-парламенту Канады беспрепятственно проникал в номер отеля»²²⁹. Отель представлен тремя цветами: светло-зелёный – белый – золотистый. Именно последний цвет позволил выйти за пределы замкнутого пространства гостиничного номера и отеля.

Как показал анализ рассказов хантыйского прозаика Е. Д. Айпина, мы видим городской текст, представленный в совокупности культурно-исторической, территориальной и экономической составляющих. При этом нужно отметить, что только в представлении канадских локусов экономическая составляющая столь сильна в прозе Е. Д. Айпина. Территориальная составляющая города проявляется в особенности пространства, занятого населённым пунктом, а также его местоположением. В этом отношении характерны пространственные модели

²²⁸ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 307.

²²⁹ Там же. С. 307.

Эдмонта и Оттавы, усиленные оппозицией юг – север. Остаётся верен себе писатель в представлении города глазами путешественника. Неизменным оказывается и сравнительный компонент в презентации городов: в анализируемых рассказах мы видим сравнение Канады и России. Создавая культурный облик города и его жителей, автор отмечает достоинства и недостатки людей, живущих в нём, архитектурных сооружений; единственное, что вызывает неизменное восхищение героя, – это величайшие творения природы. Такая разносторонность подачи города, страны – свидетельство пристального интереса автора к городскому тексту.

Возвращается Е. Д. Айпин к северу Канады в путевых заметках «Во льдах Нунавута», написанных в период февраля-марта 1995 года. Указывая место создания записок, путешественник обозначает свой маршрут: Москва – Монреаль – Куджуак – Икалуит – Ранкин Инлет – Еллонайф – Оттава – Москва. Шесть населённых пунктов Канады не определяют количество глав в дневнике путешественника, как можно было предположить. Знакомство с землей инуитов начинается с Куджуака. Автор обращает внимание на компактность и приземистость поселения, проводя сравнения с российской северной глубинкой: «Дома в основном одноэтажные, вжатые в землю, как во всех арктических поселениях этой страны. <...> Куджуак своей приземистостью напоминает наши старые северные посёлки. С той лишь разницей, что каждый дом здесь ухожен и благоустроен: свет, горячая и холодная вода и все другие удобства под одной крышей. Тепло и светло. Что ещё для Севера нужно?»²³⁰. Автор много внимания уделяет архитектуре севера, формируя не только горизонтальную, но и вертикальную модель топоса, правда, если в рассказах в Эдмонтоне и Оттаве мы видим устремленность вверх через представление архитектурных сооружений

²³⁰ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 204.

города, то здесь, наоборот, идёт погружение вниз: «Есть ещё один этаж – удивились мы. Я потом обратил внимание на особенность архитектурных форм на севере Канады. Внешне дома выглядят маленькими и приземистыми, а внутри оказываются просторными и светлыми. И здесь нижний этаж был полуподвальным, но чистым и тёплым. С той лишь разницей, что окна вдвое меньше, чем наверху. Но свет усиливался за счет светлого интерьера»²³¹. Е. Д. Айпин в архитектурной модели использует противопоставление «маленький – просторный», усиливая её цветовым восприятием, отраженным в неоднократно повторяющемся слове «светлый».

Социальная структура северных топосов ориентирована на создание комфортных условий для проживания людей в суровых климатических условиях: аэропорт, гостиница, больница, церковь, школа, реабилитационный центр и проч. Много внимания автор уделяет социальным вопросам, рассказывая, как помогают аборигенному населению преодолеть зависимость от «огненной воды», как действует альтернативная система обучения для трудных подростков. Отмечает, что жители города гостеприимны, дружелюбны, отзывчивы, готовы прийти на помощь, почитают старших.

Следующей точкой в путешествии становится Северо-Западная территория – Икалуит, частью которой является Нунавут – основная земля проживания инуитов. Здесь всё чаще автор записок обращает внимание на географические особенности земли: «Чем ближе к Арктике, тем больше льдов и снегов»²³², и всё больше крепчает мороз. Чётче прорисовывается экономическая составляющая благополучия северного региона, которая заставляет размышлять о том, «Почему коренные народы Севера России так бедны и несчастны по сравнению с их канадскими

²³¹ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 204.

²³² Там же. С. 209.

собратьями?»²³³, проводя параллели с ненцами и хантами Ямала и Югры. В записках даётся подробное описание механизма закрепления земель за инуитами, излагается финансовая сторона соглашения между народом и Её Величеством царствующей королевой Канады, определяются финансовые основы создания и работы корпораций экономического развития, лицензирования их деятельности, особенности местного самоуправления и проч. Экономическая составляющая тесно связана с социальной, так как организация корпораций экономического развития направлена на создание новых рабочих мест, на развитие региона и финансовую стабильность народа, на территории которого они функционируют.

В Ранкин Инлет («Бухту Ранкина») путешественники добились с двумя посадками в Кейп-Дорсете и Корал-Харборе. Город представлен в совокупности архитектурной, экономической и социальной составляющих. Здесь автор обращает внимание на необычное архитектурное украшение города, расположенное на привокзальной площади аэропорта, которое называется «костяные деревья»: «При въезде на привокзальную площадь возвышаются два столба, снизу и до самой макушки украшенные ветвистыми оленьими рогами. Впечатление такое, что посреди голой горной долины выросли волшебные деревья-гиганты с красивыми костяными ветвями»²³⁴. Здесь же говорит о швейных мастерских и небольших фабриках по переработке мясной и рыбной продукции, на которых работают местные жители, и как они реализуют свою продукцию; рассказывает и о приёме в мэрии, на который пригласили всю общественность: и старейшин, и руководителей территориальных департаментов, и глав местных корпораций. Упоминает и о том, как удалось познакомиться с музыкальной культурой инуитов, которую продемонстрировала пожилая супружеская пара: «Шестидесяти-

²³³ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 209.

²³⁴ Там же. С. 221.

семилетний дед сыграл на шаманском бубне, а его супруга спела древнюю инуитскую песню». Радость после знакомства с городом вызывает то, что люди разных национальностей живут одной семьёй и все они «вместе, в согласии, без суеты занимаются одним главным делом – обеспечением нормальной жизни населения города и региона»²³⁵.

Следующая остановка путешественников в столице Северо-Западной территории – Еллонайфе, городе, который возник на месторождении золота. Он архитектурно отличается от других поселений территории наличием высотных многоэтажных зданий. Из окна гостиницы представлен панорамный вид тополя: «Широкая река со скалистыми берегами, сопки, покрытые малорослым ельником, и городские кварталы. <...> за окраиной, в ельнике, два комплекса зданий. В одном – краеведческий музей, в другом – парламент и правительство»²³⁶. Здесь же даётся рассказ о парламенте, заседания которого идут на восьми языках с синхронным переводом; о министре по делам аборигенных народов и по межпровинциальным и федеральным связям, который является этническим представителем индейского племени дени; о премьер-министре, «женщине легендарной», первая и основная профессия которой – морской охотник. Родившись возле небольшого городка Ньюбик, она охотилась на китов и моржей, а теперь эта представительница инуитов управляет самым большим по территории субъектом Канады. Как истинная северянка, она «скупа в словах и жестах». И гость с русского севера понимает её: «Ведь на охоте не должно быть ни одного лишнего звука. Не должно быть суеты. <...> Думаю, что воспитанные в ней суровым морем хладнокровие и неприемлемая отвага помогают ей вести правительственный корабль <...>»²³⁷.

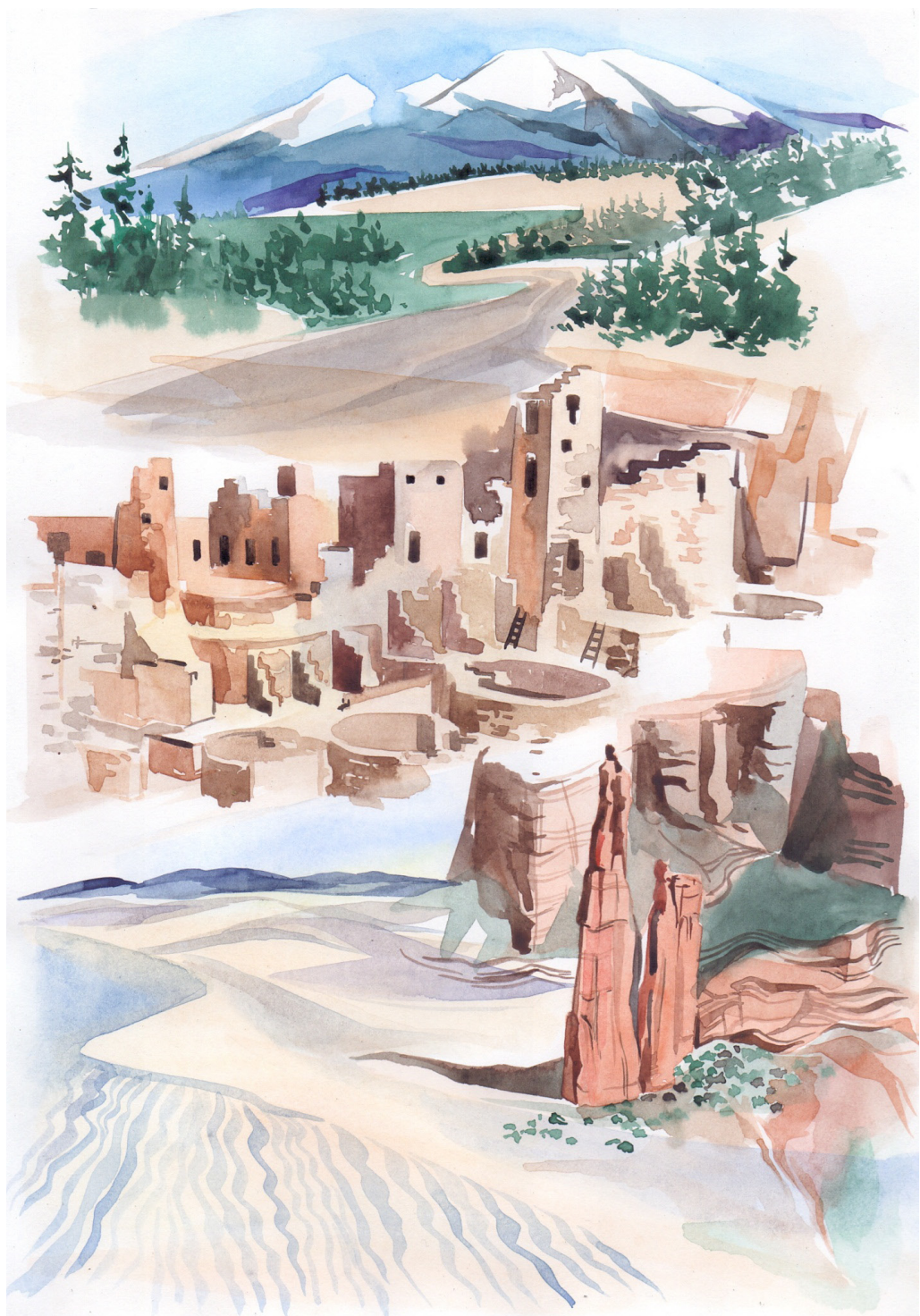
²³⁵ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 221.

²³⁶ Там же. С. 222.

²³⁷ Там же. С. 224.

Размышляя в конце записок о том, как сложилась жизнь коренных народов в Канаде и в России, автор приходит к выводу, что России надо было идти по канадскому пути, и надеется, что принятая нормативно-законодательная база, к разработке которой и он причастен, подготовит почву для диалога с Правительством, которое будет нести и юридическую, и моральную ответственность перед жителями территории.

Как видим, в путевых заметках Е. Д. Айпин создаёт канадский текст через города Северо-Западной территории, что и является их объединяющим началом. Единство подхода рождает многоаспектность изображения: архитектурный, природный, социологический, экономический, культурный компоненты транслируют разные грани топосов, ограниченных локально территориальным признаком. Сравнительные модели «своё – чужое», «канадский север» – «российский север» помогают ярче раскрыть специфику территории. Транслирование городского текста глазами путешественника в данном случае обусловлено жанром путевых заметок. Оценочные суждения о жителях территории, акцент на её достопримечательностях, детализированное описание основ экономики, природные особенности – это те маркеры, которые выделяют канадский текст в прозе Е. Д. Айпина.

5. Рецепция США в прозе Е. Д. Айпина

Люби землю.
Она не унаследована тобой у твоих родителей,
она одолжена тобой у твоих детей.
Индийская мудрость

В Америке любой человек чувствует себя свободным.
Кроме американцев.
Рэндалл Джаррел

В литературном наследии хантыйского прозаика Е. Д. Айпина есть путевые заметки по Америке «В гостях у Танцующего Духа Солнечной Земли». Автор указывает время создания заметок, а следовательно, и время путешествия – 18–30 марта 2005 года. Есть и маршрут путешествия, совпадающий с местом создания путевых заметок: Ханты-Мансийск – Москва – Лос-Анджелес – Лас-Вегас – Эль-Пасо – Лас-Крузес – Санта-Фе – Ханты-Мансийск. В начале заметок автор задаётся вопросом: какая она, моя Америка? И начинается его постижение страны через людей и места (резервации коренных племён индейцев и города). Формирование личностного образа Америки автора записок возникает на фоне имеющихся представлений об этой стране, которые рецептивно связаны с известными американскими писателями, издателями и просто знакомыми: «Я стал вспоминать, что знаю об Америке. Немного знаю Америку Марка Твена и Джека Лондона. Знаю Америку Уильяма Фолкнера и Эрнеста Хемингуэя. Знаю Америку Габриэля Гарсия Маркеса. Знаю Америку Клода Клейтона Смита, редактора и издателя моей первой книги на английском из Северного Огайского университета. Наконец, знаю Америку Патриции П., в дружеском кругу просто Пати, американки финского происхождения из штата Флорида, которая любила головокружительные скорости и на авто носилась по континенту с юга на север, с востока на

запад...»²³⁸. Имена писателей, представляющих американскую литературу, содержат отсылку на культурный код, историю страны. Упоминание сторон света, штатов Флорида и Огайо выступает пространственной характеристикой США. Как, собственно, на пространственную организацию будут работать и сами передвижения путешественников, упоминание тех или иных географических особенностей (горы, реки, каньоны), указание направления движения (на восток, на север, на юг и др.), номинации топосов.

От одной заметки к другой автор создаёт свой образ Америки, который, как мозаика, собирается из деталей. И этот образ привязан к конкретной топонимической точке. Первая из них Санта-Фе. Город воспринимается как провинциальный, и такая оценка объясняется расстоянием и временем, которое требуется, чтобы добраться до американской «глубинки» автору записок: «Для меня Санта-Фе – глубинка, это очень далеко от моего округа. Только на самолете нужно лететь в общей сложности <...> около восемнадцати»²³⁹ часов. Город представлен через культурную характеристику его жителей, на что указывает деталь: в десятом часу вечера в ресторане гостиницы нет свободных мест, так как в нем проходит вечер традиционной индейской музыки. Познакомиться с музыкальным искусством индейцев пришли не только туристы, но и местные поклонники. Портретные черты американских южанок нового поколения – тоже свидетельство культурной трансформации: «Немного смуглые, стройные, гибкие, с индигово-искрящимися длинными волосами и с огромными, напоминающими таинственную южную ночь, черными очами»²⁴⁰. Использование разных оттенков одного цвета усиливает типичность женского образа, его красоту. Не случайно автор утверждает: «Одна краше другой».

²³⁸ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 230–231.

²³⁹ Там же. С. 231.

²⁴⁰ Там же. С. 230.

Второй точкой стал Лас-Крузес и его окрестности, с которых и начинается знакомство группы путешественников с Америкой. «Ездили в горы, на обратном пути завернули в Мессию, исторический центр графства. <...> На другой день поехали в одну из ближайших резерваций на востоке от города»²⁴¹. Резервация Мескалери расположена в горах. Автора путевых записок поражает красота горных склонов, поросших «вечнозелёными соснами», и прозрачная чистота горного воздуха. В восторженных тонах пишет он о месте, где располагается резервация, прибегая к цветописью, в которой доминируют оттенки белого и голубого. И сами горы, и символика цвета говорят о божественном, не случайно у путешественников создаётся ощущение, что кто-то таинственный сопровождает их по древней земле, «возможно, покровитель этих земель и гор». Путешественникам сопутствует тёплая, солнечная погода.

Мескалери – резервация апачей, площадь которой составляет 1 миллион гектаров, где проживает 4 тысячи человек. Посещение этого места начинается с посещения музея. И здесь возникает и образ легендарного индейского вождя Джеронимо – борца за свободу своего народа конца XIX века, который был пойман и оставшиеся сорок лет своей жизни провёл в тюрьме. Фотопортрет сурового вождя поражает двумя чертами: непреклонностью и скорбью. Тут же автор поясняет, какие события оставили такой след на характере и внешности героя. Так, биографизм и историзм сливаются в одном образе, презентующем страну. Через вождя и оценку апачей возникает ментальная характеристика общих черт этого индейского племени: «прирождённые воины, храбрые воины, искусные воины, но весьма доверчивые, честные и благородные в отношении своих врагов», непокоренные и непобежденные духом. Джеронимо воспринимается путешественниками как национальный герой,

²⁴¹ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 231.

наделённый «большой личной храбростью и мужеством»²⁴², которому от природы присущи великодушие и благородство, вера в данное слово и в человека. Здесь же автор заключает, что эти природные качества индейского вождя отличают любого представителя малочисленного коренного народа.

Продолжая знакомить с историей и культурой индейского народа, автор пишет о нормативных документах, которые регулируют взаимоотношения индейцев и правительства. Одним из таких документов становится принятый в 1980 году федеральный Акт об индейских артефактах (Акт о защите и репатриации могил коренных американцев). Согласно этому документу «всем племенам коренных народов предоставлялось право забирать из фондов музеев все принадлежавшие их прошлым поколениям реликвии. Таким образом, индейцы вернули себе наиболее значимые культовые вещи и предметы, получили возможность по своим обычаям и обрядам захоронить останки своих предков, находившихся в антропологических коллекциях»²⁴³.

Само поселение апачи представляет собой отдельно расположенные небольшие домики с придворными постройками, между которыми скалы, склоны, лесок. Автору близко и понятно такое изолированное расположение семейных поселений: «Все, кто вырос на лоне первозданной природы с ощущением земли и раздолья, стараются, чтобы всю жизнь вокруг тебя было свободное пространство, свобода»²⁴⁴.

После музея путешественники отправились в школу. И здесь автор записок сжимает пространство, фокусируя его с панорамного восприятия до замкнутого внутри здания, внутри классной комнаты. Новый комплекс школы-сада, расположившись под сенью сосен, напоминает «замок-дворец с закрытым со всех сторон внутренним двором с игровыми и спортивными

²⁴² Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 232.

²⁴³ Там же. С. 233.

²⁴⁴ Там же. С. 234.

площадками». В изображении нового комплекса нет ничего, что указывало бы на традиционные архитектурные формы индейцев. Внутри здания, у самого входа, в холле стоит огромный глобус, размером «почти в человеческий рост». Череду классных комнат, спортивный и актовый залы, школьный музей и подсобные помещения – предмет особой гордости руководства образовательного учреждения.

Беседа в классной комнате шла об особенностях преподавания «национального компонента» в школе. И здесь автор вновь проводит параллель с ханты и манси (аналогичный прием он использовал, описывая особенности расселения апачей), для которых в России так же остро стоит вопрос сохранения и развития родного языка.

Продолжая знакомство с резервацией, путешественники отправляются в новый горно-туристический комплекс «Горное Божество». Место расположения комплекса (у подножия гор Сьерра Бланка на берегу озера) – это ещё один пространственный маркер, расширяющий его по вертикали и ограничивающий по горизонтали. Замкнутость горизонтального пространства усиливает и архитектура здания комплекса – высотой в шесть этажей оно изгибается полукругом по берегу озера. Озеро оказывается словно в центре пространственной организации, но при этом замкнутость его условна, так как указание на синеву горного источника свидетельствует и о вертикальной безграничности (здесь синь озера связываем с зеркальным отражением неба).

Комплекс включает развлекательную и спортивно-оздоровительную зоны, дизайн оформлен в этническом стиле. Во дворе комплекса на «<...> довольно высокой каменистой круче стояли три колоритных железных богатыря-апачи. Очень своеобразные, самобытные, красивые. Сразу видно, что созданы талантливым художником. Похоже, они всем своим видом напо-

минают гостям, кто есть хозяин на этой прекрасной и красивой земле»²⁴⁵.

Управляет «небесно-земным» комплексом Совет племени апачей. В записках даётся детальное описание экономической рентабельности комплекса, доходы которого решают ряд проблем резервации: развитие социальных программ, создание новых рабочих мест. Резервация старается обеспечить себя специалистами, поэтому и на учёбу в сузы и вузы отправляют на те специальности, которые необходимы в Мескалеро.

Обед с членами Совета племени в ресторане напоминает древний церемониал: «Трапеза была чинной, неторопливой. Говорили, рассуждали, размышляли вслух обо всем. <...> Это напоминает не трапезу, а древний обряд встречи»²⁴⁶.

Завершая свои впечатления о «Горном Божестве», автор говорит о балансе двух цивилизаций, о гармонии взаимодействия гостя и хозяина этой земли, когда они не мешают друг другу – «оба довольны, обоих устраивает такое уважительное отношение».

Продолжается знакомство с резервацией через посещение рыбацкого хозяйства, лесопилки. Рассказывая о них, автор деталями дополняет сведения об апачах, например, сообщает, что апачи никогда не занимались рыбной ловлей, но, при необходимости, сумели организовать «рыбный промысел» и сделать его доходной частью экономики резервации. Через отсылку к книгам Уильяма Фолкнера автор говорит о лесопилке.

Завершается знакомство с резервацией подробным описанием системы правления, правовой основы территории. В записках названы 4 документа, которые регламентируют отношения всех индейских племен с Правительством США: Конституция США, Устав племени, Договор с Федеральным правительством, Устав Резервации. Нормативная база даёт относительную суве-

²⁴⁵ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 238.

²⁴⁶ Там же. С. 237.

ренность индейцам, которой они «добивались на протяжении более 500 лет в жестокой и неравной борьбе сначала с испанскими колонизаторами, затем с английскими и французскими. Сначала, после открытия Америки Христофором Колумбом, начиная с 12 октября 1492 года (официальная дата открытия континента), на тропе войны, а затем, в последние годы, на правовом пространстве страны»²⁴⁷. Завершает своё размышление автор записок утверждением, с которым трудно спорить и которое устанавливает высокую гражданственность и патриотизм: «В этом жестоком мире считаются только с теми, кто силен и кто непреклонен в борьбе за жизнь своего народа»²⁴⁸.

Рядом с резервацией расположилось «всемирное святилище народов» природный парк «Белые Пески». Белые пески тянутся «широкой полосой с востока на запад на расстояние восьми десятков километров» и к этому «неизведанному, священному и одухотворяющему» не удаётся прикоснуться путешественникам, так как на ночь парк закрывается. Автор записок пытается разгадать тайну природного феномена, выстраивая гипотезы земного или внепланетного происхождения, подчеркивая, что наука происхождения песков не может объяснить. А местные жители всегда тесно общались с инопланетянами, информация о которых засекречивалась, как только они попадали в поле зрения «вояк» из «резервации армии» (космодромы и испытательных полигонов армии, которые расположены в пустыне рядом с землями индейцев).

Лас-Крузес становится точкой отправления в новые территории. Знакомство с резервацией Акома пуэбло начинается описанием реки Рио-Гранде, которая ассоциативно вызывает в памяти путешественника романы Майна Рида и Фенимора Купера «о мужественных и свободолюбивых индейцах». Дорога занимает несколько часов, это время интереса ко всему

²⁴⁷ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 240.

²⁴⁸ Там же. С. 240.

окружающему автор записок определяет как заглядывание в «глубину веков и тысячелетий». Одним из группы сопровождения путешественников оказывается индеец Дональд Пепион. «Совсем немногословен, невозмутим, скуп в жестах и движениях. Но его внутренний мир нам понятен и очень близок. Мы с ним, как все коренные народы, одними глазами смотрим на мир. С одинаковым трепетом воспринимаем лучи Солнца, капли Дождя, синь неба, запах Земли. <...> Отвечает он коротко, но ясно и понятно. Порою, углубившись в себя, он долго сидит с напрочь отрешённым видом от быстротечного времени суетного мира».²⁴⁹ Создавая его портрет, автор записок устанавливает мировоззренческое родство всех коренных народов, словно стирая границы между ними.

Образ народного подвижника, духовного наставника с трудной судьбой не впервые встречается в творчестве писателя (достаточно вспомнить его роман «Ханты, или Звезда Утренней Зари»). Он связан с идеей возрождения народа: «Если погибнет один человек большой нации, то нация этого не заметит. Потому что она большая. Если же погибнет один человек маленького племени, то племя станет ещё меньше: значит, сделает ещё один шаг на пути к своей гибели. <...> Спасая свою жизнь, ты отдаляешь свой народ на один шаг от края пропасти, куда он может свалиться в будущем».²⁵⁰

По пути возникает ещё один тоpos – город Альбукерке, – в районе которого путешественники меняют направление («на девяносто градусов свернули на запад») и оказываются на землях небольшой резервации Лакуна, где были открыты крупнейшие месторождения урана. Здесь же даётся объяснение, почему это и хорошо, и плохо для племени, и как происходит разработка этих месторождений.

²⁴⁹ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 243.

²⁵⁰ Там же. С. 244.

Пустынное плоскогорье и дорога наводят автора записок на размышления и заставляют вспоминать то, что поразило больше всего. Вспоминается посещение скотоводческой фермы между Эль-Пасо и Лас-Крузесом, где хозяевам удаётся собирать по семь урожаев кормовой травы в год и обеспечивать мясoproдуктами целый штат. И это на пустынном плоскогорье штата Нью-Мексико. Поражённый рачительностью и экономической сообразностью, автор вновь проводит параллель с домом, где в поймах Оби и Иртыша растёт сочная трава, и делает вывод «не очень корректный для наших сельхозников: просто не хватает головы».

Более четырёх часов в пути приводят путешественников в резервацию Акома пуэбло, где проживает один из самых древних народов североамериканского континента, «культура которого уходит корнями в ацтекскую цивилизацию на территории Мексики, уничтоженную испанскими колонизаторами в XVI веке».²⁵¹ Численность его составляет 32 тысячи человек, часть из них живёт в резервациях в штате Аризона. Этот народ с древней историей долго ходил тропами войны, чтобы отстоять свою землю и право на жизнь. «Ещё в середине XIX века Авраам Линкольн, шестнадцатый президент США, отменивший рабство, подарил Акома посох – символ власти и свободы. Такой же посох Акома имеет и от испанцев».²⁵²

Знакомство с резервацией начинается с нового административного здания, оборудованного современной техникой. В отличие от Мескалери, здесь главой является губернатор, а не Совет старейшин. Всё организовано как в самостоятельном государстве, своя судебная система, свой политический регламент, своя полиция, различные инспекции и предприятия, развивается бизнес и социальная сфера. Как и в первой резервации, Правительство обеспокоено получением необходимых

²⁵¹ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 246.

²⁵² Там же. С. 246–247.

специалистов для развития территории, поэтому оплачивает образование своих студентов в университете. Так формируется своя интеллигенция. Здесь же упоминается имя популярной писательницы Акома пуэбло Саймы Нартисы, книги которой читают почти в каждом доме.

Небольшой дождик, который представители Акома пуэбло считают хорошей приметой, наводит на размышления о воде и о жизни, так как на Мексиканском плато даже большие реки очень быстро пересыхают и источники воды бесценны, не случайно автор записок упоминает Долину Смерти, в которой погиб от жажды отряд испанских колонизаторов, не сумев пробиться к источникам воды, охраняемым индейцами.

Картину благополучия в суровых климатических условиях дополняют проблемы, с которыми столкнулся народ: сохранение родного языка, безработица и алкоголизация. Здесь же перечислены меры, которые применяются, чтобы решать проблемы народа.

Одной из доходных статей экономики резервации является туризм. Путешественники, заплатив за право осуществлять фотосъёмку, едут в поселение-крепость. Это древнее поселение со своей архитектурой меняет пространственное восприятие из горизонтального (определяли плато и пустынный пейзаж) в вертикальное: «Посреди долины возвышается громадная скала с отвесными склонами. <...> Наверху древнее поселение, город, крепость. Пуэбло по-испански означает поселение. Здесь индейцы с древнейших времён строили из кирпича-сырца или песчаника многокомнатные дома-крепости до пяти-шести этажей. Этажи поднимались террасами, с глухими внешними стенами. В таком доме-крепости жили от одной до трех тысяч человек. Правда, здесь дома-строения в один-два этажа. Вместо внешних стен неприступная скала».²⁵³ Узкие улочки, высокие

²⁵³ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 250.

лестницы, ведущие вверх на плоские крыши домов, – это не просто отличительные детали архитектуры поселения, это ещё и отражение традиционного мировоззрения народа (так ведущие вверх лестницы – это ритуальные ступени для общения с верхним миром, гид предупреждает, что никому народ не показывает святыни и кладбища). И снова автор записок отсылает к своему народу, который придерживается тех же табу.

Усиливая впечатление от увиденного, автор прибегает к цветописси. И если в резервации Мескалери выделялись голубой и зелёный цвета, то в Акома пуэбло доминирует красный в разных вариациях: «На закате дня множеством оттенков заиграли красные отвесные скалы, окружающие нашу долину со скалой-крепостью посередине, на вершине которой мы прощались с гаснущим днём. Скалы красные, малиновые, розовые, пурпурные, багряные. Скалы сказочные, фантастичные, просто невообразимые»²⁵⁴. Е. Д. Айпин использует одну и ту же модель пространственной организации и способ её реализации в записках путешественника, рассказывая об апачах и пуэбло.

Дальше путь лежит в резервацию Навахо, расположенную в соседнем с Нью-Мексико штате Аризона. По дороге группа заезжает в Каньон-де-Шей. Автор записок, увидев удивительное и грандиозное творение природы, сразу вспоминает фильмы про индейцев, в которых обычно показывают Большой Каньон реки Колорадо. Но увиденное в реальности кажется более грандиозным, невероятным по красоте.

Знакомство с территорией Навахо начинается с городка Виндоу Рок. Навахо – один из самых больших индейских народов Америки, что подтверждается в записях статистикой. Здесь же автор даёт историю поселения Навахо на этих землях и вскользь характеризует народ: «По историческим письменным источникам известно, что навахо пришли на эти земли с севе-

²⁵⁴ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 251.

ра американского континента. Племя воинственное. Навахо двигались на юг, жестоко расправляясь с местными индейскими племенами».²⁵⁵ Поскольку резервация входит в состав трёх штатов (Аризона, Юта, Нью-Мексико), то для её жителей не существует границ. По резервации путешественников сопровождает победительница конкурса красоты Мисс Навахо в национальном наряде. Отмечается отличительная особенность этого конкурса красоты и важность общественной работы, которую выполняет его победительница.

Главой резервации является президент. Встреча с ним проходит по строгому протоколу. Автор записок отмечает, что президент открыт для общения с жителями резервации, каждую неделю рассказывает по радио о своей работе и отвечает на вопросы.

Беседа главы территории с гостями касается вопросов управления, экономики («75 процентов бюджета резервации приносят природные ресурсы недр») и борьбы с «врагами рода человеческого». У президента своя программа действий и приоритеты в борьбе, с которыми согласны и путешественники: голод, болезни, нищета, зависть и жадность.

Описывая городской ландшафт, автор вновь концентрирует внимание на исторической памяти и духовности народа, опять прибегая к сложной пространственной организации: «Мы выходим из офиса на площадь, которую полукругом обрамляет древняя скала, почти козырьком нависающая над землёй. Посередине скалы круглое отверстие, через которое видно голубое небо. Очередное чудо природы. Словно отсюда начинается путь на небеса, к нашему Верховному Отцу.

Между скалой и зданием офиса водопад с фонтаном. Перед ним памятник воинам-навахо, погибшим на фронте во Вторую мировую войну. <...> Между прочим, навахо с гордостью

²⁵⁵ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 253.

нам сказали, что их язык, как шифр, использовался в военных донесениях в годы войны»²⁵⁶.

Вернувшись из резервации Навахо в Санта-Фе, путешественники продолжили знакомство с городом. Покинув гостиницу, они посетили Парламент штата, здание которого «напоминает большую башню или огромный, обрубленный пень американской секвойи. <...> основанием является большой круг, разделенный стеной на две почти равные половины»²⁵⁷, познакомились с организацией работы и членами команды губернатора. Затем посетили Нью-Мексиканский исторический музей, Музей искусства американских индейцев, расположенный в новой части города.

На площади перед музеем установлена трёхметровая статуя «Горное Божество» Элена Хаузера, которая превратила музейную площадь в центр города. Описание статуи рецептивно вызывает в памяти путешественников ещё одну знаменитую скульптуру вождя Попэ, шамана племени Сан Хуан пуэбло, которая установлена в зале статуй Капитолия в Вашингтоне. Уважительное отношение жителей города к истории своего народа вызывает у автора записок горечь осознания, что в отчем крае не так, «<...> невольно вспомнился окружной центр, где мы до сих пор не можем поставить памятник остояцкому князю Самару, патриоту, вождю и воину своей земли»²⁵⁸.

Продолжая знакомство со страной, путешественники отправились в расположенную рядом с городом резервацию Повакве пуэбло, что переводится как «Бурные Ключи». Это ещё одна ветвь народа пуэбло (350 представителей этноса проживают на территории в 25 тысяч гектаров). Резервация все социальные программы финансирует из своего бюджета. Управляет ею совет племени, который руководит приоритетными

²⁵⁶ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 256.

²⁵⁷ Там же. С. 259.

²⁵⁸ Там же. С. 263.

программами, направленными на развитие земли, на защиту воды, на получение образования молодежью. Как отметил один из лидеров племени: «Интеллект мы ценим выше, чем деньги». На этих землях нет ни одного безработного, так как создано три тысячи рабочих мест. В общей картине райского бытия остро звучат проблемы, с которыми сталкивается территория, и одна из них – низкое качество медицинского обслуживания коренных жителей.

Дальнейшее познание страны путешественниками осуществляется через персоналии. Так знакомимся с индейцами кри через поэтессу Дженифер Фостер (которая напоминает автору записок героиню рассказа «Мужество женщины» Джека Лондона), кайова через известного и популярного писателя Скотта Момадея, лакота сиу через Мэтью Ранза Эбава (подарившему талисман-символ для проведения священных обрядов), пуэбло через Тиффани Ловато и другими.

Сужая пространство, автор знакомит нас с обычаями и традициями индейской семьи, проводя постоянные параллели с традициями северного этноса. Это и жертвоприношение в честь гостей, и одаривание подарками прибывших издалека, и молитва перед приёмом пищи, и общие духи-покровители (Мать-Земля и Отец-Небо), и правила проведения ритуальных праздников, и брачные традиции, и право наследования: «Если вы выходите замуж за парня не из своего племени, ваши дети в резервации теряют право собственности на все. Тут родословная ведётся по материнской линии. Всё в доме принадлежит женщине. Сам дом, что в доме и что вокруг дома, включая землю. Мужчине принадлежат только украшения, которые всегда на нём, и конь. Всё, больше он ничего в жизни не имеет. Право наследования, точнее, ненаследования, распространяется и на детей, которые родились от брака с женщиной не своего племени».²⁵⁹

²⁵⁹ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 276.

Культурные традиции, искусство и народные промыслы коренных жителей Америки, о которых неоднократно упоминается на страницах путевых заметок, дополняются религиозными представлениями, в которых цифра 4 является основообразующей: «Четыре стороны света. Четыре времени года. Четыре горы окружают земли навахо. Четыре... словом, все традиционные знания связаны с цифрой «четыре».

Возьмём четыре стороны света.

На востоке встают Солнце и Луна. Это рассвет, зарождение жизни, начало жизни. К человеку приходит сознание. Ум ребёнка ясен и чист.

Юг – это день, подростковый период в жизни человека. Приходят знания, умение выращивать овец, умение ткать ковры.

Запад – это зрелый период жизни человека. Зарождается любовь. Люди женятся, выходят замуж, рожают детей.

Север олицетворяет элементы в жизни, которые носят разрушительный характер, но не разрушают совсем, не разрушают окончательно. Эти элементы используются для защиты жизни. Это песни. Сказки. Вы становитесь шаманом. Это период среднего возраста человека. После, когда человек превращается в старика или старуху, он возвращается в детство. Снова возвращается на восток.

Цикл замыкается. Всё проходит в жизни в этом цикле»²⁶⁰.

В соответствии с этими представлениями спроектирован комплекс индейского колледжа: вход расположен на востоке, на юге – классные комнаты, на западе – общежитие, на севере – спортивные площадки, а в центре кафетерий. В учебном заведении сочетают традиционные знания с современными, помогают студенту освоить будущую профессию. Увиденное вновь рождает в памяти автора записок литературные параллели, теперь с

²⁶⁰ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 277–278.

Эрнестом Хемингуэем. Литературная параллель, как видим, излюбленный приём автора. Он даже вводит в записки похожестъ эпизодов из собственного романа «Ханты, или Звезда Утренней Зари» и романа Скотта Момадея «Дом, из рассвета сотворенный».

Ещё одной гранью постижения Америки становится Нью-Йорк. Мегаполис представлен через восприятие двух героев: автора путевых заметок и Майкла Питерса, президента колледжа Святого Джонса. Обоим город нравится. Автор записок, поясняя свою симпатию, характеризует город и называет важную жизнесоставляющую основу топоса: «Я на минуту задумался. Многие не любят большие города. Но у меня об этом городе остались тёплые воспоминания. И тут я понял, в чём дело. На меня нагоняют тоску пустынные улицы, пустынные поселения, пустынные города. Город без людей мёртв. А Нью-Йорк вечно живой. В какое бы время суток я не выходил из отеля, будь то поздний вечер или глубокая ночь, я всегда попадал в водоворот жизни, в водоворот людей. Всегда всё открыто, всё работает, всё светится, всё движется. И я сказал Майклу:

– Нью-Йорк – это бурлящая жизнь.

Он улыбнулся и сказал:

– Верно, там всё бурлит»²⁶¹.

Ещё одним местом знакомства с американским континентом стал город Фармингтон. Презентация города начинается через встречу с литературоведом, доктором искусствоведения Сьюзен Скарберри-Гарсия, которая проживает в этом городе и работает в индейском колледже Колорадо. Город располагается на северо-западе от Санта-Фе, в пограничной территории со штатом Колорадо, недалеко от штатов Аризона и Юта.

Завершаются записки уточнением географического положения Санта-Фе (высота две тысячи метров над уровнем моря),

²⁶¹ Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 283.

климатическим разнообразием территории (в горах выпал снег почти по колено и замело дороги, а в долине лето), упоминанием о государственном университете Нью-Мексико, о границе с Мексикой и посещении приграничного мегаполиса Хуареса.

На последней странице записок автор вновь обращается к тому же вопросу, с которого началось его знакомство с Америкой. «И ответ пришел сам собой: прекрасная Америка. Я, как Христофор Колумб, открыл свою Америку. Это моя безумно прекрасная Америка. С верными друзьями, с Солнечной Землей, с Танцующими Духами. Со звучащими, как песня, магическими названиями реки Рио-Гранде, горы Сьерра Бланка, Каньона-де-Шей»²⁶².

После знакомства с континентом и его жителями у автора записок сложился свой образ индейца, который раньше формировали кинофильмы и художественные произведения: «Если он с Трубкой Мира размышляет о мироздании и о судьбе своего народа, не шелохнется и не прервет ход мыслей, даже если земля разверзнется под его ногами. Если он вступил на праведную тропу войны, почитает за честь погибнуть на поле брани. Если он сказал слово, с достоинством и без малейшего сожаления отдаст за него свою жизнь. Если он полюбил, то будет любить, пока огонь любви не испепелит его душу и тело»²⁶³.

Таким образом, в путевых заметках впервые в хантыйской литературе Е. Д. Айпин изобразил североамериканский континент через синтез разных топосов: мегаполисов, городов и резерваций. Используя разные составляющие городского текста (культурную, историческую, экономическую, географическую, социальную и проч.), отсылки к историческим лицам, литературно-художественные параллели, яркий этнический колорит, писатель заставил задуматься над средствами воссоздания об-

²⁶² Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Амфора, 2014. Т. 3: Река-в-Январе. С. 284.

²⁶³ Там же. С. 284.

раза Америки в произведении и заговорить об американском тексте в хантыйской литературе в XXI веке.

Выбранная форма путевых заметок позволяет автору выявить локальные границы пространства и раскрыть ментальные и культурные доминанты общечеловеческого значения. Топонимическая достоверность – это ещё один маркер записок путешественника. Образ Америки у Е. Д. Айпина неоднозначен. Автор структурно выстраивает его из элементов, смысловое наполнение которых дополняет друг друга. Жители резерваций, архитектура зданий, скульптурные группы, атмосфера тех или иных мест в разные исторические моменты – всё это передаёт колорит Америки и то отражение, которое он получает в сознании русского путешественника. Дополняется всё это параллелями с Россией, Югрой, народами ханты и манси.

Пространственная организация Америки столь же неоднозначна в путевых записках (автор совмещает вертикальную и горизонтальную пространственные модели), как и ментальные особенности её жителей. Использование цветовой символики, ретроспекции усиливает семантическую структуру художественного образа национального пространства. Образ Америки с пограничным расположением между культурным и природным пространством дополнил городской текст в хантыйской литературе.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Первый сад создал Бог, а первый город – Каин.
Эйбрахам Каули

Изучение «городского» текста ведётся на протяжении многих лет и интерес учёных к этому предмету исследования не ослабевает. Да и понятие «локальный» текст, введённое В. Абашевым в работах о пермском тексте²⁶⁴, открывает новые грани для изучения художественного произведения. Стоит заметить, что с лёгкой руки В. Н. Топорова «локальные» или «городские» тексты исследователи стали квалифицировать как сверхтексты. Как отмечает М. Н. Гаврилина: «В филологических и лингвистических исследованиях сложилась определённая традиция трактовки понятия сверхтекст и соотнесения его с близкими понятиями «метатекст», «гипертекст», «интертекст»»²⁶⁵.

Вот и в данной монографии автор обратилась к конкретным географическим пространствам, которые актуализируются на уровне персональной творческой системы хантыйских прозаиков и поэтов, формируя урбанистический код хантыйской литературы.

В литературе создаются образы города, которые раскрываются на страницах художественных произведений с новой стороны, знакомя читателей с разными гранями городской среды. Город становится главным или второстепенным героем произведения, его узнаваемые черты служат писателям материалом для создания особой атмосферы, для отражения городской сре-

²⁶⁴ См.: Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в культуре и литературе XX века. / В. В. Абашев. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.

²⁶⁵ Гаврилина Л. В. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры / Л. В. Гаврилина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2011 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kaliningradskiy-tekst-v-semioticheskom-prostranstve-kultury>.

ды, для раскрытия характера героя. Часто хантыйские писатели прибегают к приёму художественного конструирования городского пространства, детализируя его географические особенности, то есть к тому, что в современном литературоведении называется геопозитикой. В. В. Абашев отмечает, что «для филологов геопозитика – это, естественно, специфический раздел поэтики, имеющий своим предметом как образы географического пространства в индивидуальном творчестве, так и локальные тексты (или сверхтексты), формирующиеся в национальной культуре как результат освоения отдельных мест, регионов географического пространства и концептуализации их образов»²⁶⁶.

В фокусе внимания оказались произведения, созданные разными авторами, хотя подавляющее большинство текстов с урбанистическим кодом принадлежит перу Е. Д. Айпина. Так сложилось, что все авторы представляют разные периоды развития этнической литературы, а это может свидетельствовать только об одном – город не случайное явление в литературе хантыйского народа, и переход от городского образа к городскому тексту – закономерность, укрепляющая один из культурных кодов, нашедших отражение в художественной словесности.

Проведённый анализ художественных текстов с урбанистическим компонентом показал, что в хантыйской литературе есть и образ города, и городской текст (представленный в прозе Е. Д. Айпина). Образ города есть и в хантыйской поэзии. Примеры находим в стихотворениях Г. Д. Лазарева, М. И. Шульгина, Р. П. Ругина, М. К. Вагатовой, В. А. Мазина, М. И. Новыхова, Е. Н. Ермаковой, В. П. Лонгоровой. Стоит отметить, что произведения хантыйских поэтов, в которых представлены города Югры, могут служить одним из свидетельств существования локального «югорского» текста²⁶⁷.

²⁶⁶ Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопозитики: учеб. пособие / В. В. Абашев. Пермь: Изд-во ПермГУ, 2012. С. 18.

²⁶⁷ См.: Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность к постановке проблемы / Д. В. Ларкович // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 40–52.

Исследование позволяет констатировать, что городской текст в хантыйской литературе разнопланов: он представлен «парижским», «бразильским» текстами, рецепцией городов Канады и Северной Европы, которые дополняют «европейский» и «американский» тексты, образами Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска. Отдельного внимания заслуживает восприятие и изображение городов Западной Сибири, расположенных на территории традиционного проживания ханты – коренного малочисленного народа Севера: Сургут, Мегион, Нижневартовск, Ханты-Мансийск, Салехард, Лабытнанги. Особый интерес в урбанистическом коде хантыйской литературы представляет Россия и маркеры, которыми она представлена в художественной словесности. Е. Д. Айпин в своём творчестве создаёт образ «безымянного города», который вписывается в общую концепцию урбанистического кода хантыйской литературы.

Город осмысливается хантыйскими прозаиками и поэтами в совокупности его компонентов: культурного, исторического, территориального, социологического, экономического, архитектурного и др., но при этом, при целостности восприятия, в каждом из городов отмечаются их специфические особенности.

Авторы формируют урбанистический код в таких жанрах эпоса, как рассказ, повесть, роман, путевые заметки, и в лирике. И если в лирике атрибуция города схематична, исторически обусловлена и географически конкретизирована, то в эпических жанрах она целостна, несмотря на многоаспектность, многокомпонентность изображения.

Городское пространство в художественных текстах представлено разными моделями. Одним из излюбленных способов презентации города становится сравнение, актуализированное в вариациях «своё – чужое». Большая часть топосов в хантыйской литературе представлена через взгляд путешественника, который может проводить параллели в силу своей культурной эрудиции и имеющегося опыта познания стран и городов, а так-

же город предстает как новое, неизведанное пространство, иное для привычной культурной среды героя.

Обобщая всё вышеизложенное, считаем правомерным говорить об урбанистическом коде хантыйской литературы, в котором заметное место отводится городскому тексту и который, безусловно, является частью «югорского» текста, соглашаясь с С. В. Галян в том, что «релевантными для Югры являются локусы леса и большой реки, расположенного внутри или рядом с ними родового стойбища, а также город с недлинной историей. Два последних объединяются в один локус Дома, а всё вместе – в пространство родины»²⁶⁸.

Монография намечает перспективы дальнейших исследований литературного наследия ханты, культурных кодов, отразившихся в словесном творчестве, знаковых систем и символов литературы, в том числе сопоставительных, и не только в финно-угорском, но и в мировом контексте.

Результаты проведенного научного исследования могут использоваться при создании полномасштабной истории хантыйской литературы XX–XXI веков, при уточнении картины истории финно-угорской литературы, при осмыслении комплексных исследований современного национального и регионального литературного процессов. Материалы могут применяться и как образовательный ресурс: наработки будут полезны в курсах литературного краеведения и родной литературы в образовательных учреждениях Ханты-Мансийского автономного округа – Югры и Ямало-Ненецкого автономного округа. Исследование и его результаты открывают путь к постижению национального литературного кода ханты.

²⁶⁸ Галян С. В. Принципы отбора литературного материала для курса литературного краеведения в школе / С. В. Галян // Современная регионалистика: Сб. статей Всеросс. науч. конф. Сургут, 2016. С. 282–286.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСТОЧНИКОВ

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. Пермь: Изд-во Пермского ун-та, 2000. 404 с.
2. Абашев В. В. Русская литература Урала. Проблемы геопозитики: учеб. пособие / В. В. Абашев. Пермь: Изд-во Перм-ГУ, 2012. 140 с.
3. Айпин Е. Д. Ханты, или Звезда Утренней Зари / Е. Д. Айпин. М.: Молодая гвардия, 1990. 334 с.
4. Айпин Е. Д. Божья Матерь в кровавых снегах / Е. Д. Айпин. Екатеринбург: Пакрус, 2002. 304 с.
5. Айпин Е. Д. Река-в-Январе. Сборник рассказов / Е. Д. Айпин. СПб.: МИРАЛЛ, 2007. 208 с.
6. Айпин Е. Д. Собрание сочинений: в 4 т. / Е. Д. Айпин. СПб.: Торгово-издательский дом «Амфора», 2014. Т. 3: Река-в-Январе. 319 с.
7. Антохин М. К. Югория [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://old.okrplib.ru/yugra_-eto/yugra_-eto1/konkursnye_materialy/_/ (дата обращения: 25.02.2018).
8. Анциферов Н. П. Душа Петербурга / Н. П. Анциферов. М., 1991 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://e-libra.ru/read/178951-dusha-peterburga.html> (дата обращения: 25.02.2016).
9. Арзамасов А. А. Эволюция образной системы и лингвосемантические трансформации в удмуртской поэзии (вторая половина 1970 – начало 2010-х гг.): автореф. дис. ... докт. филол. наук / А. А. Арзамасов. Ижевск, 2016. 41 с.
10. Бахтин М. М. Формы времени и хронотопа в романе / М. М. Бахтин // Бахтин М. М. Литературно-критические статьи. М., 1986. С. 42–61.
11. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики / М. М. Бахтин. М.: Художественная литература, 1975. 504 с.

12. Белова Н. А. «Парижский текст» в русской литературе первой половины XIX века (к постановке проблемы) / Н. А. Белова // Вестник Югорского государственного университета. 2011. Вып. 1 (20). С. 71–77.

13. Берберова Н. Н. Курсив мой / Н. Н. Берберова [Электронный ресурс] // Режим доступа: http://modernlib.ru/books/berberova_nina_nikolaevna/kursiv_moy_glavi_14/read (дата обращения: 14.11.2015).

14. Большая Советская Энциклопедия [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://bse.sci-lib.com/article011905.html>. (дата обращения: 2.10.2017).

15. Бурого Е. Г. Семиотика города: Киев как текст культуры / Е. Г. Бурого // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/semiotika-goroda-kiev-kak-tekst-kultury> (дата обращения: 25.09.2017).

16. Бурины Сильвия «От кабаре к городу как к тексту» / Сильвия Бурины // Europa Orientalis XVI: Сборник статей / Под ред. А. Д'Амелии, А. Конечного, Дж.-П. Пиретто. Рим, 1997. № 2. С. 275–289.

17. Вагатова М. К. Моя песня, моя песня: Стихотворения, легенды, сказки / М. К. Вагатова. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2002. 192 с.

18. Вежбицкая А. Метатекст в тексте / А. Вежбицкая // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 8. М., 1978. С. 402–421.

19. Волдин В. С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках / В. С. Волдин. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 1998. 118 с.

20. Гаврилина Л. В. Калининградский текст в семиотическом пространстве культуры / Л. В. Гаврилина // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2011 [Электрон-

ный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/kaliningradskiy-tekst-v-semioticheskom-prostranstve-kultury> (дата обращения: 15.11.2017).

21. Галимова Е. Ш. Специфика северного текста русской литературы как локального сверхтекста / Е. Ш. Галимова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2012. С. 212–219 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=18082293> (дата обращения: 5.11.2017).

22. Галимова Е. Ш. Северный текст в системе локальных (городских и региональных) сверхтекстов русской литературы / Е. Ш. Галимова [Электронный ресурс]. – Режим доступа: narfu.ru/ifmk/cen_lab/ntext/files/galimova.pdf (дата обращения: 06.09.2017).

23. Галян С. В. Принципы отбора литературного материала для курса литературного краеведения в школе / С. В. Галян // Современная регионалистика: Сб. статей Всеросс. науч. конф. Сургут, 2016. С. 282–286.

24. Голуб О. С. Кузнецкий локус в русской литературе XIX–XX вв. / О. С. Голуб // Сибирский филологический журнал. 2008. № 3. С. 90–96.

25. Гудкова С. П., Иванова С. А. Образ города в лирике Б. Рыжего / С. П. Гудкова, С. А. Иванова // Русский язык в контексте национальной культуры: материалы III Международной научной конференции, посвященной 200-летию со дня рождения М. Ю. Лермонтова. В 2 т. Саранск: Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарёва, 2015. С. 153–157.

26. Даль В. И. Толковый словарь русского языка: современная версия / В. И. Даль. М.: Эксмо-Пресс, 2003. 736 с.

27. Деткова Н. Ю. Малый провинциальный город как текст культуры / Н. Ю. Деткова // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 18. С. 63–69.

28. Динисламова С. С. Образ Ленинграда в творчестве Ювана Шесталова (на примере повести «Синий ветер каслания») / С. С. Динисламова // *Общественные науки*. 2017. № 4–2. С. 122–132.

29. Домокош П. Формирование литератур малых уральских народов / П. Домокош. Йошкар-Ола: Марийское книжное издательство, 1993. 288 с.

30. *Europa Orientalis XV I: Сборник статей* / Под ред. А. Д'Амелии, А. Конечного, Дж.-П. Пиретто. Рим, 1997. № 2.

31. Ефремова Т. Ф. Современный толковый словарь русского языка / Т. Ф. Ефремова [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://slovo.ru/index.php?ID=16910&pg=0&w=%C3%CE%D0%CE%C4&s=%E3%EE%F0%EE%E4&a=> (дата обращения: 2.10.2017).

32. Ефимова Т. В. Петербургский текст как ресурс формирования городской ментальности: автореф. дис. ... канд. культурологии / Т. В. Ефимова. СПб., 2007 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://cheloveknauka.com/peterburgskiy-tekst-kak-resurs-formirovaniya-gorodskoy-mentalnosti> (дата обращения: 5.10.2017).

33. Иванова В. С. О семантике чисел в духовной культуре обских угров / В. С. Иванова. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2002. 36 с.

34. Ильф И., Петров Е. Золотой теленок / И. Ильф, Е. Петров [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://rubook.org/book.php?book=70466&page=1> (дата обращения: 03.12.2017).

35. История города Салехард [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.r89.ru/ab/> (дата обращения: 03.10.2017).

36. Казари Розанна. Московские маргиналии к Петербургскому тексту / Розанна Казари // *Europa Orientalis XV I: Сборник статей* / Под ред. А. Д'Амелии, А. Конечного, Дж.-П. Пиретто. Рим, 1997. № 2. С. 361–369.

37. Ким Хюн Еун. Стихотворения И. Бродского как метатекст: на материале книги «Часть речи»: Дис. ... канд. филол. наук / Ким Хюн Еун. Москва, 2004. 211 с.

38. Косинцева Е. В., Куренкова Н. В. «Все в этом мире от Бога...»: роман Е. Д. Айпина «Божья Матерь в кровавых снегах» / Е. В. Косинцева, Н. В. Куренкова. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. 143 с.

39. Косинцева Е. В. Образ Рио-де-Жанейро в рассказе Е. Д. Айпина «Река-в-Январе, или в Рио-де-Жанейро» (к вопросу о городском тексте в хантыйской литературе) / Е. В. Косинцева // Вестник угроведения. 2017. № 3 (30). С. 41–46.

40. Косинцева Е. В. Парижский текст в творчестве А. Д. Айпина / Е. В. Косинцева // Вестник угроведения. 2016. № 2 (25). С. 36–45.

41. Косинцева Е. В. Образ города в прозе Е. Д. Айпина (на материале рассказа «Осень в твоём городе») / Е. В. Косинцева // Вестник угроведения. 2017. № 2 (29). С. 64–68.

42. Кузнецова Е. В. Парижский текст Гайто Газданова / Е. В. Кузнецова // Гуманитарные исследования. 2012. № 2 (42). С. 223–229.

43. Купина Н. А., Битенская Г. В. Сверхтекст и его разновидности / Н. А. Купина, Г. В. Битенская // Человек. Текст. Культура: коллективная монография под ред. Н. А. Купиной, Т. В. Матвеевой. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2004. С. 215–222.

44. Лазарев Г. Д. Мы дети одной семьи / Г. Д. Лазарев // Остяко-Вогульская правда, 28.01.1938. С. 2.

45. Ларкович Д. В. «Югорский текст» как литературная реальность к постановке проблемы / Д. В. Ларкович // Вестник угроведения. 2019. Т. 9. № 1. С. 40–52.

46. Литература Югры. 1930–2000. Поэзия. Антология / сост. Н. И. Коняев. Люберцы: Унисерв, 2001. 256 с.

47. Литературное наследие обских угров. В 2-х т. / сост. Е. В. Косинцева, С. С. Динисламова, Л. Н. Панченко, Л. А. Андреева. Ижевск: Принт-2, 2016. Т. 1. Мансийская литература. – 564 с.; Т. 2. Хантыйская литература. – 748 с.

48. Лотман Ю. М. Семиосфера / Ю. М. Лотман. СПб.: Искусство-СПб., 2000. 704 с.

49. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту: Тартуский гос. университет, 1984. С. 30–45.

50. Лотман Ю. М. Символика Петербурга и проблемы семиотики города / Ю. М. Лотман // Лотман Ю. М. История и типология русской культуры. СПб.: Искусство-СПб., 2002. С. 208–220.

51. Лошаков А. Г. Сверхтекст как словесно-концептуальный феномен / А. Г. Лошаков. Архангельск: Поморский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, 2007. 344 с.

52. Мазин В. А. Ларьякский голос. Стихотворения / В. А. Мазин. Нижневартовск: Приобье, 1998. 128 с.

53. Малания Георгий. Город Лабытнанги / Георгий Малания [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://uraloved.ru/goroda-i-sela/tumenskaya-obl/labitnangi> (дата обращения: 03.10.2017).

54. Маркс К. Критика политической экономии // Маркс К. Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. М.: Политиздат, 1968. Т. 46. Ч. 1. 656 с.

55. Меднис Н. Е. Сверхтексты в русской литературе / Н. Е. Меднис. Новосибирск, 2003 [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.rassvet.websib.ru/chapter.htm?no=35> (дата обращения: 25.02.2016).

56. Меднис Н. Е. Феномен сверхтекста / Н. Е. Меднис. [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://www.old.megansk.ru/articles/111234> (дата обращения: 25.02.2016).

57. Меднис Н. Е. Душа города. Рецензия на сборник статей «Moscow and Petersburg. The city in Russian culture». Edited

by Ian K. Lilly. Nottingham: Astra Press, 2002 / Н. Е. Меднис // Сибирский филологический журнал. 2003. № 2. С. 114–119.

58. Новыхов М. И. С надеждой на счастье. Лирика / М. И. Новыхов. Шадринск: Шадринский Дом Печати, 2012. 192 с.

59. Повестка дня на XXI века [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9F%D0%BE%D0%B2%D0%B5%D1%81%D1%82%D0%BA%D0%B0_%D0%B4%D0%BD%D1%8F_%D0%BD%D0%B0_XXI_%D0%B2%D0%B5%D0%BA (дата обращения: 31.07.2017).

60. Полякова Н. В. Концепт Пространство и средства его репрезентации в селькупском и русском языках / Н. В. Полякова. Томск: ТГПУ, 2006. 120 с.

61. Прокофьева Ю. В. Категория пространство в художественном преломлении: локусы и топосы / Ю. В. Прокофьева // Вестник Оренбургского государственного университета. 2005. № 11. С. 87–91.

62. Прохорова Л. С. Лондонский городской текст русской литературы первой трети XIX века: автореф. ... канд. филол. наук / Л. С. Прохорова. Томск, 2005. 21 с.

63. Рабинович М. Г. К определению понятия «город»: (в целях этнографического изучения) / М. Г. Рабинович // Советская этнография. 1983. № 3. С. 19–24.

64. *Pietroburgo Capitale Della Cultura Russa* / a cura di Antonella d'Amelia. Università degli studi di Salernodipartimento di studi linguistici e letterari [Петербург – столица русской культуры]. Сборник статей / Под ред. А. Д'Амелия. Салерно: [Б. и.], 2004. 460 с.

65. Роговер Е. С., Нестерова С. Н. Творчество Еремея Айпина / Е. С. Роговер, С. Н. Нестерова. Ханты-Мансийск: Полиграфист, 2007. 140 с.

66. Ругин Р. П. Звон летящего аркана: стихи / Р. П. Ругин. М.: Совет. писатель, 1987. 160 с.

67. Ругин Р. П. Избранные стихи / Р. П. Ругин. Екатеринбург: Сред.-Урал. кн. изд-во, 2004. 320 с.

68. Сартр Ж.-П. Проблемы метода / Ж.-П. Сартр. М.: Прогресс, 1993. 240 с.

69. Семь чудес света [Электронный ресурс] // Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A1%D0%B5%D0%BC%D1%8C_%D1%87%D1%83%D0%B4%D0%B5%D1%81_%D1%81%D0%B2%D0%B5%D1%82%D0%B0 (дата обращения: 02.08.2017).

70. Серто де М., Космарский А. По городу пешком / М. де Серто, А. Космарский // Социологическое обозрение. 2008. № 2. Том 7. С. 24–38.

71. Сибирский текст в национальном сюжетном пространстве: коллективная монография / отв. ред. К. В. Анисимов. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2010. 237 с.

72. Скепнер Л. С. О литературоведческом аспекте «северного текста» / Л. С. Скепнер // Северный текст в русской культуре: материалы междунар. конф. / отв. ред. Н. И. Николаев. Архангельск, 2003. С. 13–19.

73. Сязи В. Л. Образ Советской России в повестях и рассказах Е. Д. Айпина / В. Л. Сязи // В мире научных открытий. 2015. № 7.5. С. 1978–1989.

74. Сязи В. Л. Образ России в рассказах Е. Д. Айпина / В. Л. Сязи // Финно-угорские языки народов России в условиях взаимодействия с языками разных систем: материалы Междунар. симп., посвящ. юбилеям финно-угроведов Хейкки Паасонена (150 лет), Пауля Аристэ (110 лет) и Б. А. Серебренникова (100 лет) (Саранск, 21–22 мая 2015 г.). Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2016. С. 160–165.

75. Сязи В. Л. Концепция любви в прозе Е. Д. Айпина: национальное своеобразие, система образов: дис. ... канд. филол. наук / В. Л. Сязи. Ханты-Мансийск, 2017. 189 с.

76. Топоров В. Н. Петербург и петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров // Метафизика Петербурга: петербургские чтения по теории, истории и философии культуры. СПб., 1993. Вып. 1. С. 205–235.

77. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров // Избранные труды. СПб.: Искусство, 2003. 614 с.

78. Топоров В. Н. Петербургские тексты и Петербургские мифы (Заметки из серии) / В. Н. Топоров // Миф. Ритуал. Символ. Образ. Исследования в области мифопоэтического. М.: «Прогресс» – «Культура», 1995. С. 368–399.

79. Топоров В. Н. Петербург и «Петербургский текст русской литературы» (Введение в тему) / В. Н. Топоров // Труды по знаковым системам. Вып. 18. Тарту: Тартуский гос. университет, 1984. С. 4–29.

80. Трубецкова Е. Г. «Текст в тексте» в русском романе 1930-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Г. Трубецкова. Саратов, 1999. 25 с.

81. Ушаков Д. Н. Толковый словарь русского языка / Д. Н. Ушаков [Электронный ресурс] // Режим доступа: <http://slovo.ru/index.php?ID=16910&pg=0&w=%C3%CE%D0%CE%C4&s=%E3%EE%F0%EE%E4&a=> (дата обращения: 2.10.2017).

82. Тюпа В. И. Мифологема Сибири: к вопросу о «сибирском тексте» русской литературы / В. И. Тюпа // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.

83. Ходус В. П. Структура метатекста в романе М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени» // *Leksyka w komunikacji językowej. Materiały konferencji międzynarodowej*. Gdańsk, 1998. С. 50–51.

84. Шиндина О. В. Образ города в романе Каверина «Два капитана»: общий взгляд / О. В. Шиндина // Города региона: культурно-символическое наследие как гуманитарный ресурс будущего. Материалы международной научно-практической конференции 15–17 апреля 2003 года / Под ред. проф. Т. П. Фокиной. Саратов, 2003. С. 116–119.

85. Шмидт Н. В. «Городской текст» в поэзии русского модернизма: дис. ... канд. филол. наук / Н. В. Шмидт. Москва, 2007. 199 с.

86. Шубинский В. И. Город мертвых и город бессмертных. Об эволюции образов Петербурга и Москвы в русской культуре XVIII–XX вв. / В. И. Шубинский // Новый мир. 2000. № 4. С. 146–156.

87. Шульгин М. И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н. И. Величко / М. И. Шульгин. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. 304 с.

88. Шурупова О. С. Основные особенности Провинциального текста английской литературы / О. С. Шурупова // Концепт. 2013. № 10 (октябрь) [Электронный ресурс] // Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-osobennosti-provintsialnogo-teksta-angliyskoy-literatury> (дата обращения: 02.11.2017).

89. Щербакова Э. В. К проблеме определения понятия «город» / Э. В. Щербакова // Проблемы филологии, культурологии и искусствоведения в свете современных исследований: сборник материалов 17-й международной науч.-практ. конф., 17 апреля 2016 г. Махачкала: Апробация, 2016. С. 41.

90. Щербакова Э. В. Лондон как текст в романах У. Теккерея «Ярмарка тщеславия», «Записки Барри Линдона», «Ньюкомы»: дис. ... канд. филол. наук / Э. В. Щербакова. Воронеж, 2016. 187 с.

CONTENT

INTRODUCTION.....	4
--------------------------	----------

CHAPTER 1.

THE IMAGE OF RUSSIA IN KHANTY

LITERATURE: THE URBAN CODE

1. About Khanty literature	14
2. The image of Russia and a Russian man in Khanty literature ..	20
3. The images of Russian megalopolises in Khanty poetry	43
4. Cities of Western Siberia in Khanty poetry	52
5. Attribution of an unnamed city in the story by Ye. D. Aipin “Autumn In Your City”	66

CHAPTER 2.

THE URBAN TEXT IN KHANTY

LITERATURE: THE IMAGES OF EUROPEAN AND AMERICAN CITIES

1. Parisian text in prose by Ye. D. Aipin.....	76
2. Northern Europe and its presentation in Khanty prose.....	92
3. The image of Rio de Janeiro in the creative work by Ye. D. Aipin	105
4. Presentation of cities of Canada in prose and journalism by Ye. D. Aipin	119
5. Reception of the USA in prose by Ye. D. Aipin.....	134

CONCLUSION	152
-------------------------	------------

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

Е. В. Косинцева

**Метатекст в хантыйской литературе:
урбанистический код**

Художник Н. А. Жеманская

Подписано в печать 29.06.2020

Формат 80х60/16. Гарнитура Times New Roman.

Усл. п. л. 9,77. Тираж 150 экз. Заказ № 453 от 09.06.2020.

Отпечатано ООО «Печатный мир г. Ханты-Мансийск»

г. Ханты-Мансийск, ул. Мира, 46

тел. +7 3467 334991